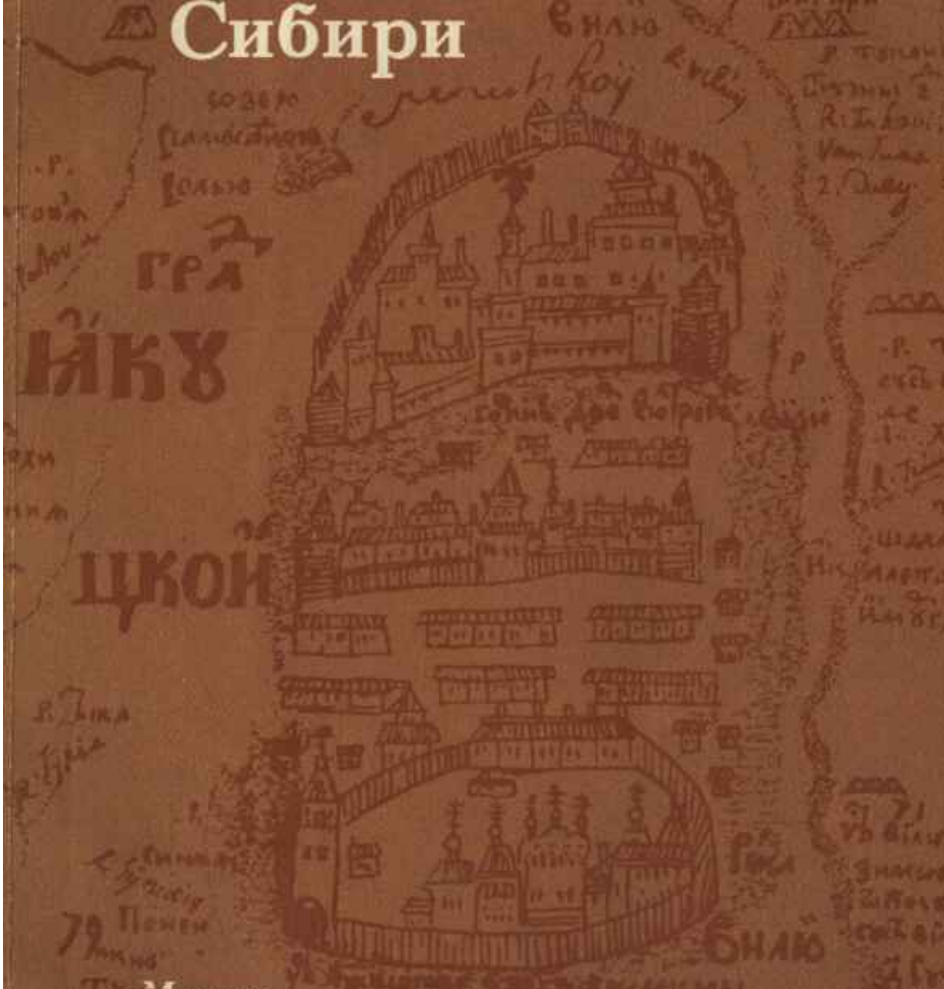
В. И. Кочедамов

Первые русские города Сибири



Москва
Стройиздат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга В. И. Кочедамова, посвященная первым русским городам Сибири, в хронологическом плане охватывает период с середины XVI в. по конец XVIII в. — время больших исторических свершений, связанных с градостроительным освоением огромных территорий.

Чтобы полностью представить значение и характер исследовательской работы автора, необходимо кратко осветить общий ход событий в те времена, о которых идет речь в книге, проследить связь времен.

Уже в конце XVI в. казаки под предводительством Ермака, вслед за смелыми новгородскими ушкуйниками перешедшие через Каменный пояс — Урал — в страну «человецех незнаемых», увидели не только лесных охотников и рыболовов, но и скотоводческие племена. Перед ними развернулась панорама неведомых ранее народов, языков и культур.

Их поразила Сибирь, но и они удивили своими подвигами, удалью и чисто русским размахом не только коренных жителей, но и своих потомков. Об этом в потрясающих по своей образности словах рассказывает сибирская летопись Семена Ремезова. Да, Ермак Тимофеевич нанес сокрушительный удар последнему отсталому полуфеодальному татарскому ханству, которое несло с собой лишь бедствия и страдания зависимым племенам. После Казани и Астрахани пало царство Кучума, «презренного царя Сибири», по словам декабриста К. Рылеева. И все же Ермак, чье имя навечно вошло в историю России, в первые сибирские летописи, в народные песни, в татарские и якутские легенды, сделал со своей дружиной только первый шаг в те бескрайние просторы, которые лежали к востоку от Каменного пояса, в страну сол-

нечного восхода. Чем дальше, тем больше расширялся диапазон этих открытий, тем больше открывалось простора для деятельности тех, кто так смело шел в глубь неведомых ранее пространств северной Азии.

Ермак вступил в Сибирь в 1581 г. при жизни царя Ивана Грозного, а уже в 1639 г. Иван Москвитин из отряда Дмитрия Копылова смотрел в пенные волны Охотского моря. Еще через 9 лет, в 1648 г., смелый русский мореплаватель Семен Дежнев обогнул на своем неуклюжем деревянном коче азиатский материк, пройдя среди льдов Ледовитого океана от Колымы до Анадыри. Потрясает воображение размах освоения в XVII в. этих неведомых до Ермака земель северной Азии. Теперь перед глазами русских землепроходцев лежала огромная страна, ограниченная на западе Уральскими горами, на юге горными цепями Саян и Алтая, монгольскими степями, а на севере Ледовитым океаном. Прогрессивное значение этого исторического события оценил А. Радищев, когда в илимской ссылке писал свой замечательный исторический очерк о Сибири, который он назвал «Сокращенное повествование о приобретении». Не завоевание силой оружия, а именно приобретение силой творческого труда под влиянием трудового опыта и культуры русского народа — таково существо этих событий.

Продвижение русских землепроходцев за Урал являлось естественным и закономерным завершением процесса складывания многонационального русского государства. Оно отвечало жизненным интересам русского крестьянина, искавшего на востоке новые пахотные земли.

Народы Сибири не были истреблены пришельцами, как это произошло

с американскими индейцами или тасманийцами. Коренные жители Сибири сохранили свой бытовой уклад, свой язык. Несмотря на гнет царской власти, многие сибирские племена за 300 лет не только не уменьшились численно, но и выросли, как, например, якуты — в три раза! Объективно этот процесс, вопреки колониальной политике царского правительства, способствовал прогрессу народов, которые обитали в Сибири до прихода русских.

И не случайно в истории первых контактов сибирских народов с русскими записаны такие примеры, как добровольное согласие одного из самых сильных сибирских племен — бурят — на ясак и приход «под высокую руку» московского государя. Удивление высокой русской культурой и желание войти в ее орбиту сквозит и в замечательной якутской легенде о первой встрече маленькой группы русских со ставшим легендарным деятелем ранней истории якутов Тыгыном. В этой легенде русские выступают носителями новой высокой культуры. Так их оценила демократическая по сути фольклорная традиция, отразившая идеологию простого народа Якутии. Как и во многих других легендах, в ней имеется историческое ядро.

В 30-х годах XVIII в. Академия наук организовала первую экспедицию для всестороннего изучения Сибири во главе с Берингом. В составе ее был известный путешественник, естествоиспытатель и этнограф Иоганн Георг Гмелин. В 1752 г. он опубликовал в Геттингене изустные рассказы мангазейских казаков о беспримерном, поистине легендарном путешествии «гулящего», иначе говоря, вольного, промышленника Пенды.

Путешествие Пенды с товарищами служит еще одним свидетельством того, что у коренного населения Сибир-

ри не было желания враждовать с русскими. Различные недоразумения вызывались своеволием и лихоимством местного начальства.

И что всего важнее, в ряде случаев, когда вспыхивали восстания крестьян и городских низов, русские и аборигены — якуты, буряты объединялись для общей борьбы. Так было в Томске, Балаганске. Не менее важны для понимания сути проблемы и внешнеполитические события, сопутствовавшие освоению Сибири.

В конце XVI — начале XVII в. в Маньчжурии образуется очаг агрессии. Маньчжурские феодалы сначала оккупировали Китай, а затем уже в союзе с китайскими феодалами, предавшими собственный народ, начали наступление на юг и север — в степи Монголии, а также по направлению к Средней Азии и Сибири. Маньчжурская агрессия сопровождалась полным разрушением культурных ценностей, истреблением населения.

Поработившая Китай маньчжурская династия Цин стремилась захватить северную Азию, наш Дальний Восток, Сибирь. Но эти агрессивные устремления встретили отпор. В 1649—1652 гг. Приамурье находилось уже в составе Русского государства. В результате походов русских казаков и «охочих» людей там были основаны укрепленные городки (остроги), заведена пашня.

Административным центром русских владений была крепость Албазин. В эти земли, никогда не находившиеся под властью Китая и маньчжуров, вторглись цинские войска. Они не раз осаждали Албазин. В 1689 г. в Нерчинск прибыло русское посольство боярина Головина для переговоров о границах.

В это критическое для народов Азии время русские воины преградили путь маньчжурско-китайским агрессорам на Амуре, в Приморье.

Войдя в состав русского государства, сибирские народы избежали грозившей им с востока опасности, не менее страшной, чем татаро-монгольское иго. Всюду, где устанавливалось господство новых завоевателей Азии, воцарялись самые отсталые, варварские феодальные порядки. И народы Сибири, в первую очередь те из них, которые находились па передовой линии, оценили помощь русского народа.

Вместе с русскими буряты и тунгусские племена отбили в XVII в. агрессию маньчжурских феодалов, поработивших Китай и Монголию. Тунгусский богатырь князь Гантимур поднял свое племя на борьбу с маньчжурами. Разгневанный Богдыхан, от которого Гантимур ушел к русским, требовал выдачи его головы. Но Гантимур отвечал, что «он жив в Китай не пойдет и сам себя убьет, для того, что он и прародители его родились на Нерче». Гантимур сдержал свое слово и навсегда остался со всем своим родом в России. Точно так же 30-ю годами раньше бурятский князец Инкей сказал, что «он не пойдет в мунгалы, а умрет де на своей земле». И недаром бурятские казачьи полки, стойко охранявшие русские границы на Востоке, получили от Петра I знамя с гордой надписью: «Никому не уступает».

Так, из XVII в. в наше время тянутся незримые нити, связавшие судьбу народов Сибири с русским народом и другими народами нашей страны.

Эти нити, эту связь времен прослеживает на материалах своего исследования о судьбах первых русских городов Сибири Виктор Ильич Кочеламов. Книга его необычная. Необычна она уже потому, что находится на рубеже двух наук: собственно истории Сибири и истории искусства. Поэтому она сочетает собственно исто-

рическую направленность с искусствоведческой и историко-архитектурной. Историк найдет в ней свое, искусствовед — свое. Но еще важнее, что каждый получит нечто новое для себя из смежной, но все-таки «чужой» области научного знания. Потребность в таких знаниях, в информации из смежных наук ощущается все настоятельнее в связи с бурным, всенарастающим потоком информации, овладеть которым специалист не может в полной мере даже и в своей собственной дисциплине, не говоря уже о смежных.

Этому требованию отвечает книга «Первые русские города Сибири» В. И. Кочедамова.

Столь же важно и другое. Книга эта заполняет большой и ощутимый пробел не только в истории Сибири в целом, но и в историко-архитектуроведческих трудах. До сих пор не делалось попыток свести в единое целое в рамках всей Сибири — от Урала до Тихого океана — разрозненные факты, рисующие грандиозный процесс возникновения и развития сибирских городов, ход освоения сибирских земель.

Еще мало уделялось внимания в исторической и искусствоведческой литературе ценнейшему архитектурному наследию этого края. Наследию, которое дошло до нас в немногочисленных, чудом уцелевших образцах. Даже на моей памяти и на памяти ныне живущих молодых поколений сибиряков исчезли такие замечательные памятники древнерусской художественной культуры, как древние шатровые церкви и колокольни, как чудесные образцы архитектуры сибирского барокко. Под напором времени не устояли не только деревянные, но и многие каменные сооружения с их фантастически богатым узорочьем. И не только культовые, но и гражданские постройки погибли навсегда.

Свою жизнь ученого В. И. Кочедамов — сибиряк по рождению — посвятил изучению художественной культуры Сибири. Такой работы до него никто не предпринимал, этого не смог сделать даже нестор сибирской историографии С. В. Бахрушин.

На основе впервые исследованного архивного, рукописного и иконографического материала, изучения многочисленных литературных источников им создан капитальный труд по истории градостроения и зодчества Сибири. Неотъемлемой частью труда являются сделанные автором проекты реконструкции деревянных крепостей — предков сибирского города, что, несомненно, имеет самостоятельную научную ценность.

Автор знакомит читателя с выдающимися деятелями того времени, первым из которых должен быть назван Семен Ульянович Ремезов, главный строитель Тобольского кремля. Его вклад в развитие русской культуры особенно значителен. Ремезов известен как составитель изобразительных чертежей — планов сибирских городов, как энергичный организатор строительных работ и автор проектов жилых и общественных зданий.

Первая глава знакомит читателя с основными направлениями градостроительного освоения Сибири. В. И. Кочедамов вслед за землепроходцами, искателями новых землиц этап за этапом прослеживает, как появлялись на берегах сибирских рек, на волоках между речными системами сначала зимовья и острожки, затем остроги и крепости, наконец, как крепости обрастали посадами и превращались в города.

Он отдает должное энергии и мужеству тех, кто рубил вековые лиственницы, сосны и кедры, свозил их на намеченные с мудрым знанием природных условий места, а затем шел дальше в глубь сибирской тайги, ле-

сотундры и тундры, чтобы закладывать новые форпосты передовой цивилизации русского народа.

Вто'рая глава носит типологический характер, она знакомит читателя с различными типами укреплений-крепостей, являвшихся предками почти всех сибирских городов. В ней рассматриваются особенности конструктивного решения, дается образная характеристика сооружений от простейших — зимовий — до более сложных — рубленых «городов» с отрогами. Речь идет при этом не просто о строительных приемах н об архитектурных формах, но и об отражении в зодчестве, в планировке острогов или городов исконно русских народных традиций как общих для всей России, так и характерных для местного архитектурного творчества. И если брать проблему еще шире, то она охватывает эстетическое мировоззрение русских в Сибири.

В третьей главе развертывается конкретная история ранних городов Сибири, начиная с древней столицы ее — Тобольска — на западе и кончая Селенгинском на подступах к Центральной Азии. Свой анализ автор не случайно начинает с Тобольска. Тобольск с его кремлем, с высокими башнями и грандиозным собором, как бы парящими над просторами Сибири, явился зримым выражением величия и мощи Русского государства, конкретным свидетельством неразрывной связи Сибири с метрополией, с Русью.

Четвертая глава посвящена анализу деревянного и каменного зодчества Сибири. Знаменитый Тобольский кремль, поражающий своей слитностью с природой и своеобразием архитектурных форм, и затерявшиеся в глуши деревянные церкви и остатки древних крепостей дают представление о высокой художественной н строительной культуре.

Неоценимое значение имеет работа В. И. Кочедамова по творческому воссозданию облика древних городов и архитектурных памятников по уцелевшим письменным и иконографическим источникам.

Сведения по градостроительной истории Сибири XVII—XVIII вв. автор нашел в центральных и местных архивах, музеях, кроме того, в течение многих лет им проводилось обследование городов в натуре. Помимо привлечения возможно большего количества сведений, найденных в государственных архивах, автор стремился и к максимальному иконографическому освещению изучаемого вопроса, снабдив монографию фотокопиями планов городов, проектных чертежей, старинных гравюр, старыми фо-

тоснимками с натуры. Так как наиболее ранние изображения относятся к началу XVIII в., автор стремился дополнить облик сооружений и городов по воеводским описям.

Каждый, кто соприкасался с такими поисками, может представить объем и масштабы труда, вложенного В. И. Кочедамовым в задуманное исследовательское предприятие.

Нет сомнения в том, что книга В. И. Кочедамова, результат его поисков и оригинальной мысли, найдет благодарного читателя и прежде всего среди тех, кто строит новые города Сибири, кому дорога социалистическая Сибирь — страна осуществленной мечты поколений. .

Академик А. П. Окладников

Глава 1

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ

Сибирь... Беспредельные просторы и колоссальные природные ресурсы обусловливают возрастающие темпы градостроительства.

Промышленное развитие эпохи первых пятилеток, эвакуация заводов в годы Великой Отечественной войны и особенно послевоенное строительство решительно изменили облик многих старых городов и способствовали возникновению новых.

Особенный размах приобрело строительство в Сибири в наши дни в связи с сооружением на могучих сибирских реках мощных электростанций, открытием месторождений нефти я природного газа, строительством Байкало-Амурской магистрали.

Тысячи специалистов трудятся и будут трудиться над возведением новых и реконструкцией старых городов, и эта грандиозная работа должна основываться на надежном историческом фундаменте. Ведь «... седая древность, — писал Ф. Энгельс, — при всех обстоятельствах остается для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего более высокого развития» [1]*.

При реконструкции сложившихся городов полезно вспомнить этапы их роста, особенности развития, забвение которых ведет к утрате индивидуального характера планировочных идей, заложенных предшественниками, к нарушению композиционных взаимосвязей старых и новых частей города.

* См. Примечания, с. 184.

В историческом процессе становления первых русских городов Сибири выявлялись не только своеобразие сибирского градостроения, но и общерусские тенденции. Сибирский город, хотя и был наследником среднерусского, но на ранней стадии имел несколько иные социально-экономические основы, проявившиеся в его общей структуре, облике.

Эпоха освоения просторов Сибири совпадает с бурным ростом городов европейской части страны; при этом многие города центральной России к тому времени уже стали городами в экономическом смысле слова, потеряв функции крепости. Активно происходивший процесс дифференциации сельского населения способствовал выделению ремесленников и торговцев, образующих самостоятельную группу жителей городских посадов.

Иное положение сложилось в это время в Сибири, где долгое время большая часть русских городов оставалась укрепленными административными пунктами ясачных районов.

Первое время в сибирских городах-крепостях не было жителей, из которых бы формировались торгово-ремесленные посады. Крестьяне, двигавшиеся вместе или вслед за служивыми людьми, стремясь завести пашню близь крепости, становились первыми жителями городов. Когда крестьяне покидали город и уходили в слободы, деревни и заимки, при крепостях селились ссыльные, беглые, отставные казаки, т. е. состав населения, не имев-

ший навыка я средств для ремесла и торговли. Поэтому главным занятием посадского населения оставалось земледелие — сибирский город сам порождал деревню.

Развитие сибирского города как хозяйственного организма шло медленно и с трудом; не способствовали его расцвету и богатые ясачные сборы. Писатель середины XVII в. насчитывал в Сибири «больших и средних больше сорока городов, кроме пригородков», а денежных доходов с них едва хватало на уплату жалованья служивым людям, в то же время как о ясаке сообщалось: «а чаять тое казны приходу в год больши шти сот тысяч рублей» [2], что составляло треть всех государственных доходов, но это богатство исчезало из Сибири.

Ранний сибирский город был прежде всего звеном государственной налоговой системы, что иногда определяло и перспективы его развития. Так, например, некогда знаменитые города Пелым, Березов, Нарым, Сургут, Тара, Кетск и даже сказочная Мангазея потеряли былое значение потому, что эти районы обеднели промысловым зверем.

Значительное влияние на темпы роста города оказывало их расположение на торговых путях. Так, незначительные остроги Нерчинск, Селенгинск, Удинск, Иркутск, Енисейск и др., оказавшиеся на торговых путях, стали быстро расти; транзит оживил Томск, Тюмень, Тобольск и Верхотурье.

Там помимо ремесленников оседали ямщики, судостроители, мелкие торговцы и крупное купечество; подобные города, сохраняя крепости, начинали обрастать посадами и все больше походить на своих среднерусских собратьев. В ряде городов (например, в Енисейске) к XVII в. образовались немалые посады, но все же во всей Сибири насчитывалось лишь 1267 по-

садских дворов, в то время как только Москва в 1678 г. имела 5329 посадских двора. Сибирские города формировались не столько выделением ремесленников и торговцев из состава местного крестьянства, сколько приезжавшими из центральных районов страны посадскими.

Первоначальное назначение сибирского города особенно сказалось в выборе места для его основания. Как правило, они ставились в тех местах, где водился соболь, т. е. преимущественно в северных лесных и тундровых районах и непременно там, где проживало местное население. Однако города эти не основывались на местах туземных городков, хотя последние часто имели хорошие земляные укрепления, а строились рядом или неподалеку от городка местного князька, как это имело место с Епанчей в Туринске, Эюком в Якутске, Бардаком в Сургуте, Тояном в Томске и т. д. Только давно покинутые городища (Явлу-Тура) изредка приспосабливались под русское поселение (Ялуторовск).

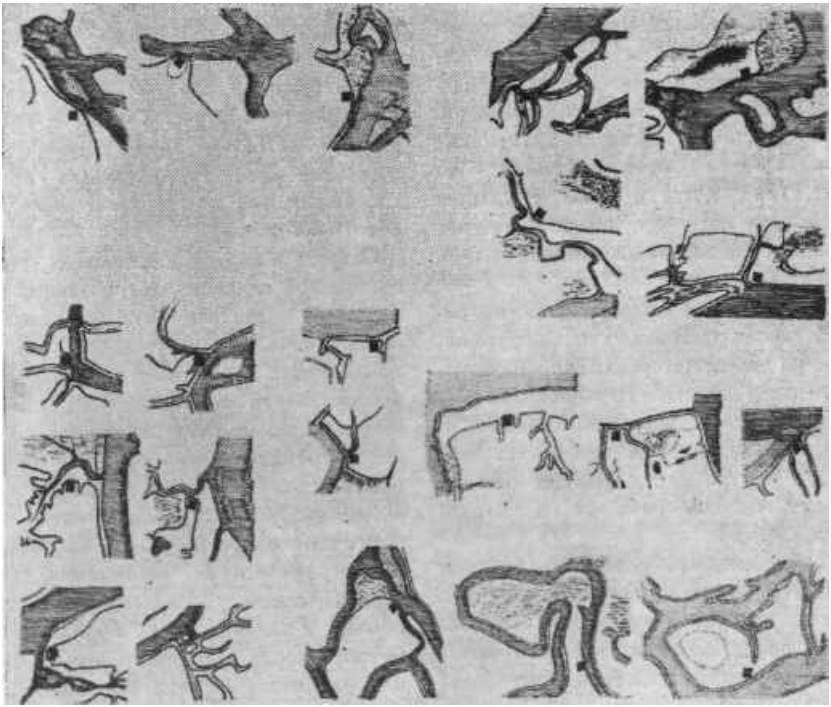
Остроги и города, как правило, ставились при слиянии двух, а иногда и большего числа рек, что создавало возможность «многолучевой» связи с прилегавшей территорией. Природа предоставляла множество мест, удобных для размещения крепостей, но они возникали только там, где топографические условия совпадали с экономической целесообразностью.

Ясачный район не всегда совпадал с географическими удобствами, но экономическая целесообразность обычно в таких случаях брала верх. Остроги порой ставились среди болот или на низких берегах рек, заливаемых в половодье, но стойко держались, пока были необходимыми.

Основатели крепостей предпочитали места в узких перешейках речных петель, где крепость замыкала горло-

вину, за которой в относительной безопасности можно было разместить селитьбу (Киренск, Ишим, Нерчинск). Успехом пользовались мысовые участки, когда три стороны крепости могли опираться на береговые кручи и только одна — «приступная», или «полевая» — принимала удар неприятеля. В этом случае перед крепостью возникал посад, часто со своей стеной (Тюмень, Красноярск, Томск. Тобольск, Ачинск, Верхотурье). Удобными считались и места, когда к большой реке подходили близко расположенные друг от друга приток» или овраги (Баргузинск, Нарым, Березов, Туринск, Мангазея). Если не было перечисленных условий, крепо-

сти ставились на высоком берегу реки или в ее пойме, но в местах, где за пределами берегового вала лежали болота, препятствовавшие неожиданным налетам на крепость (Енисейск, Иркутск, Тара, Якутск). Порой не имелось и таких условий, тогда крепости располагали на складке местности или на берегу, имея открытыми три стороны (Селенгинск, Верхнеудинск, Нижнеудинск). Эти примеры подтверждают, что главным фактором при основании крепости были не топографические условия, а интересы внутренней политики, экономический стимул. Географическая среда здесь участвовала только как ареал расселения налогоплательщиков, ме-



Природные ситуации размещения сибирских городов. Слева направо: Киренск, Ишим, Нерчинск, Тюмень, Красноярск, Томск, **Тобольск,** *Ачинск, Верхотурье,* **Баргузинск, Нарым,** *Березов, Туринск,* **Мангазея,** *Енисейск, Иркутск,* **Тара.** *Якутск, Селенгинск,* **Верхнеудинск, Нижнеудинск,** *Рис. автора*

сто хорошего промысла с удобными транспортными связями.

Крепость строилась первой и занимала самое выгодное и эффектное место. От нее в ясачные районы, на пашни, покосы и в соседний город прокладывались дороги, сходившиеся к главным воротам. Между береговой дорогой и рекой ставились первые дома посада. Река больше других географических факторов привлекала поселенцев; она была главным путем летом и зимой, с нее открывался красивый вид на поселение, к чему не безразлично относились и первые жители Сибири; возникало как бы три полюса притяжения жилья — река, дорога и крепость.

К обычной двухчастной структуре города, состоящего из крепости и посада, со временем добавлялись слободы и монастыри. Первые в отличие от посада имели однородный состав населения по характеру занятий или национальности. Так, в Тюмени за Турой издавна сложилась Татарская слобода, а рядом слобода русских кожевников, за Тюменкой — Ямская слобода. В Тобольске, в устье Курдюмки, на берегу Иртыша почти с основания города существовала Татаро-бухарская слобода, а в конце Нижнего посада селились ямщики, бронники. Татарская слобода имелась и в Туре. По профессиональным признакам селились жители Енисейска, его знаменитые железоделатели и плотники жили в особых улицах, прилегавших к р. Мельничной. Слободы сибирских городов не представляли четко обособленных образований, но тенденции к этому намечались. Так, якутские воеводы селили отдельно ссыльных, военнопленных ливонских войн и раскольников. Помимо посада в Якутске была еще и купеческая слобода.

На особом положении были монастыри. Они играли серьезную роль в

обороне, наравне с крепостью принимая на себя удары неприятеля.

Застройка ранних сибирских городов практически никем не регулировалась. Основные планировочные элементы ранних сибирских городов формировали случайности или неясные еще нам закономерности. Создателем городов был народ, возводивший их согласно традициям. Так, жители Новой Мангазеи (Туруханска), еще в середине XVIII в. обитавшие в домах с деревянными дымницами, «образа строения своего не переменяли, не хотя отступать от прежнего отцовского плана» [3]. По мере роста посада сибирского города новые переселенцы, боясь потерять плечо соседа, пристраивались как можно плотнее. Компактность была непременным условием успешной обороны, так как сокращалась протяженность острожной стены, находившейся в соответствии с числом воинов гарнизона. Когда посад Пелыма перерос эти возможности, воевода приказал снести часть жилых дворов и сократить стену. Но требование компактности приводило к чрезмерной скученности застройки, крайне опасной при частых пожарах.

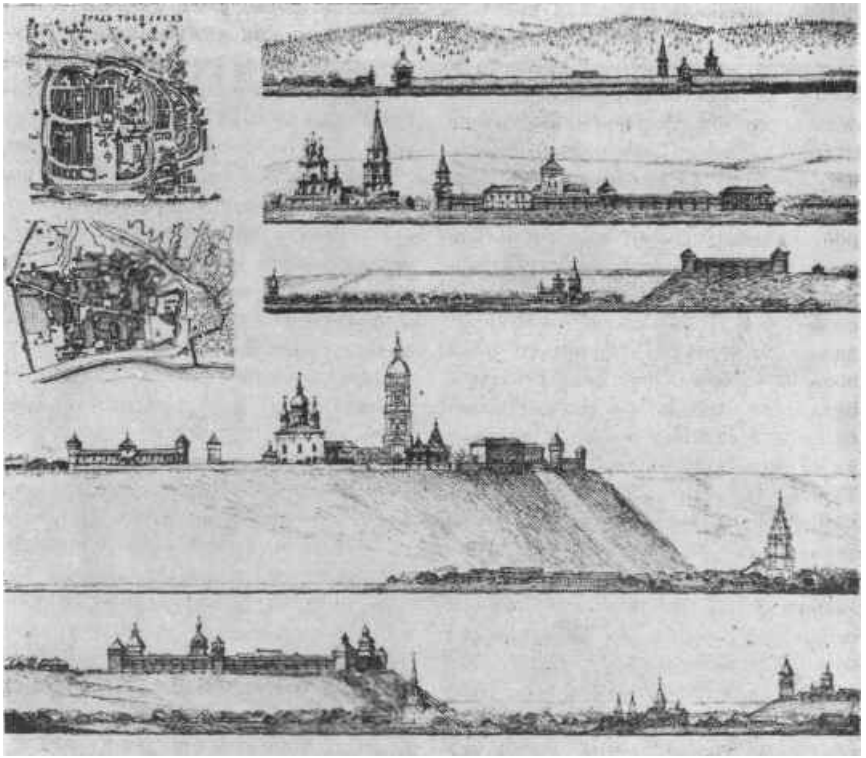
Балансирование между стихийным разрастанием посада и необходимостью его концентрации существенно сказалось на планировке ранних городов. Рисунок их планов представлял как бы треснувшую в половодье льдину — в мозаике кварталов едва прослеживаются главные транзитные направления. В Баргузинске и Верхневилюйске одиночные дворы и группы дворов свободно расположились на удобных участках, здесь еще не было и намека на улицы и дороги. Очевидец, наблюдавший селения на р. Анадырь в XIX в., сообщает: «Все постройки очень разбросаны; чего-либо похожего на улицу совершенно нет; каждый дом стоит отдельно, и хозяин его не обращает никакого внимания

на то, какой стороной обращен он к соседнему; заботятся, главным образом, только о том, чтобы окна были обращены на юг» [4].

В названных примерах границы городов не были закреплены. По-видимому, так же началась застройка и Ишима, но вскоре встретила препятствия дальнейшему расширению в виде рукавов реки на западе и востоке, болота на юге и крепостной стены на севере. Оставалось только уплотнить застройку территории, между старыми дворами ставить новые. Но и здесь еще с трудом прослеживаются зачатки уличной сети. Это

скорее транспортные и скотопрогонные дороги, чем городские улицы, привлекающие к себе дома.

Вероятно, в ранних сибирских городах формирование улиц происходило так же, как и в древнем Новгороде, где можно проследить этот процесс на протяжении X—XV вв. Там первые постройки также не были ориентированы на дороги, даже при уплотнении застройки они подходили *к* проездам случайными поворотами и лишь при последующих перестройках развернулись лицевыми фасадами, создавая обстройку улицы.



Панорамы центральных частей сибирских городов. Сверху вниз: Илимск, Иркутск, Верхнеудинск, Тобольск, Томск, слева вверху: план верхней части Тобольска из «Служебной чертежной книги» С. Ремезова и план верхней части Тобольска 1763 г.

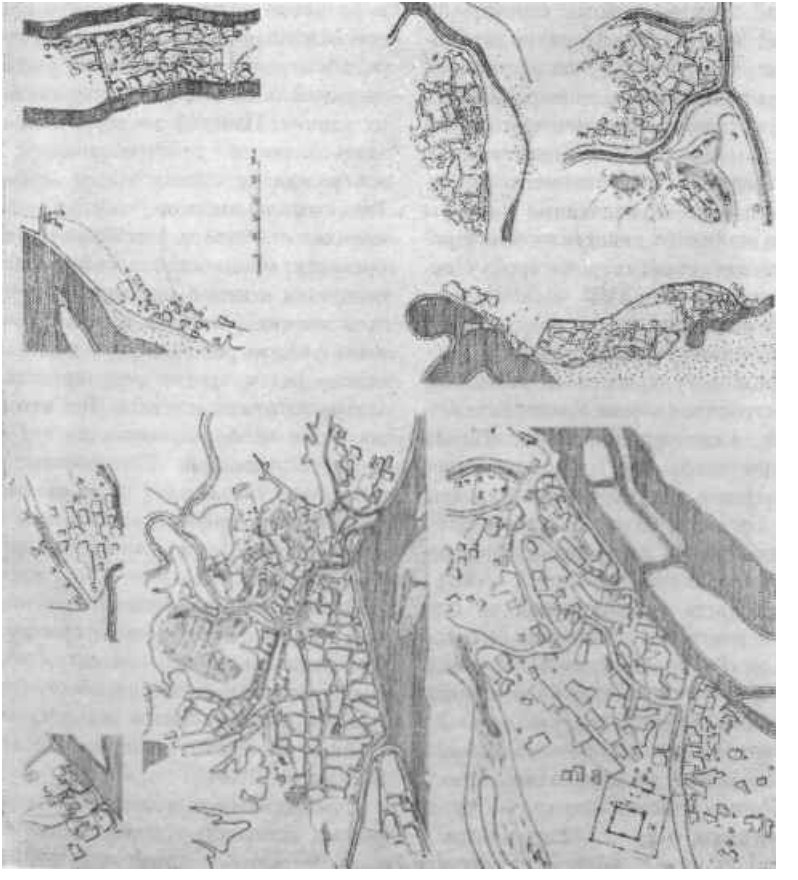
и

Трудно установить какую-либо систему в застройке Томска, Ялуторовска, Якутска, Сургута, Нарыма, Ачинска и Канска XVII в., где слабо намечались только звездообразно расходящиеся направления от крепости на периферию.

В том случае, когда город стоял на мысу, его территория представляла как бы секторальную вырезку из радиально-кольцевой системы. Когда же он прилегал к берегу, то планировка вписывалась в половину круга. К кремлю примыкало открытое пространство глассиса. От него вдоль дорог расходился веер основных улиц.

Острожные стены, прикрывавшие посад и выходившие концами к берегу реки, время от времени переносились дальше от кремля, оставляя четкие кольцевые направления и создавая новые. Такая система заметна на планах городов Тюмени, верхней части Тобольска, Красноярска, Туринска, Тары.

Наряду с радиально-кольцевым возникало и линейное расположение улиц, Это, естественно, получалось при условии, отмеченном еще Павлом Алеппским, посетившим русские города в XVII в.: «Все дороги проходят через середину городов, причем путе-



Схемы планов сибирских городов начала XVIII в. Рис. автора

шественник вступает в одни ворота и выезжает в другие, а потайных дорог мимо города вовсе нет» [5]. На примере городов Илимска и Селенгинска видно, как их посады растянулись вдоль берега и параллельной ему дороги.

В посадах городов Верхнеудинска и Березова было уже несколько продольных и поперечных улиц, и они приобретают относительно регулярный характер. Здесь перекрестную планировку определили контуры прямоугольных посадских стен и расположение ворот. Подобная же «регулярность» прослеживается в планах Енисейска и Верхотурья. По свидетельству очевидца в Тюмени в 1719г. «улицы прямы и дома строены по прямой черте» [6]. Порядок в прокладке тюменских улиц сложился давно, по-видимому, еще в 1635 г., когда, ожидая нашествия врага, туда прислали на постоянное жительство 500 стрельцов, построивших свои дома на посаде. Приведенные примеры хотя и являются свидетельством проникновения порядка в застройку сибирских городов XVII и XVIII вв., но они единичны.

Существует тенденция считать проводником регулярности в сибирское градостроение Семена Ульяновича Ремезова, а его чертежи приводить как примеры якобы уже существовавшей там и ранее регулярной планировки. Для проектов зданий тобольского кремля Ремезов даже пользовался изданными в Европе увражами XVII в., но в области градостроения не шел дальше пассивной фиксации планов городов. Рисунки из его «Чертежной книги Сибири» и «Служебной чертежной книги» ни что иное, как условное изображение городов на карте их уездов, сделанное по описаниям очевидцев. Пользуясь ими, нам сейчас трудно составить верное представление о подлинном виде сибирских городов

XVII в. Нельзя упускать из виду условность ремезовских планов.

Так, на его плане Тобольска в нагорной части изображены прямоугольные кварталы, давшие некоторым исследователям основание говорить «об организованной застройке всего города» или о том, что «такой квартал состоял из однотипных по форме (обычно прямоугольных) и размеру наделов», и даже привело к выводу о наличии в Тобольске на рубеже XVII и XVIII в. регулярной планировки «из узких ремесленных кварталов с двухсторонней застройкой» и т. д. [7].

Наследник изобразительной культуры XVII в., он пользовался обычным в то время приемом выделять главное, нарушая соразмерность частей, подобно тому, как на иконах рисовали людей большими, чем окружающие их здания. Изограф не стремился создать иллюзию действительности, а изображал ее сущность, ее смысл. Главным элементом города был кремль, и Ремезов изображает его превалирующим над посадом, хотя посадские стены были много длиннее кремлевских. Столь же условно стройными рядами расставлены и дома, что совсем не говорит о регулярности в застройке этих кварталов. Все это относится к изображениям и других сибирских крепостей. Вычерченные по размерам, указанным в воеводских описях, они приобретают далеко не такие четкие формы и совсем иные пропорции.

Планировка Тобольска — типичный пример постепенного формирования радиально-кольцевой сети улиц, зависимой от положения дорог, берегов рек и постепенного переноса острожных стен, что наглядно доказывает план 1763 г.

Свободная планировка и застройка ранних сибирских городов гармонически сочеталась с природным окруже-

нием. При выборе места большое внимание уделялось и красоте окружающего пейзажа. Когда в 1628 г. А. Дубенский определил место для Красноярского острога, он характеризовал его как «красно гоже», т. е. очень хорошее во всех отношениях. И, действительно, сибирские крепости часто занимали эффектные кручи в развилках рек или стояли на обрывах высоких берегов на фоне вечнозеленых гор, массивов вековой тайги. Город естественно возникал среди природного окружения, сливался с ним, становился его частью.

Горожанин, строитель своего города, живя в окружении природы с ее естественно мягкими контурами, в своем творчестве чутко воспринимал изящество этих пластических сочетаний. Пространство города не расчерчивалось резко, а как бы «лепилось» — в этом была своя эстетика.

Градостроительный комплекс возникал не только как следствие породивших его материальных условий, но и отражал богатство эстетических принципов эпохи образования первых сибирских городов, когда в градостроении главным было стремление к ансамблевому решению (подобно тому, как отдельные литературные произведения сводились в большие сборники). Отдельные здания объединялись в комплексы; в них частное, как бы оно ни было удачно, служило только ступенькой к выражению главной градостроительной особенности городского «организма» — кремли обычно концентрировали самые выразительные сооружения городов. Шатровые башни кремлей, колокольни и храмы были видны отовсюду. Цельности восприятия способствовала и цветовая гамма основного материала — дерева, от грубых мостовых до изящного лемеха кровель башен.

Основному ядру города вторили здания [redacted] вертя-

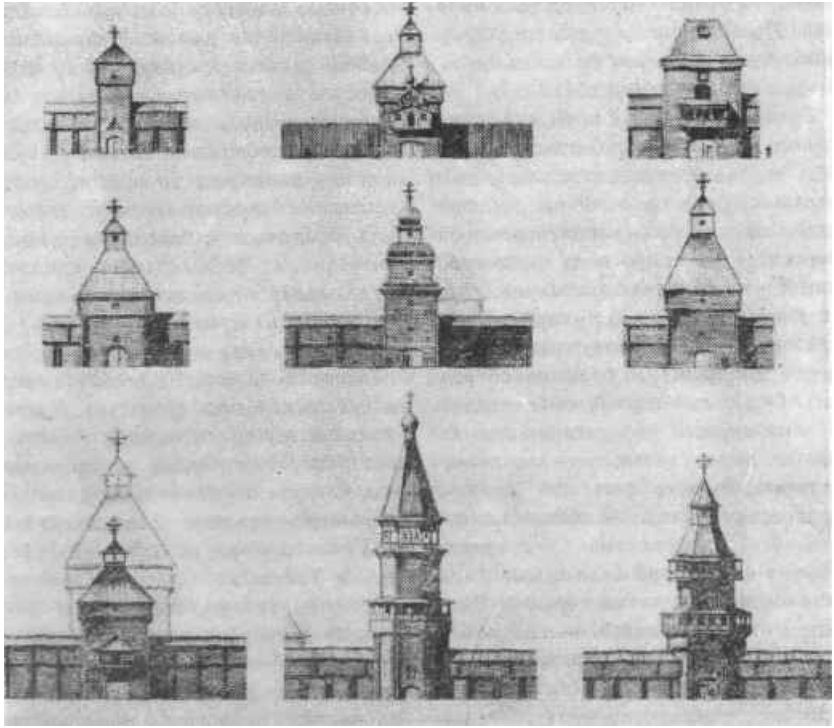
кали были акцентами пространственной структуры города и создавали более сложную архитектурно-пространственную среду. Обычно они свободно стояли на небольших площадях, часто окруженные рощицами деревьев. Кремлевские сооружения обогащали панорамы городов, расположенных на плоском месте, как это было, например, в Илимске и Иркутске. Это противопоставление становилось еще более выразительным при размещении кремлей на возвышенности, когда они господствовали над городом, что видно из панорам Тобольска, Томска, Верхнеудинска.

Цельности впечатления способствовал и художественный контраст — узкие улицы выводили на обширные торговые площади, над зыбью крыш одноэтажных домов возвышались башни крепостей, запутанному лабиринту улиц противопоставлялась линейная четкость крепостных стен и т. д. Но, может быть, наиболее характерным свойством городского организма того времени была удивительная пластичность: благодаря плавным очертаниям улицы воспринимались отдельными отрезками, замыкаемыми па поворотах кулисами застройки, человек постоянно видел резко преобладавшие по высоте постройки кремля и мог легко ориентироваться. Магистральные улицы приводили к обширной торговой площади у стен крепости. Собственно улице не придавалось большого значения; главные из них, как это известно из описании Туринска и Тобольска, имели деревянные мостовые; заборы, ворота и хозяйственные постройки определяли их общий вид.

Общественными центрами ранних сибирских городов были обширные торговые площади; одной стороной они часто примыкали к крепостной стене с главными воротами, другой — к реке, где были пристань и торго-

вый берег — одни из древнейших особенностей русских городов. Площади не имели четких границ и формировались несложным набором общественных построек (таможенная изба, кружечный двор, богадельня, приказы, торговые ряды, гостиный двор и церковь), как в Илимске, Иркутске или в Енисейске. Но иногда крепость стояла не на самом берегу, а занимала близкую возвышенность. Тогда между площадью и пристанью возникала торговая улица, что видно на примерах Красноярска, Верхотурья, Томска и особенно Тобольска, где

гостиный двор находился в нагорной части, напротив него стояли мясные, рыбные ряды и торг с дровами и сеном для жителей Верхнего посада, но основная рыночная площадь сложилась у подножия горы — при взвозе. Там вокруг Богоявленской церкви сгруппировались мясные и рыбные ряды, конный базар, харчевни, амбары и подходила дорога к Казачьему взвозу, при которой находились Московские ряды, таможня, важня, место, где торговали хлебом, и биржа извозчиков. У моста через Курдюмку, на перекрестке продолжения улиц



Воротные башни сибирских городов. Слева направо: Старомангазейского, Илимского, Тарского Илимского, Томского, Томского, Якутского, Албазинского, Новомангазейского

Московской и Знаменской стояли Кузнецкие и Бухарские ряды, харчевня и общественная баня.

С середины XVII в. в русском обществе все более активно развивался процесс обмирщения, захвативший все области жизни. Пробудился интерес к трудам теоретиков европейского Возрождения, к эллинизму с его четкой системой и регулярностью в застройке городов.

Идеи регулярности застройки и планировки города проникали в жизнь, но силу инерции мог преодолеть только государственный указ. Ареной последовательного внедрения новых принципов стала новая столица на Неве, но еще долго в стране строили по-старому. Возникшие в 1716—1719 гг. крепости иртышской линии — Омская, Семипалатная, Усть-каменогорская — мало чем отличались от традиционных построек, а селитьба при них не регулировалась.

Только в 60-х годах XVIII в. наступил решительный поворот в распространении новых идей на все русское градостроительство.

От. Уральских гор до Тихого океана, от холодного устья Индигирки до знойных казахских степей с 80-х годов XVI в., когда, по выражению К. Маркса, «была заложена основа азиатской России» [8], сибирская земля покрылась русскими селениями.

Освоение Сибири происходило не без конфликтов, но вместе с тем приход русских прекратил посягательства агрессивных соседей. У русских не было надобности лишать туземцев насиженных мест. На огромной территории Сибири жило не более 160 тыс. человек, а кругом лежали никем не освоенные пространства. Русские научили местные племена выращивать

хлеб, приобщили к ремеслам, местному и всероссийскому рынкам, ввели в обиход более совершенное жилище.

Наблюдательный иностранец писал в 1680 г.: «Достойно, право, изумления, что такая горсть людей овладела таким громадным пространством... не потому, что были покорены (племена — В. К.) военною силою, но, по убеждению купцов и исключительно в надежде на выгоду в будущем, от торговых отношений с московитами» *т.*

Территория Сибири, с которой сначала познакомились русские, лежала восточнее Уральского хребта, по обе стороны нижнего течения Оби. Ее населяли ханты (остяки) и манси (вогулы). Эти же народы, носившие общее название югры, жили и на печерском севере. Здесь еще в X в. торговали волжские булгары, а в XI в. Когда булгар вытеснил киевский князь Святослав, в «Югру и Самоядь» пошли новгородцы, менявшие изделия из железа на пушнину. Через горы они двигались на р. Собь, впадавшую в Обь неподалеку от современного Салехарда. Существовала и другая, Зырянская дорога, упоминаемая около 1100 г. и шедшая от Сыгвы на Сосьву и затем на Обь, к месту, где теперь находится г. Березов. Она имела и другое название, происходящее от оставляемых русскими отрядами затесов на деревьях, — Русский тес.

Из летописей известно, что в XII в. новгородские отряды часто ходили за Уральские горы. А в грамоте 1264 г. Новгород уже твердо заявил о Югре, как о своей даннице. В XIV в. для торговли с этой отдаленной землей новгородское купечество организовало товарищество — «Югорщину».

В XIV в. соперником Великого Новгорода выступает Великий Устюг. К началу XVI в. в этом городе уже было «знатное торжище», куда жители

Схема расположения первых сибирских городов

1 — остроги

«пермии, печоры, югории и вогулии» привозили меха [10].

В конце XV в. наступает новый этап в политико-экономическом становлении сибирских земель. После присоединения в 1478 г. Новгорода к Московскому государству руководящая роль в движении за Урал перешла к Москве. С этих пор эпизодическое проникновение за Уральские горы отдельных отрядов сменяется планомерным освоением Сибири. Чтобы «югорскую землю воевать», московские государи снаряжают крупные отряды. Наиболее значительными были походы, возглавленные Василием Скрябой (1465 г.), воеводами Федором Курбским-Черным и Иваном Салтыком-Травиным (1483 г.), Семеном Курбским, Петром Ушатым и Василием Гавриловым (1499 г.).

В походе 1483 г. был открыт третий путь в Зауралье с верховий Печоры

через «камень» (Урал) на реки Пелым, Тавду, Иртыш и Обь.

На протяжении XVI, XVII и XVIII вв. разведывательная экспедиционная деятельность русских охватывает, по существу, всю сибирскую землю и сопровождается последовательным градостроительным освоением.

Продвигаясь по Сибири, отряды ставили укрепленные опорные пункты — зимовья, остроги, рубленые «города» (крепости), которые выполняли различные функции: являлись центрами сбора дани (ясака), сторожевыми укреплениями торговых путей, пограничными крепостями.

Впервые упоминается о постройке русского острога в югорской земле в летописи 1445 г. Где стоял этот острог — неизвестно, возможно на р. Сыгве, где прежде был лагерь одного из новгородских отрядов (Сте-

пана Ляпы), а еще раньше находилось одно из зимовий древней Зырянской дороги. По-видимому, в зимнюю кампанию 1499—1500 гг. были возведены семь известных острожков — Ляпинский, Юильский, Сартыньянский, Казымский, Березовский, Обдорский и Кодский. Некоторые из них были поставлены на Оби, в ее нижнем течении. Здесь возник первый (из известных) укрепленный район первоначального этапа освоения Сибири.

В XVI в. укрепленные пункты — вехи продвижения русских с запада на восток — сосредоточиваются в Западной Сибири до Енисея.

В XVII в., когда разведывательные пути русских землепроходцев представляли уже систему, была создана развитая сеть опорных пунктов на обширных территориях Восточной Сибири. В XVIII в. продолжается укрепление южных пограничных территорий, а также дальнейшее освоение Приморья.

Развитие в это время торговли, промышленности и земледелия способствовало формированию постоянного русского населения Сибири.

СЕРЕДИНА XVI — НАЧАЛО XVII ВЕКА

С середины XVI в. на территории Западной Сибири слагается ряд освоенных и укрепленных районов: в бассейне Иртыша и его притоков, в среднем течении Оби и на севере — в бассейне р. Таз (здесь возник Тобольск, ставший вскоре главным городом Сибири).

В конце XVI в. начинается крестьянская «колонизация» Сибири. Иртыш и его притоки — Ишим, Вагай и Тобол с Исетью — становятся первыми крестьянскими путями в Сибирь.

Основание крепостей в бассейне Иртыша. Широкие перспективы для продвижения русских в Сибирь от-

крылись в результате активной восточной политики Ивана IV (Грозного), предоставившего большие полномочия в освоении сибирских земель торговым людям.

В 1574 г. крупнейшие уральские солепромышленники Строгановы получили разрешение «на Иртыше и Оби и на иных реках, где пригодится для береженья... крепости и сторожей с огненным нарядом держать» [11]. С этой целью, в полном соответствии с интересами правительства, Строгановы снарядили отряд казачьего атамана Ермака. Он перешел Урал по старому Тюменскому волоку и весной 1581 г, вышел на р. Туру, где разбил князя Епанчу, затем захватил городок Чимги-Туру, «...и воеваша все лето, и августа в 1 день взяша град Тюмень... и ту зимоваша» [12]. Перезимовав, Ермак опустился по Туре на Иртыш, дал бой оборонявшему свою столицу хану Кучуму и 26 октября 1582 г. занял Кашлык.

Победы Ермака, подкрепленные после его гибели военными действиями московских воевод, привели к распаду Сибирского ханства и создали благоприятные условия для освоения этих территорий. Уже в феврале 1586 г. в одном из документов посольского приказа было указано: «А поделал государь городы в Сибирской земле в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби на усть Иртыша» [13].

Весной 1587 г. 500 московских казаков во главе *с* письменным головой Даниилой Чулковым отплыли от Тюмени по Туре и Тоболу на Иртыш с намерением поставить там острог. На просторе большой реки перед ними открылась величественная панорама крутого левого берега, пригодного для устройства стратегического пункта. С 4 июля по 6 августа 1587 г. там была построена небольшая крепостица (Тобольск).

Отряды, направлявшиеся в Сибирь, двигались от Чердынк по р. Вишере на Лозву, впадавшую в приток Тобола — Тавду. Основанный в 1589 г. Лозвинский острог стал первой сибирской верфью. В 1593 г. при слиянии рек Лозвы и Пелымки, образующих Тавду, воеводы Петр Гончаров и Никифор Траханиотов заложили крепость Пелым. Траханиотов с тремя сотнями казаков, стрельцов и плотников летом 1593 г. поставил на Оби острог Березов.

Путь через Лозву был не удобен, и в 1595 г. отыскали новую, так называемую Бабинову, дорогу через Соликамск на р. Туру. Для пользования ею важно было иметь опорный пункт в верховьях реки, и в 1598 г. на месте зырянского городка Пером-Карра было заложено Верхотурье. Строили его воеводы Василий Головин и Иван Воейков с пермскими и чердынскими плотниками. Зимой, в начале 1600 г. тюменский казачий голова Федор Яков получил указ Бориса Годунова ехать на р. Туру в Епанчин юрт и ставить там острог (Туринский).

Так, в течение двух последних десятилетий XVI в. сформировался самый западный район градостроительного освоения сибирских территорий. На площади примерно 140 тыс. км² разместилось пять крепостей, впоследствии развившихся в города.

Строительство в среднем течении Оби. Еще один район градостроительного освоения Западной Сибири возник в XVI в. на Оби, в ее среднем течении; здесь отрядом воевод Федора Барятинского и Владимира Оничкова были поставлены три крепости: Сургут (1593 г.), Нарым (1596 г.) и недалеко от него Кетский острог (1596 г.).

Несколько позднее, в самом начале XVII в., этот район был расширен в связи с постройкой Томского и Кузнецкого острогов.

Зимой 1603—1604 гг. в Москву приехал князь Тоян из небольшого татарского рода, чей городок стоял на левом берегу притока Оби — р. Томи. Его земли постоянно подвергались набегам киргизов и калмыков, поэтому, прося у Бориса Годунова защиты и русского подданства, он предложил построить русскую крепость в. своих владениях.

Строительство Томского города (крепости) было закончено 27 сентября 1604 г. Несколько позднее ниже устья Томи, на Оби, были основаны Кызлаков и Бураков остроги (упоминаются с 1629 г.).

В 1615 г. в устье р. Кондомы отрядом сотника Ивана Пущина был поставлен первый Кузнецкий острог. Летом 1620 г. острог был перенесен с низкого левого на высокий правый берег Томи. Долгое время Кузнецкий острог был самым южным русским укреплением в Сибири.

Северные и северо-восточные крепости Западной Сибири. В те же годы, когда сибирские воеводы налаживали жизнь на вновь заселяемой территории, стало известно о сказочно богатой и независимой Мангазее на р. Таз. Еще до появления в Сибири Ермака один из опричников Ивана Грозного знал «Мунгазею, где нет государя и где свободно ловят соболей» [14]. Давно знали о Мангазее и Строгановы, "ей приказчик ездил туда в 1577 г.

В Мангазею можно было попасть и морем: в хорошую погоду путешествие от Печоры до нее длилось около 24 дней. По-видимому, существовала и древняя сухопутная дорога с Оби на Таз.

В 1600 г. в Мангазею был отправлен отряд в 50 казаков под начальством Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова. Отряд, перейдя р. Пур, подвергся нападению и не смог пробиться к желанной цели; он отошел вдоль Таза до ближайшего промысло-

вого городка и в 300 верстах от тазовского устья в 1601 г. поставил Мангазейский острог.

Мангазея стала опорной базой для дальнейшего продвижения русских на север — вдоль р. Таз и на северо-восток — вдоль Турухана к Енисею (в его нижнем течении).

На Тазе в 1620-х годах были построены неподалеку от устья реки Тазовская крепость, а в ее верховье Верхтазовское зимовье. Между Тазовской и Мангазейской крепостями находились зимовья Леденкин Шар и Сухарево.

С Таза на Туруханвело несколько путей, но основным был путь через правобережный приток Худосею, в устье которой было заложено одноименное зимовье. По Худосее плыли на Большую и Малую Покатку, затем системой озер и волоком поднимались на Верхнюю Байху, впадавшую в Туруханн, На самом волоке существовало зимовье «У креста».

В 1604 г. на Енисейском волоке было основано Туруханское зимовье, вскоре в 150 км вверх по Туруханну заложили зимовье Байшенское. Туруханские зимовщики искали устье Енисея и в 1611 г. по пути туда основали на р. Хантайке одноименное зимовье.

В течение второй половины XVI в. и первого десятилетия XVII в., пройдя через громадную территорию Западной Сибири и создав на путях своего продвижения па восток три крупных укрепленных района, русскне землепроходцы вышли к Енисею.

XVII — НАЧАЛО XVIII ВЕКА

В первой четверти XVII в. началось освоение Восточной Сибири. Выдающуюся роль в открытии новых земель сыграли русские землепроходцы — служивые, торговые и промышленные

люди, часто независимо от правительства, организовывавшие экспедиции в отдаленные восточные и северо-восточные районы Сибири. Ни огромные пустынные пространства, ни суровый климат не служили препятствием для неудержимого движения к новым неизведанным землям.

Строительство в бассейне Енисея. Вдоль Енисея и его притоков в течение XVII в. образовались три района, где сложились благоприятные условия для градостроительного освоения территории.

В самом начале XVII в. Енисей стал известен русским в районе среднего течения. Весной 1618 г. на Енисей из Кетска был отправлен отряд под командованием Петра Албычева и Черкаса Рукина. Поднявшись в верховье р. Кеты, где начинался волок на Енисей, они вынуждены были там зазимовать и наскоро поставили Маковский острог. Новым отрядом, вышедшим из Маковского острога под командованием Максима Трубчанинова в 1619 г., была построена крепость несколько выше того места, где Верхняя Тунгуска впадает в Енисей. Удачное географическое положение новой крепости способствовало тому, что Енисейск стал воротами в Восточную Сибирь.

Перейдя в начале XVII в. через Енисей, русские двинулись на восток по его притокам: Нижней Тунгуске, Подкаменной Тунгуске и Верхней Тунгуске. В 1620-х годах возник ряд зимовий на этих реках и их притоках. В бассейне Подкаменной Тунгуски известны зимовья: Чунское в устье р. Чуни (с 1629 г.), Тетерское в устье р. Тэтэр (с 1628 г.), Чапогирское на р. Чапе. На нижней Тунгуске стояли зимовья: Летнее вблизи устья Учами (с 1625 г.), Илимпийское в устье р. Илимпии (с 1627 г.), Усть-Тетейское в устье Тетема (с 1632 г.), Турыжское в устье р. Усеплы (с 1625 г.)

и Кондогирское неподалеку от устья Нижней Кочемы (1647 г.).

Строительство сети укрепленных пунктов на юге, в верхнем течении Енисея, началось, когда в 1627 г. в Енисейск был прислан из Москвы воевода Яков Хрипунов для разведки месторождений серебра на р. Ангаре. В составе отряда находился Андрей Дубенский, которому было поручено основать еще один острог на Енисее. В следующем году он выбрал устье Качи, где «место угоже и красно и лес близко всякий есть и пашенных мест и сенных покосов много...» [15]. Здесь к 28 августа 1628 г. построили острог, первое время называвшийся Качинским, но вскоре получивший наименование Красноярского. Долгое время он был важнейшей самой южной крепостью в Сибири.

В 1628 г., по распоряжению Дубенского, было основано зимовье на р. Каке, в 160 верстах от Енисея. В 1636 г. Канское зимовье было заменено острогом, поставленным Мирославом Кольцовым на 30 верст выше по реке (г. Канск). Позднее, севернее его, на р. Усолке поставили Тассевский острог для охраны созданной там солеварни.

В 1645 г. один из бурятских князей — Оплат — явился в Красноярск с просьбой поставить в его владениях на р. Уде острог для защиты от набегов монголов. Так возник в 1647 г. Удинский острог (г. Нижнеудинск), заложенный Е. Тюменцевым.

В 1667 г. воеводой Кириллом Яковлевым были построены два укрепления на южном притоке Тунгуски «идучи вверх по правой стороне Усолки реки» [16] и острог в устье самой Усоли.

В верховьях Бирюсы, на р. Большой Кемчуг, был устроен «караул тайный Ломовский», перегородивший киргизскую дорогу.

На левобережных территориях вое-

водой Яковом Тухачевским был поставлен в 1641 г. острог на р. Белый Нюс, около Сизырымского озера. Сожженный киргизами, он был возобновлен на новом месте много ниже по Чулыму под названием Ачинский. В 1667 г. воевода К. Яковлев создает вдоль левого берега Енисея целый укрепленный район: остроги были поставлены в урочище Казачий луг, верховьях Кеми (Кемский), на р. Белой (Бельский) и на р. Витчаусе на дороге из киргизских степей. Цепь укреплений на юго-западе завершалась Маковским острогом.

Красноярск оберегали и сторожевые острожки, неизвестно когда построенные, но существовавшие к концу XVII в.: Ясоуловский, Павловский и Частоостровский на р. Бузиме. В верховьях Абакана был устроен тайник, а в 1707 г. в устье этой реки отряд под командованием Ильи Цирулина и Конона Самсонова поставил острог.

Продвижение русских к устью Енисея и далее на северо-восток практически не встречало сопротивления местного населения. Главным врагом землепроходцев в этих широтах была суровая природа — долгая полярная ночь, жестокие зимние ветры с метелями, сильные морозы.

Развитие пушного промысла на полуострове Таймыр способствовала возникновению там ряда зимовий, главным образом в бассейне Хатанги.

В 1630 г. приказчик Иван Патрикеев построил на протоке Хатанги р. Хете Пясинский городок. Там же находились Орлов городок (с 1626 г.) и несколько зимовий, точное местоположение которых неизвестно. У оз. Есей в бассейне Котуя, притока Хатанги, основано около 1634 г. Хатангское, или Есейское зимовье. В 1643 г. отряд мангазейского десятника Василия Сычова основал зимовье в устье р. Анабар; в 1666 г. оно было переведено на р. Аван при впадении ее в

Дудышту и стало называться Авамским. В этом году мангазейский стрелец Иван Сорокин поставил зимовье около р. Дудины (г. Дудинка). В 1686 г. по Енисейской губе плавал туруханский посадский человек Иван Толстоухов, основавший зимовье севернее устья р. Пясины.

Так, русские опорные пункты возникли вдоль всего Енисея, от верховья до устья.

Строительство крепостей на «ленской землице». Продвижение к р. Лене и освоение прилежащих к ней земель, видимо, готовилось давно. Еще мангазейцы в 1609 г. собирали ясак на Нижней Тунгуске и близко подошли к Вилюю (притоку Олекмы, в свою очередь большого притока Лены). В 1625 г. побывал на Лене промысловик Матвей Парфенов и др.

На основе полученных сведений воевода Андрей Палицын уже в 1633 г. подал в Приказ Казанского дворца записку, в которой ратовалось за устройство на Лене Новой Мангазеи. При этом он указал путь через Каменную Тунгуску и по волокам на Вилюй и Лену.

Первоначально опорные пункты возникли в верховье Лены. Сюда в 1628 г. пошел из Енисейска отряд десятника Василия Бугры, путь которого лежал по Ангаре, Илиму, затем по Андерме и волоком на Куту и Лену.

Первые зимовья были поставлены одно на Куте и другое, укрепленное острогом (1631 г.), в устье Киренги. Этот острог до 1655 г. назывался Никольским погостом. Там же в устье Муки позднее, в 1640 г., была устроена верфь.

Еще в 1630 г. сотник Иван Галкин поставил у Ленского волока Илимское зимовье и укрепил Усть-Кутское.

Илимску суждено было стать одним из знатнейших городов Восточной Сибири, чему особенно способствовали плодородные земли. Там создались

несколько волостей, центрами которых наряду с пахотными слободами стали и остроги. В 1630-х годах на волоке с Нижней Тунгуски на Лену был построен Чечуйский острог.

На верхней Лене, поднимаясь, пока суда могли двигаться по условиям судоходства, пятидесятник Мартин Васильев основал в 1641 г. Верхоленский острог.

В 60—70-х годах XVII в. на притоке Лены возникли Орленский и Ильгинский остроги, на Ангаре — Яндинский и Индинский.

Кроме освоения самого верховья Лены велись экспедиции на всем протяжении реки, по ее южному притоку Олекме, а также был найден речной выход к морю. Одновременно русские закрепились на берегах северных рек (Яна, Оленек, Омолы).

Особо примечательным событием следует считать основание осенью 1632 г. в «якольской земле», на правом берегу Лены, где-то поблизости от Алданского устья — Ленского острога. Он связан с именем сотника Петра Бекетова (сменившего Галкина), который до этого поставил в устье Тутуры — Тутурский острожек, а затем далеко спустился на север по Лене.

В 1640 г. в Ленский острог прибыли воеводы Петр Головин и Матвей Глебов в связи с тем, что в 1638 г. было решено создать Якутское воеводство для расширения земель и упорядочения ясачного сбора. В их задачу входила и «острожная ставка».

Весной 1643 г. состоялся перенос Ленского острога на новое место, и он стал называться Якутским. Место для него было выбрано «в двух днищах от старого на Ююковом лугу в урочище Табуе», а по другим сведениям «в один день парусного ходу» [17].

На этом месте теперь и стоит г. Якутск, в XVII—XVIII вв. распро-

странившийся свое влияние на обширные территории Восточной Сибири.

В результате разведывательных экспедиций в районе верхнего течения Лены на ее притоках Олекме и Вилюе возник целый ряд зимовий и острогов.

В 1633 г. енисейский сын боярский Иван Козьмин поставил на Лене вблизи устья Олекмы зимовье, а возвратившийся с Илима Петр Бекетов на месте этого зимовья заложил Олекминский острог. В 1648 г. при впадении в Олекму р. Чары возникло Чаринское зимовье; в 1644 г. было основано зимовье в устье р. Койки; в 1677 г. выше устья Олекмы было создано Патомское зимовье.

На Вилюе были основаны: в устье Тюкян Верхневилюйское зимовье (1634 г., позже его перенесли на 45 км ниже по реке); затем Нижневилюйское, или Устьвилюйское (1635 г., основано Богданом Булдаковым); в устье Танары — Средневилюйское (Танарское). Последнему предшествовало зимовье «у Красного Яра», основанное Воином Шаховым в 1635 г. и возобновленное в 1636 г. под именем Вакутского (находилось вблизи с. Средневилюйска).

Кроме того, на Вилюе существовал острог около местечка Крестях (там еще в конце XIX в. стояла башня, но время ее сооружения неизвестно).

В «ленскую землицу» посылали свои отряды еще в 1636 г. и томские воеводы. Отряд атамана Дмитрия Копылова сухим путем вышел на р. Алдан и в 1637 г. на ее правом берегу поставил Бутальское зимовье (позже острог). На Алдане были основаны Тантырское зимовье (в устье Танторы, 1662 г.), перенесенное в конце XVII в. к устью р. Учер (Учерское зимовье), Кандинское зимовье (в устье одноименной реки), основанное Федором Чуркой, Тимптанское зимовье (на р. Тимптане, 1662 г.).

Строительство северных приморских крепостей. Упорно продвигались разведывательные отряды по Лене в сторону моря. Одним из первых пошел туда отряд пятидесятника Ильи Перфирьева и в устье разделился: группа казаков Ивана Реброва берегом моря вышла к р. Оленек и в 1634 г. основала в устье Пиректы Оленское зимовье (в 1650 г. его перенесли в устье Кайконы). Перфирьев, двигаясь на восток в устье Яны, заложил Устьянское зимовье. В 1635 г. по Лене спустились казаки во главе с Постником Ивановым-Губарем и Мих. Стадухиным и, не доходя до приморских земель, основали Жиганское зимовье. В 1714 г. это зимовье заменил острог Красный (он стоял на Красных песках, современное село на Тобольских песках).

Там же, неподалеку от устья Мупы, в 1638 г. служивый человек из Якутска Сафонов поставил Столбовое зимовье, а в устье р. Молодь в 1637 г. возникло Молодское зимовье.

Привлекли внимание первопроходцев и обширные территории к востоку от бассейна Лены, особенно побережье Восточно-Сибирского моря.

Для разведывания приморских территорий в 1638 г. из Якутска пошел десятник Енисей Юрьев-Буза. Он вышел к верховью р. Яны, затем на судах спустился к морю, вошел в Челдонский залив и основал здесь одноименное зимовье. В это же время на р. Омолое возникло Омолоевское, а па Хроме — Хромовское зимовье. На Яну искались и другие пути. Из Якутска на ее верховье сухим путем пошел Постник Иванов-Губарь с 30 казаками.

Их хорошо встретили якуты, искавшие защиты от юкагиров и потому не возражавшие против постройки Верхоянского острога (1638—1639 гг.). В 1642 г. возникло Нижнеянское зимовье.

В основном опорные пункты разведывательных экспедиций возникли по берегам рек Индигирки, Алозеи и Колымы.

Постнику Иванову-Губарю, который со своим отрядом находился в бассейне р. Яны, якуты указали дорогу на Индигирку по рекам Адыге и Туистах. Выйдя туда, он основал Средненидигирское, или Подшиверское зимовье и поставил еще вверх по реке Зашиверское зимовье, позднее ставшее острогом.

После ухода Иванова-Губаря в Якутск оставшаяся часть отряда под руководством казака Ивана Ерастова дошла до притока Индигирки — Уянды и, поднявшись по ней, основала Уянское зимовье.

В 1641 г. на Индигирку прошел отряд Дмитрия Михайлова-Ярилы. Он перевалил Верхнеянские горы и вышел на среднее течение реки. Жившие там юкагиры сами просили русских поставить острог для защиты от воинственных соседей. Острог получил название Олюбинского и стал на «Алозайском переходе против Каменного носу на Заречной стороне».

В 1642 г. якутский отряд Мих. Стадухина вышел к верховью Индигирки, носившему самостоятельное название Оймякона, и при притоке Кайдусин поставил Оймякинское зимовье.

На судах по Индигирке Стадухин спустился к морю, оттуда, встретив Дм. Ярилу, они вместе с ним пошли на Алозею и поставили там «на краю тундры» Алозейское зимовье.

В дальнейшем целью отряда стала разведка р. Колымы. В июле 1643 г., встретив оседлое население на Олоевых жильях, они поставили Среднеколымский острог и в 1644 г. — Нижнеколымское ясачное зимовье, а также Анюйское на притоке Колымы Анюе (последнее зимовье стояло на Большом Анюе, вливавшимся в Колыму одним устьем с Малым, и было пе-

ренесено на Малый Анюй к устью р. Ангарки. Здесь оно стало называться Ангарской крепостью).

В верховьях Колымы в 1645 г. Петр Новоселов основал Верхнеколымское зимовье. Где-то на Колыме с 1677 г. существовало Ружниковское зимовье. С 1748 г. за каменным устьем Колымы на морском берегу стояло Шалауравское зимовье.

К середине XVII в. на Омолоне в бассейне Колымы существовало еще Омолонское зимовье.

Наиболее трудным, полным опасностей оказался морской поход на восток. Для этого похода летом 1648 г. приказчик московского гостя Усова Федот Алексеев организовал отряд в Нижнеколымске, в который вошли Семен Дежнев и беглый казак Герасим Анкундинов на своем коче. Семь кочей с командой 90 человек добрались до восточной оконечности Чукотки в сентябре того же года.

В сильных бурях четыре коча потерялись. По проливу, отделяющему Азию от Америки, дежневское судно было отнесено на юг и выброшено на Олюторовский мыс Камчатки. Прибиты к камчатскому берегу были и кочи Алексеева и Анкундинова. Изнурительный путь прошли дежневцы до устья Анадыри, где зазимовали. Летом 1649 г. оставшиеся в живых поднялись по реке и основали зимовье.

Анадырский острог был построен в 1660 г. преемником Дежнева — Курбатом Ивановым. Острог стоял на острове в 10—15 км выше современного с. Марково.

В 1650 г. на Анадырь с Колымы пошли отряды Семена Моторы, который присоединился к Дежневу, и Василия Стадухина, ушедшего затем на р. Пенжину, где он основал одноименный острожек.

Прибайкальские крепости. Прибайкальские земли долго оставались вне русского контроля. Обитавшие там

буряты сами собирали дань с эвенков, котов, аринцев и других народов.

Известно, что начиная с 1628 г. по 1661 г. на Байкал было снаряжено шесть разведывательных экспедиций, которые закладывали зимовья и основали на своих путях и около самого озера 14 острогов.

Продвижение к Байкалу первоначально шло с севера, по р. Ангаре. Сюда был послан атаман Максим Перфильев, который в 1627 г. поставил острог под Шаманским порогом. На следующий год на Верхней Тунгуске основал Рыбий острог Петр Бекетов. Когда прошел слух о серебряных рудах, правда, не подтвердившийся, в эти места прибыла экспедиция воеводы Якова Хрипунова. Он построил Устьилимский Кошевой острог (1628 г.) в устье Илима в урочище Кошевой Яр.

В 1630 г. экспедиция в составе Максима Перфильева, Семена Родькова, Василия Московитина и Петра Рокотова поднялась по Ангаре до Падунского порога и основала там острог, который, вскоре был уничтожен.

В 1635 г. на место гибели русских был послан сын боярский Николай Радуковский с сотней енисейских служивых людей. Они поднялись по Ангаре, затем вышли в окское устье и поставили острог на правом берегу Ангары, в то время как его предшественник — Падунский острог — находился на левом берегу, где и жила основная масса бурятского населения.

Этот острог в 1647 г. укрепил Иван Похабов, кроме того, основавший в 1645 г. Осинский острог на Осиновом острове, выше Братского.

Посланный для разведывания путей на Байкал И. Пахомов уже в 1647 г. побывал на реках Селенге и Уде и построил на южном берегу озера острог в урочище Калтук.

В этом же году в устье р. Верхней Ангары основал Верхнеангарский острог атаман Василий Колесников, который по Иркуту и Ангаре, затем берегом озера поднялся в северную часть Байкала.

В 1649 г. на восточном берегу озера в 40 верстах выше устья р. Баргузин Иван Галкин построил Баргузинский острог. Выше по реке, где ее верховье близко подходит к небольшой речке, впадающей в Баунтовское озеро, в 1652 г. был поставлен Баунтовский острог. И где-то восточнее Баргузинского позднее существовал неизвестно когда основанный Итанцинский острог.

В связи с тем, что ясачные тунгусы перенесли свое кочевье на р. Еровню, там в 1676 г. возник Еравнинский острог и в сфере его влияния Задонское зимовье.

В 1653 г. на Ангару был послан сын боярский Дм. Фирсов с приказом перенести острог на другой берег реки. В 1654 г. он сообщил в Енисейск, что «за худобою покинул старый братский острог» и поставил новый «за рекой Окой на устье в самых угожих местах»... и что там «пашенных крестьян селить будет мочно» [18]. В том же году Фирсов основал Балачанский острог.

С р. Иркут русские познакомились в 1646 г., когда из длительного похода в забайкальские земли возвратился Иван Похабов.

Летом 1661 г. из Енисейска туда были посланы сын боярский Яков Похабов и затем подкрепление с пятидесятником Дружиной Поповым-Даурским, которым было велено «по челобитию Яндашевской землицы князца Зоянды Дороги ехать на устье Иркута реки и тот час безо всякого переводу и отыскать на устье реки или вверх по Иркути самого угожего места и на том месте поставить острог» [19].

Место было выбрано не в устье, а напротив него, за Ангарой «на верхоленской стороне». Острог (1661 г.) первое время назывался Яндажским, затем — Иркутским.

В 1676 г. сын боярский Иван Перфильев, поднявшись по Иркуту, около речки Тунки в «самом крепком и угожем месте» основал Тункинский острог. Это было наиболее южное русское укрепление, «застенье и оборон» от неожиданных нападений на ангарские остроги. Енисейские казаки, посланные в 1664 г. на «байкальскую службу» в Баргузинский острог, узнали о р. Селенге, где в устье Чикоя жили буряты, ушедшие из-под Иркутского, Братского и Балаганского острогов.

Начальник острога сын боярский Самойлов послал туда весной 1666 г. казачьего пятидесятника Гаврилу Ловцова с отрядом, который, не доходя 5 верст до чикайского устья, на правом берегу Селенги заложил Селенгинский острог. Строил его Осип Васильев.

В том же году 14 августа ниже по Селенге в устье р. Уды было поставлено Удинское ясачное зимовье (Верхнеудинск, ныне Улан-Уде). В 1681 г. неподалеку от Селенгинска поставлены остроги в Знаменской слободе и Яндинский.

Строительство крепостей в бассейне Амура. Примерно 15 лет (с 1643 по 1658 г.) велись первые активные разведывательные экспедиции с целью освоения юго-восточных территорий Сибири вблизи р. Амур. Возглавлявшие эти экспедиции Василий Поярков, Ерофей Хабаров, Петр Бекетов, Зиновьев и др. с той или другой степенью успеха стремились закрепиться зимовьями и острогами на «подступах» к реке и на ее берегах.

В это время уже существовал сильный Якутск. Его казаки основали остроги в бескрайней тундре, вышли к

Тихому океану. В 1643 г. якутские воеводы направили на юго-восток отряд письменного головы Василия Пояркова. Двигаясь по Алдану, Угуру и Гоному, с трудом поднявшись по порогам, он основал Гономское зимовье и, перейдя хребет, вышел на приток Зеи Брянду, а двигаясь по Зее, набрел па первое даурское селение в устье р. Умкелен, где также основал зимовье.

Поярковцы двинулись по Зее, а затем вниз по Амуру. Они плыли мимо хорошо возделанных пашен дючеров, вышли к ачанам и наткам, а в низовье реки к нивхам. Несомненно, там был поставлен острог, который условно можно назвать Поярковским.

С возвращением Пояркова в Якутск Амур стал мечтой сибирских казаков, искавших в походах избавления от тяжелой и опасной службы по сбору ясака. Мечту об Амуре горячо восприняли и крестьяне, искавшие плодородные земли в теплых районах Сибири.

В 1647 г. побывал на Амуре промысловик Иван Квашин, который пошел другой, более западной дорогой с устья правобережного притока Олекмы Тунгира, он поставил там Тунгирское зимовье.

Однако самым инициативным оказался Ерофей Хабаров. Он убедил илимского воеводу снарядить отряд для похода на Амур и, воспользовавшись новой дорогой, поплыл в 1649 г. по Лене на Олекму в устье Тунгира, затем сушей вышел на амурский приток Уду, где, видимо, основал острог.

Хабаров появился на Амуре вновь осенью 1650 г. До его прихода люди из его отряда основали острожек напротив становища князя Албазы. Весной 1661 г. они спустились по Амуру и взяли г. Толгин. Город был укреплен деревянными стенами и окружен глубоким рвом. Хабаров построил еще четыре башни, территорию лоде-

лил на участки для постройки домов, решив прочно осесть на Амуре, но дауры неожиданно ушли. Хабаровцы вновь пустились в плавание к устью Амура, где решили зимовать, построив у горы Оджал Ачанский острог. Весной отряд ушел вверх по Амуру.

Из Якутска на помощь Хабарову был послан отряд во главе с Третьяком Чичигиным и Артемием Петрелевским. Прибывшие берегом моря добрались до р. Учалды, поставили там зимовье, в 1653 г. в устье р. Тугура они же основали Тугурский острог (в 1685 г. сожженный тунгусами).

Хабаров, Чичигин и Петрелевский встретились около Хингана и вместе пошли вверх по Амуру. Осенью 1652 г. в устье р. Кумары они построили Кумарский земляной город.

Отделившиеся от отряда Степан Поляков и Константин Иванов со своими людьми спустились вниз и, выбрав удобное место в гиляцкой земле, поставили острог (условно Поляковский).

В 1653 г. на Амур был отправлен разведывательный отряд под начальством Дм. Зиновьева. Вольнолюбивый амурец Хабаров не захотел подчиниться московскому воеводе, был арестован и отвезен в Москву. Указание Зиновьева строить остроги в устьях Зеи, Урке и на месте Албазина стал выполнять совместно с промысловиками Онуфрий Степанов-Кузнец, оставленный начальником русского отряда.

Острог был поставлен на р. Урку (у станицы Игнашиной), затем несколько выше устья Сунгари — острожек Сунгари (1653 г.) и зимой 1653—1654 гг. — острог в устье р. Торой.

Одновременно с закреплением на прибайкальских землях велась разведка восточных территорий со

стороны подходов от Байкала к Амуру.

В 1652 г. отряд, возглавляемый Яковом Сафоновым, сообщил енисейскому воеводе о возможности постройки острога на р. Шилке при устье р. Нерчи.

Вслед за ними в том же году по разведанному пути пошел Петр Бекетов. Ему была поставлена задача «Для упрочения Амура, где геройствовал Ерофей Хабаров, утвердиться на берегах Шилки» [20].

Перейдя Байкал, отряд построил Устьпрорвенский острог на Селенге, где зимовал, а осенью, пройдя по Селенге в Хилку до Ерченских (Беклемишевских) озер, заложил Иргенский острог. Продолжая продвижение, отряд в октябре 1653 г. вышел к устью Читинки и при впадении ее в Ингоду заложил Ингодинское зимовье.

8 ноября 1653 г. часть отряда, шедшая сухим путем на Шилку с десятником Максимом Урасовым, основала на правом берегу Шилки против устья р. Нерчн Нерчинский острог. Весной сюда пришел и Петр Бекетов.

Эвенкийский князь Гантнмур встретил русских дружелюбно, но осенью потравил скотом посевы, отогнал лошадей и откочевал в Монголию. Местность обезлюдела. Петр Бекетов пошел «кормиться» на Амур и, встретив отряд Степанова, поднялся вверх по реке, где в устье Кумары восстановил Кумарский городок. Примерно и это время из Якутска на р. Аргунь был послан отряд сына боярского Федора Пущина, 8 мая 1655 г. он заложил Аргунское зимовье (с 1681 г. острог) и пошел на Амур. Здесь он застал Степанова и Бекетова в Кумарском городе. Они вместе построили Косогорский острог.

Встречая при продвижении вверх по Амуру брошенные пашни и полное безлюдье, Пущин и Бекетов ушли; один в Якутск, а другой в Енисейск,

а отряд оставшегося здесь Степанова в 1658 г. был разбит маньчжурами.

Жизнь в этих краях была опасной. И даже привычные к лишениям амурцы писали, что «жить стало тяжело и не в мочь».

Так, в течение первого этапа освоения бассейна Амура не удалось создать здесь русских постоянных поселений. Енисейский воевода Афанасий Пашков получил распоряжение двигаться в Даурию. По пути с Уяды на Ингоду между озерами Телембай и Баженовым ими был построен Телембинский острог. Позднее в его ведении находились Зидонское и Акшинское зимовья на р. Нерче. В 1658 г. Пашков возобновил острог на Шилке, перенеся его на левый берег реки в устье Нерчи (старый городок).

Еще зимой 1667 г. на Амур пришли казаки Никифора Черниговского, поставили острог на месте Албазина, занялись хлебопашеством и сбором ясака. В 1674 г. Черниговского сменил Григорий Лаптаков и в дальнейшем начальники острога присылались из Нерчинска (с 1681 г. он стал городом и центром самостоятельного воеводства). Рассказы об изобилии даурской земли смутили многих сибирских и даже русских крестьян, и они двинулись на Амур. У Албазина образовались деревни.

В 1676 г. на Зее в устье Гилюя возникло Гилюйское зимовье, откуда ходили на Верхнюю Зею за ясаком. Путь был далеким и трудным, и в 1679 г. казаки под начальством Федора Астафьева поставили на устье р. Амумыш Верхозейское зимовье. В том же году возникли остроги на Селенбе — Селенбинский, на Селемдже — Селемджинский и в устье Долонц.а — Долонский. В 1681 г. старое Верхозейское укрепление было сломано, и несколько ниже устья р. Брянты на озере Бабак построен Новозейский или Бабаков острог.

XVIII — НАЧАЛО XIX ВЕКА

В XVIII в. важным фактором освоения Сибири становится интенсивное развитие торговли, горной промышленности и земледелия. Укрепляются торговые связи со Средней Азией и Китаем. Возникают три крупных горнопромышленных района, в которых добываются железо, медь, серебро и свинец: Западносибирский, Алтайский и Нерчинский.

Земледельческое освоение Сибири шло путем переселения государственных крестьян из центральных малоземельных губерний в сибирские южные плодородные районы.

В начале XVIII в. указами Петра I был ликвидирован Сибирский приказ и в числе других вновь организованных восьми губерний России учреждена Сибирская губерния с тремя провинциями: Тобольской, Енисейской и Иркутской.

В XVIII и первой половине XIX в. происходило дальнейшее распространение русских владений в Сибири. На юго-западе русские укрепились в верховьях Оби, Иртыша и Енисея. На северо-востоке они проникли на Чукотку и острова Ледовитого и Тихого океанов. Русские крепости и поселения возникли на Аляске и побережье Калифорнии.

Реформы Петра I в области военного дела внесли радикальные изменения и в систему оборонных сооружений — вместо отдельных крепостей и городков в XVIII в. возникли крупные линии укреплений, включающие в свой состав крепости, форпосты, редуты и маяки.

Строительство на южных территориях Западной Сибири. Интерес русских к землям в верховьях Оби проявлялся уже в XVII в. В тексте к чертежу Сибири 1667 г. говорится, что «при устье рек Бии и Катуни место красное и угодно быть Великого госу-

даря городу или острогу, потому, что места пашенные и всякого зверя и соболей, и лисиц, и бобровых речек много» [21].

Только в начале XVIII в. были предприняты действия для закрепления этих мест за русскими. В 1703 г. близ устья Умревы был построен Умревинский острог, а в 1713 г. Дмитрий Лаврентьев поставил Чаусский острог (г. Колывань). Южнее его в 1716 г. на притоке Оби Берде возник Бердский острог, В районе современного Барнаула в 1717 г. поставили Белоярский и Крутишинский остроги. Только после этих приготовлений в 1718 г. решено было возобновить старый острог на Бии и Катуни. Его поставили на 15 верст выше по реке под названием Бийского. В начале XVIII в. там же были построены остроги Катунский, Ануйский и Верхануйский.

Около 1720 г. уральский заводчик Акинфий Демидов послал на Алтай своих мастеров. Они проверили древние копи и нашли медную руду на Синей горе, завели на р. Локтевке плавильню и отыскали медь в соседних горах. Получив разрешение Бергколлегии, Демидов поставил там в 1725 г. заводик с двумя печами. Через три года его перенесли на р. Белую. Первый алтайский медеплавильный завод получил наименование Колывановский по соседнему озеру (после перестройки церкви Колывано-Воскресенской). Запасы леса для выжигания угля рядом с заводом оказались недостаточными, сложно было вывозить готовую продукцию. Тогда же было обращено внимание на устья рек Шульбинки, впадающей в Иртыш, и Барнаулки, впадающей в Обь. До 1722 г. на Барнаулке уже существовала небольшая деревня, основанная, по-видимому, в 20-х годах XVIII в. К 1739 г. строительство завода было закончено. Он дал основа-

ние г. Барнаулу. Позднее возникли Павловский (1763 г.), Сузунский (1764 г.), Локтевский (1783 г.), Томский (1771 г.) и другие заводы, а также много рудников, наиболее крупный из них — Змеиногорский.

Для защиты южных территорий с их богатыми алтайскими рудниками и заводами, с пашенными слободами и охотничьими угодьями в XVIII в. создается система укреплений.

Иртышская линия укреплений складывалась постепенно. Одним из первых мероприятий русского правительства в Сибири в XVIII в. в этом направлении был поход с торговыми целями в Малую Бухару, рынки которой были богаты золотом. Экспедиция отправилась из Тобольска вверх по Иртышу. У пристани на Ямышевском озере в 1715 г. под руководством шведского военного артиллериста капитана И. Каландера была заложена земляная крепость, первая в будущей иртышской линии. Эта экспедиция не удалась, и отряду пришлось отойти вниз по Иртышу в устье Оми, где в 1716 г., по распоряжению полковников Ивана Бухольца и Ф. А. Матюгорова, была построена крепость, давшая начало г. Омску. Между Омской и Ямышевской поставили Железинскую крепость. А в 1718—1719 гг. в верховьях Иртыша полковник Прокофий Ступин заложил две крепости — неподалеку от урочища Семи палат (г. Семипалатинск) и в 20 верстах ниже устья Уды (Удинскую). Около устья р. Долонец капитан Иван Алексеев основал Долонский или Карачайский остроги. Пришедший в верховья Иртыша новый отряд под командованием генерала Ивана Лихорева в 1720 г. поставил на месте, где река втекает в «устье» каменистых берегов Алтайских отрогов, Усть-каменогорскую крепость.

Для связи иртышских крепостей друг с другом были построены 15

форпостов. Один из них, Коряковский, расположенный вблизи от Ямышевской крепости, впоследствии стал г. Павлодаром.

В середине XVIII в. система южных укреплений в Сибири, состоявшая к тому времени из трех линий — Иртышской, Тоболо-Ишимской и Колывано-Воскресенской, была усилена путем полной реконструкции двух последних линий, представлявших собой «какую-то смесь крепостных систем времени первых завоеваний Сибири и полтавских победителей» [22].

Ново-Ишимская линия строилась с 1752 г. под руководством инженера Михаила Борисова одновременно в трех направлениях: Тобольском, Ишимском и Тарском. Линия начиналась от Звериноголовской крепости на Тоболе и кончалась Омской крепостью. Она состояла из 31 редута, 40 маяков и 10 крепостей (без Омской): Звериноголовской, Пресногорьковской, Кабаньей, Пресновской, Сенкарской, Св. Петра, Полуденной, Лебяжьей, Николаевской и Покровской.

Колывано-Кузнецкая линия была построена юго-восточнее старой Колывано-Воскресенской. Она шла от Усть-каменогорской крепости через крепости Ануйскую, Катунскую и Бийскую до г. Кузнецка. В составе линии находились 23 форпоста, 4 защиты и 6 маяков.

Все три линии — Иртышская, Новоишимская и Колывано-Кузнецкая — растянулись на 3000 км. Самое крупное поселение сложилось при крепости Св. Петра и вскоре превратилось в большой торговый город — Петропавловск.

Освоение новых территорий в Восточной Сибири. В XVIII в. в Восточной Сибири формируются новые укрепленные районы: на юге — в бассейне р. Аргуни, на юго-востоке, а также на северо-востоке — на Камчатке и Охотском побережье.

В бассейне р. Аргуни, где были старинные копи, а ее притоки носили заманчивые названия — Алтача (золотая), Мунгача (серебряная), Тузача (оловянная), возник горнодобывающий район. Даурия давно привлекала внимание месторождениями драгоценных металлов. В 1681 г. нерчинский воевода приказал построить для охраны рудных месторождений Аргунский острог. Строили его казачьи десятники В. Милованов и Иван Волга.

В 1704 г. был построен Нерчинский сереброплавильный завод. Затем возникли рудники, а на их основе новые заводы — Дучарский (1763 г.), Кутомарский (1764 г.), Екатерининский (1776 г.), Шилкинский (1767 г.) и Газимурский (1778 г.).

Освоение русскими Камчатского полуострова началось еще в конце XVII в. В 1688 г. с Колымы в сторону Камчатки пошел пятидесятник Дмитрий Потапов. Он достиг г. Кылеги и поставил там зимовье. Проявляли интерес к «заносью» и служивые люди Анадырского острога. В 1696 г. Лука Морозко и Иван Голыгин поставили на р. Апуке ясачное зимовье. В следующем году на Камчатку пошел Владимир Атласов с отрядом из 60 русских и 60 юкагиров. Они дошли до Пенжинской губы, затем поднялись вверх по р. Камчатке и построили Верхнекамчатский острог. Коряки угнали оленей, и в погоне за коряками Атласов вышел на западный берег, на р. Ичу и там поставил Ичинское зимовье.

Вслед за Атласовым на Камчатку пришел сын боярский Тимофей Кобелев. В 1702 г. он перенес Верхнекамчатский острог «на ключи» (горячие источники), на Большой реке построил Большерецкий и в 30 верстах от устья Камчатки Нижнекамчатский остроги. В 1708 г. приказчику Ана-

дырского острога Ефиму Петрову было велено для удобного пути на Камчатку построить на р. Пенжине острог «со всею крепостью». Так возник русский Окланский острог. По-видимому, вскоре была построена крепость и на р. Олюторе. По крайней мере, посланный в 1715 г. из Анадырска на Камчатку казак Алексей Петрелевский писал, что он шел из «Алюторского новопостроенного острога». В 1731 г. был основан Нижнешантальский острог (Ажаба) на р. Ратуре, а в 1740 г. — острог Старый на р. Авача, неподалеку от впадения ее в Авачинскую бухту. К середине XVIII в. на западном берегу Камчатки в устье р. Воровской существовал одноименный острог. Известны были и другие остроги. Так, при морском путешествии 1764 г. лейтенант Охотского порта И. Б. Синд зимовал на западном берегу Камчатки в Харьюзовском остроге, а в следующем году, оказавшись на восточном берегу полуострова, пережидал зиму в устье Уки в Нанчинском острожке, неизвестно когда и кем основанном. В 1775 г. построили Нижнетагильский острог на западном берегу Камчатки для обеспечения пути от Охотска вокруг Пенжинской губы. Позднее на юге полуострова появились остроги Портунский, Коряковский и Начикинский.

В XVIII в. возникает ряд крепостей и поселений на побережье Охотского моря, от Охотска до устья Амура.

С образованием русских поселений на Камчатке, Курильских и Алеутских островах и берегах Аляски Охотский порт приобрел особо важное значение. С целью укрепления побережья Охотского моря в конце XVII в. был построен Ямской острог. Через него

шла береговая дорога из Охотска на Камчатку. В середине XVIII в. был построен ряд попутных крепостиц: Туманская и Велигинская (1751 г.), Гижигинская (1752 г.), Товатумская (в устье р. Товатумы).

Хотя главной силой в освоении восточных земель были казаки, закрепление результатов оставалось за землепашцами, пришедшими туда на всю жизнь. В конце XVII в. крестьян в Сибири было столько же, сколько служивых, состоящих на государственном жаловании. Крестьяне стремились в места с хорошими землями и теплым летом. Иртыш и его притоки Ишим, Вагай и Тобол с Исетью были первыми крестьянскими путями в Сибири.

Предком почти каждого сибирского города была крепость. Но и многие пашенные слободы впоследствии стали городами. Так, например, основанная в 1659 г. крестьянами Елисеем Гилевым и Петром Ульяновым на развалинах татарского городища Явлу-Тура слобода стала г. Ялуторовском; заложенная в 1664 г. Юрием Никифоровым Шадринская слобода — г. Шадринском; распаханная в 1662 г крестьянином Тимофеем Невежиным земля в урочище Царев курган дала основание г. Кургану. Многие большие села получили статут города при административном дроблении территории. Так, уездными городами Иркутской губернии стали промысловое: село на р. Ингоде (г. Доронин) и село Устьверх (г. Стретинск). В 1822 г с. Большие Минусы на Енисее стало г. Минусинском; в 1857 г. село Кийское на р. Кии превратилось в г. Мариинск.

Гл ава 2

ОБОРОННОЕ УКРЕПЛЕНИЕ– ПРЕДОК СИБИРСКОГО ГОРОДА

В Сибири на протяжении XV—XVIII вв. возникали различного типа укрепленные поселения, от самых простейших — зимовий, до более сложных — острогов, рубленых городов и городов с острогами.

Одни из них строились сразу как остроги или города по специальным воеводским наказам, другие развивались на основе последовательной смены типов укреплений. При этом тип постройки определялся в основном географическими и стратегическими факторами, поэтому многие из укрепленных пунктов, строившихся казаками на территории осваиваемой Сибири, впоследствии были заброшены, другие же, расположенные в выгодных экономических и стратегических условиях, превращались в города.

Сибирские крепости XVI—XVII вв. состояли почти из однотипных построек. Функции управления и характер налоговой системы требовали постройки воеводского дома, съезжей избы или воеводской канцелярии, тюрьмы, аманацкой избы (для заложников) и амбаров «ясашной казны» (для дорогих мехов).

Далеко не сразу не везде жители начинали заниматься хлебопашеством, поэтому для привозимых из России запасов возводились «государевы житницы». Для хранения пороха и свинца рылись земляные погреба. В особых амбарах хранились амуниция, паруса, снасти. Жилые дома в самой крепости строились редко. Сменные «годовальщики» располагались в жилых этажах башен, а постоянные служивые люди и другое население ставили свои усадьбы на посаде. Церковь в виде надвратной часовни либо

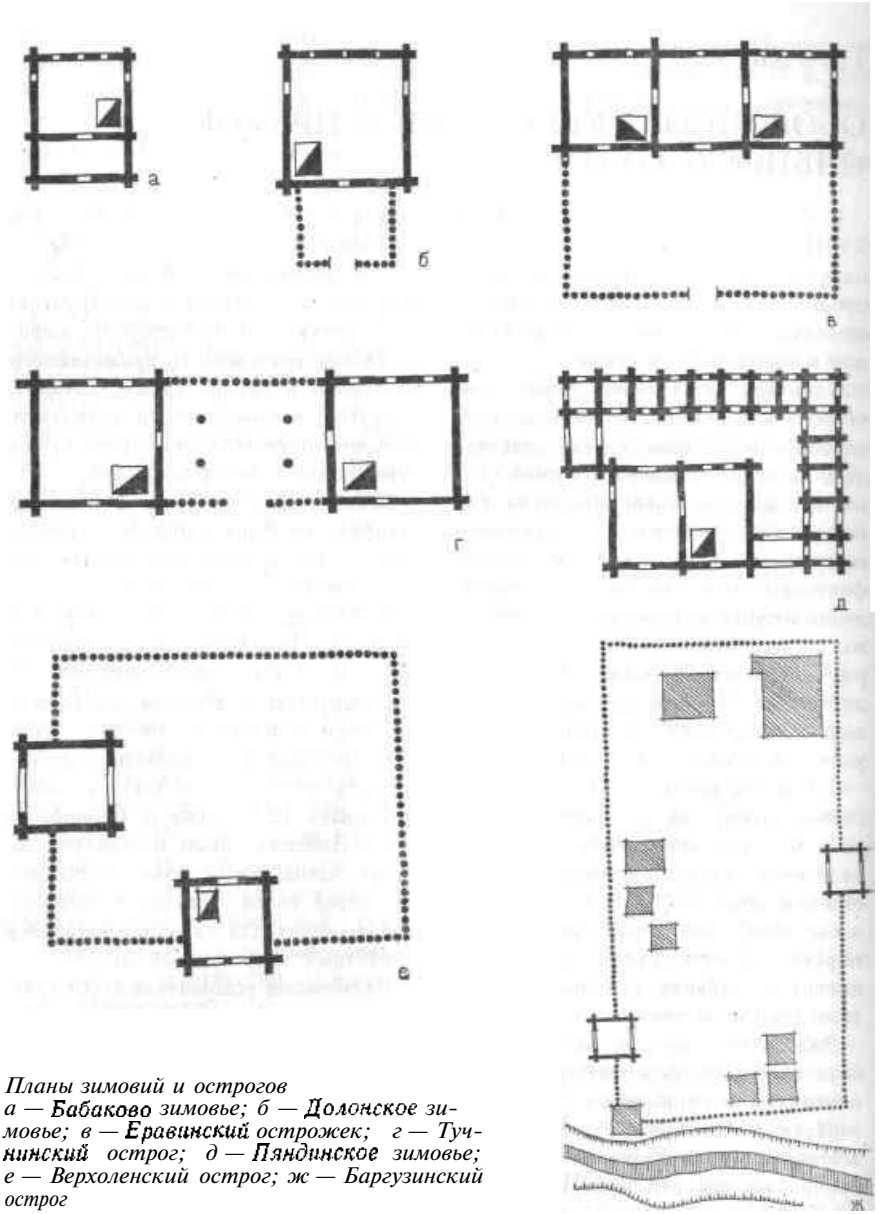
отдельного здания также являлась неизбежным элементом застройки.

Монументальность форм, ясность объемной композиции и конструктивных решений, с одной стороны, выразительные возможности применяемого материала и декоративных деталей, с другой, в совокупности позволяют говорить о своеобразии архитектуры деревянных крепостей Сибири.

Зимовья. Первое звено *в* процессе становления форм сибирских крепостей — «изба с нагородью» (боевой надстройкой или абламом). Строитель Бабаковского зимовья на р. Зее писал: «... поставил ясачное зимовье с верхним боем, а перед зимовьем сени прирубные с верхним же боем с зимовьем в повал, а зимовье одна стена промеж углы полчетвертые сажени, а другая стена трех саженей печатных» [23]. Ниже р. Селинбы, в устье Долонца было поставлено зимовье, названное острожком потому, что перед избой, имеющей верхний бой и вышку для караула, находился крохотный огороженный дворик.

Дальнейшее усложнение этого приема можно наблюдать на примерах Еравинского острожка (1676 г.) и Тункинской крепостицы (1676 г.). Первый состоит из двух изб с сенями между ними. Поверх изб и сеней были сделаны «нагородни» с бойницами, а перед избами поставлена острожная стена.

Тункинская крепостица состояла из двух изб под башнями и двориком между ними. Здесь острожная стена имела нижний и верхний бой, а следовательно, и галерею на столбах, державших кровлю с катками, приготовленными на случай обороны.



Планы зимовий и острогов
а — Бабаково зимовье; б — Долонское зимовье; в — Еравинский острожек; г — Тучинский острог; д — Пяндинское зимовье; е — Верхоленский острог; ж — Баргузинский острог

Особый тип зимовья, огражденного двойной рубленой стеной из тарас, относящегося, по-видимому, к началу XVII в., был найден на р. Тунгуске.

Сохранилось описание зимовья: «Центральный дом имеет в длину 5 и ширину 3 сажени и делится на две половины. Кругом него глаголем расположена галерея мелких клетушек с маленькими окнами и одной дверью в каждой... Вместо ворот пристроено к галлерее с обоих сторон по одной кле-

тушке. Таким образом, получается узенький дворик» [24]. Все тарасы имели вход со двора и отверстия для ружейной стрельбы и, по-видимому, служили конюшнями.

Интересны и колымские постройки. Так, в 1643 г. М. Стадухин возвел на среднем течении реки «зимовье с нагородью», а с 1645 г. существовало зимовье на Нижней Колыме, состоящее из двух изб размером 4X4 сажени, соединенных сенями.

Остроги. Остроги представляли собой более развитый, чем зимовье, тип крепостного сооружения. В отличие от зимовий, строения в острогах — избы, амбары и другие здания — не имели своих оборонительных приспособлений, эту роль выполняли ограда и башни. Оградой служила тыновая стена, которая могла быть «стоячей», «косой» или сочетаться с земляным валом. Иногда вдоль стены «стоячего» острога с внутренней стороны устраивался помост для верхнего боя.

Простейшими примерами такого вида сооружений могут служить Верхоленский острог (1641 г.) и Средневилюйский острог, имевшие по две башни.

В более крупных постройках устраивались угловые башни и главная с воротами. Как можно судить по плану Баргузинского острога, главная башня не всегда находилась в середине стены.

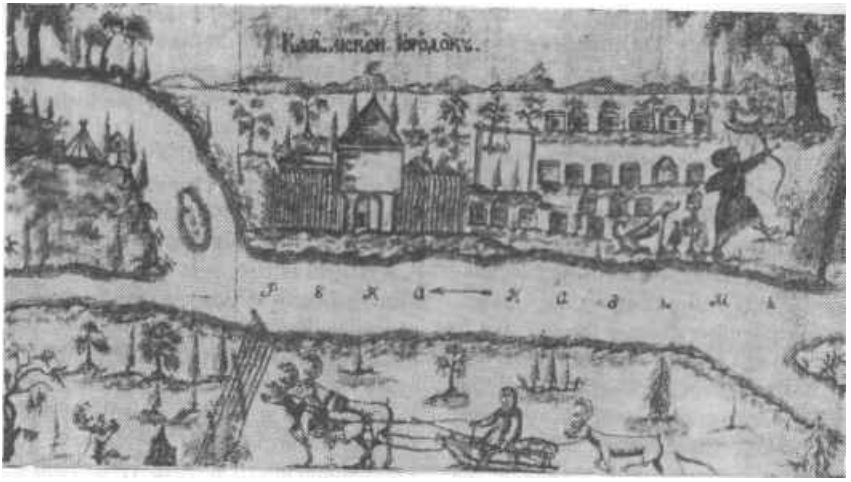
Большой интерес представляют остатки Ляпинского и Казымского острогов, наследников укреплений, построенных глубокой осенью 1499 г. ратниками князя С. Курбского.

Ляпинский острог стоял на левом берегу р. Сыгвы (или Ляпина), против с. Саран-Пауль (ныне Березовского р-на Тюменской обл.). По описаниям этнографа К. Д. Новосилова, обнаружившего руины острога, и омского краеведа А. Ф. Палашенкова крепостная стена была возведена из

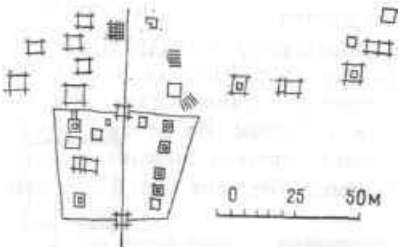
вкопанных в землю бревен, одна сторона которых была снабжена пазом для соседнего бревна. В западной стене стояла башня с воротами и абламом. Вдоль ее внутренних стен были устроены настилы, куда вели две лестницы. Башня стояла так, что с ее верхнего яруса открывалась далекая перспектива на реку.

Казымская крепость упоминается в «Книге Большого чертежа», а позднее в сочинениях С. У. Ремезова. До недавнего времени имелись только рисунок этого острога, выполненный Н. Шаховым и несколько фотографий, снятых этнографом И. Шуховым, обследовавшем его в 1915 г. В 1969 г. сведения о Казымской крепости были пополнены исследованиями группы студентов Института им. И. Е. Репина Академии художеств СССР. Руины острога стоят в глухой тайге неподалеку от с. Юильска на заглохшей протоке Уш-Вош-Югана, впадающей в р. Казым. На воротах одной из башен вырезана ножом надпись «от города Березова до Юпльского

Ляпинский острог. Рис. Н. Шахова. Начало XIX в. Музей этнографии АН СССР

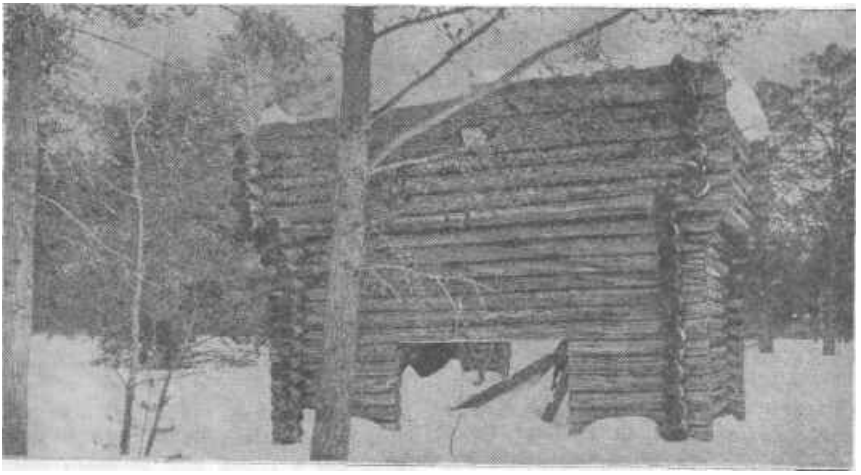


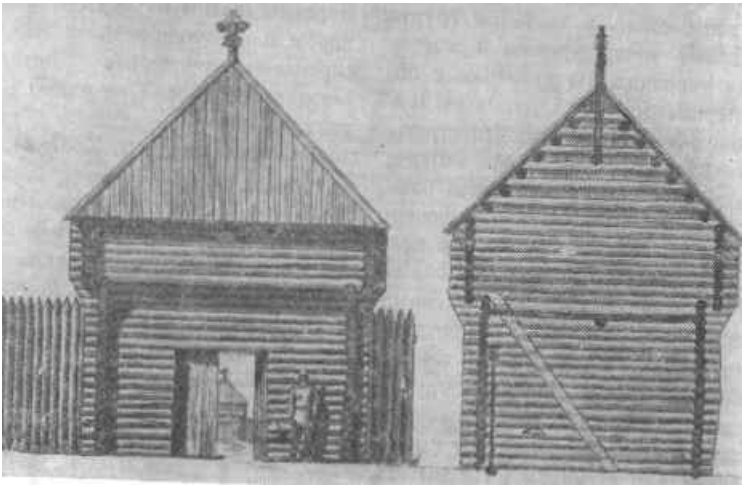
Казымский острог. Музей этнографии АН СССР.

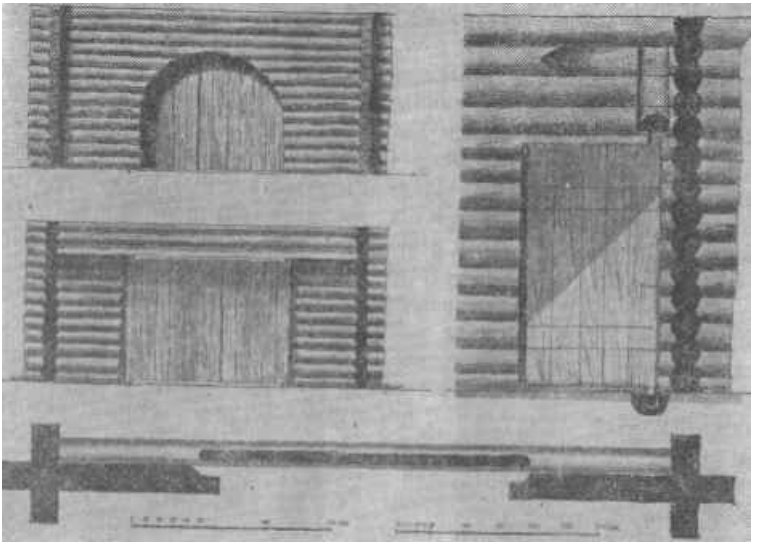


План Казымского острога. По обмеру В. Афанасьева, В. Захарова, К. Кладина, К. Кононова и 5. *Тяхта*

Башня Казымского острога. Фото Н. Шухова. 1915 г. Музей этнографии АН СССР







Башня Казымского острога. Фасад и разрез. Конструкция ворот. Реконструкция автора

городка 236» (видимо, верст). Следы острожной стены в песчаном грунте определяют конфигурацию крепости в виде неправильной трапеции с общим периметром 170,5 м. На ее территории обнаружены следы построек, среди которых наибольший интерес представляют южная и северная башни. Материалы обследования позволяют с большой достоверностью восстановить общий вид одной из башен Казымского острога. Сруб, сложенный из 18 венцов сосновых бревен диаметром 20 см, с абламом из 8 венцов перекрыт шатровой довольно крутой кровлей, увенчанной изображением государственного герба. Стены имеют отверстия для стрельбы. На высоте 5 м от земли устроено перекрытие. Абламная щель (10—12 см) расположена на два ряда выше пола. В стенах аблама имеются отверстия 20 на 35 см для пушек и затинных пищалий, Западная и восточная стены башни имеют вертикальные прорези 10 на 20 см, куда вставлялись «иглы» острожного частокола.

В башнях Казымского и Ляпинского острогов обращает на себя внимание косой срез выпусков бревен для поддержки абламов. В известных башнях Братского, Якутского, Илимского и Бельского острогов выпуски сделаны «лесенкой» с прямыми обрезами концов. Косой срез, как и вертикальные пазы острожин Ляпинского острога, видимо, более древняя традиция. Кубические объемы с коническими кровлями казымских башен удивительно четки по тектонике, отражающей функцию и конструкцию сооружений. А если мысленно заменить их ворота стеной с волоковыми окнами, то получится «изба с нагородью». Такие избы-башни укрепляли углы ранних сибирских острогов.

Руины башен помогают представить и конструкцию крепостных ворот. Независимо от очертаний верха проема

они имели прямоугольные полотна. Ворота сделаны из обработанных топором плах толщиной 8 см. Они скреплены широкими потайными шпонками. Створки не равны по ширине, меньшая, по-видимому, использовалась как калитка. Крайние плахи снабжены круглыми выступами диаметром 8 и высотой 18 см. Они входили в отверстия горизонтальных бревен, проложенных за стенами башен над и под воротным проемом.

Описанные выше постройки в зависимости от местных условий имели различные размеры и число башен, отступая в этом отношении от принятых в те времена «типовых» образцов.

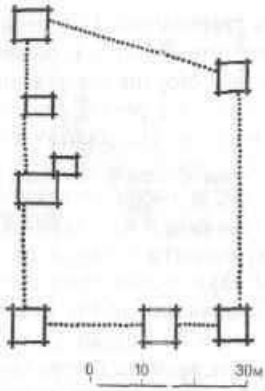
По-видимому, существовали и образцы, исходившие из численности гарнизона. Так, при строительстве Тункинского острога писалось: «всего там нужно держать по малой статье 50 человек» [25]. Размеры подобных острогов составляют: 43Х43 м Осинский, 47Х64 м Ильгинский и 53Х53 м Яндинский и т. д.

Другим примером острога «на малую статью» является Братский острог, заложенный в 1631 г. на правом берегу р. Оки, неподалеку от Ангары, и перестроенный в 1644 г. В лесной поросли сохранились пять квадратных ям, по расположению которых можно судить о местонахождении угловых и одной воротной башни, шестая башня обнаружена на месте стены со стороны реки.

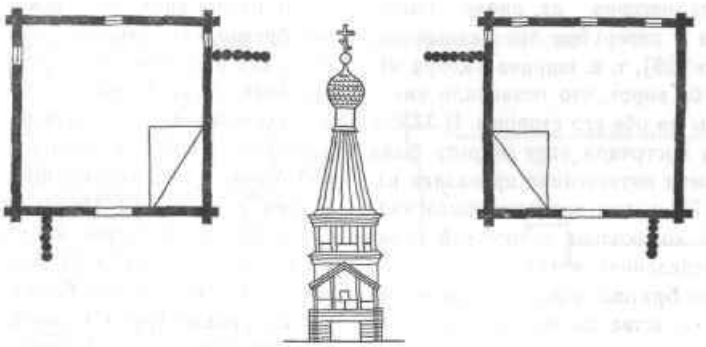
В 1654 г. острог был перенесен на левый берег и поставлен на пригорке в 60 м от Оки, боком к Ангаре. Это сооружение имело четыре башни: «под тремя башнями три избы, четвертая порожняя да ворота проезжие. На воротах поставлена часовня да анбар новый рублен с перерубом трех сажен печатных» [26].

В результате еще одной перестройки длина и высота стен Братского

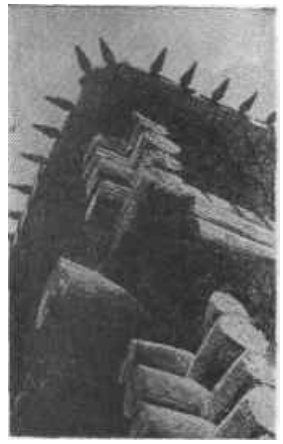
План Братского острога. 1635 г. «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», т. III, 1928 г.



Планы башен Братского острога. 1654 г. Рис. автора. Колокольня. Рис. из книги «Известия Археологической комиссии», вып. 50 СПб, 1913 г.



Разрез башни Братского острога. Реконструкция И. В. Маковецкого, Т. А. Лапшиной. 1957 г.



Облам башни Братского острога

острога увеличились. Из описи 1724 г. известно, что Братский острог имел «в нагорной стороне две угловые башни на избах, а с речной стороны проезжие ворота». На воротах был «анбар для ясачной, денежной и товарной казны, а около того анбару перила забраны с трех сторон досками в косяк, покрыты тесом, а на тех перилах с двух сторон створные двери» [27]. Представить облик главных ворот можно и по другим данным. Так, в документе времени постройки острога сообщается, что «на воротах поставлена часовня да анбар новый срублен с перерубом трех сажен печатных» [28], т. е. ширина амбара менее сруба ворот, что позволяло иметь проходы по обе его стороны. В 1730-х годах в восточном углу острога была поставлена пятистенная приказная изба. К 1741 г. над воротами была надстроена колокольня острожной церкви, переделанная в 1842 г.

Башни Братского острога при кажущемся сходстве имеют конструктивные различия, позволяющие считать их разновременными по постройке.

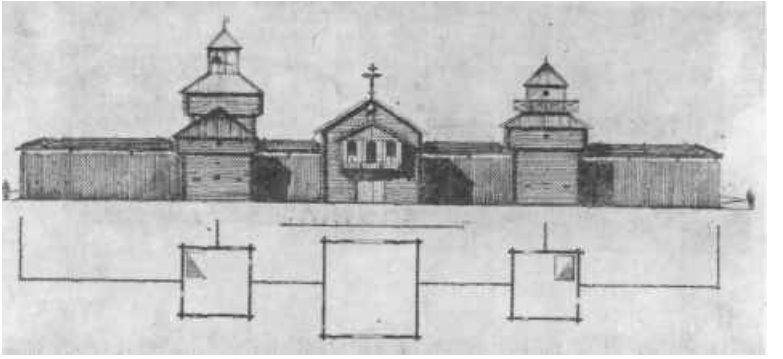
Башня Братского острога. Фото И. В. Маковецкого. 1957 г.

Они перекрыты по рядовому шатру пологими четырехскатными кровлями в два теса, со свесом в виде копий.

Башни имеют по одному промежуточному перекрытию, в их первых ярусах были устроены печи из красноватой глины на рамах из толстых бревен, уложенных по деревянным стульям. Печи топились по-черному, и для дыма в стенах на высоте человеческого роста устроены отверстия. Первые этажи башен имеют волоковые окна с внутренними задвижками.

Если в западной башне бревна уложены пазом вниз, то в южной верхнее бревно вкладывалось в паз нижнего, как в древних новгородских постройках. Другой особенностью этой, по-видимому, более древней башни является устройство облама. В западной башне в первый выпущенный ряд бревен с выступом 15 см врублена стена облама. В южной же облам покоится на выпуске двух рядов. Обламные щели братских башен устроены на уровне груди человека, стоящего на перекрытии жилого этажа. Верхние боевые части башен одинаковы, имеют отверстия для ружейной стрельбы и по одному более крупному для пушки или затинной пищали; их амбразуры снабжены скосами, дающими более широкий угол обзора. В боевые этажи попадали по наружным приставным лестницам. Стены жилой части башен проконопачены мхом, а бревна гладко отесаны. Башни Братского острога — редкий памятник не только крепостной, но и жилой архитектуры первой половины XVII в.

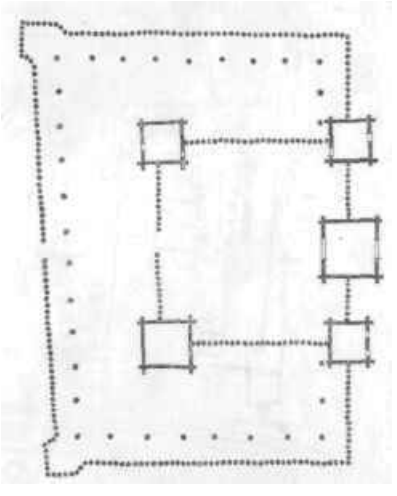
Другим более сложным примером постройки «на малую статью» могут считаться Селенгинские остроги 1666 и 1669 гг. Новая стена обошла с трех сторон старый острог, который представлял собой в плане квадрат с четырьмя угловыми и одной выездной башнями и образовала за ним П-об-



Фасад Селенгинского острога. 1669 г. Реконструкция автора

разное свободное пространство. Вот как говорится о нем в описании 1675 г.: «С приходу от Селенги в западную сторону стена мерою 28 саженей 1 аршин, а в стене поставлены две избы, а на верх изб свершено по башенному, а на одной избе на верху на башне поставлена караулка теплая мшенная с печью для зимнего караула. И меж избами в стене острожной проезжие большие ворота, и над воротами поставлена бревенчатая часовня...» *[29]*.

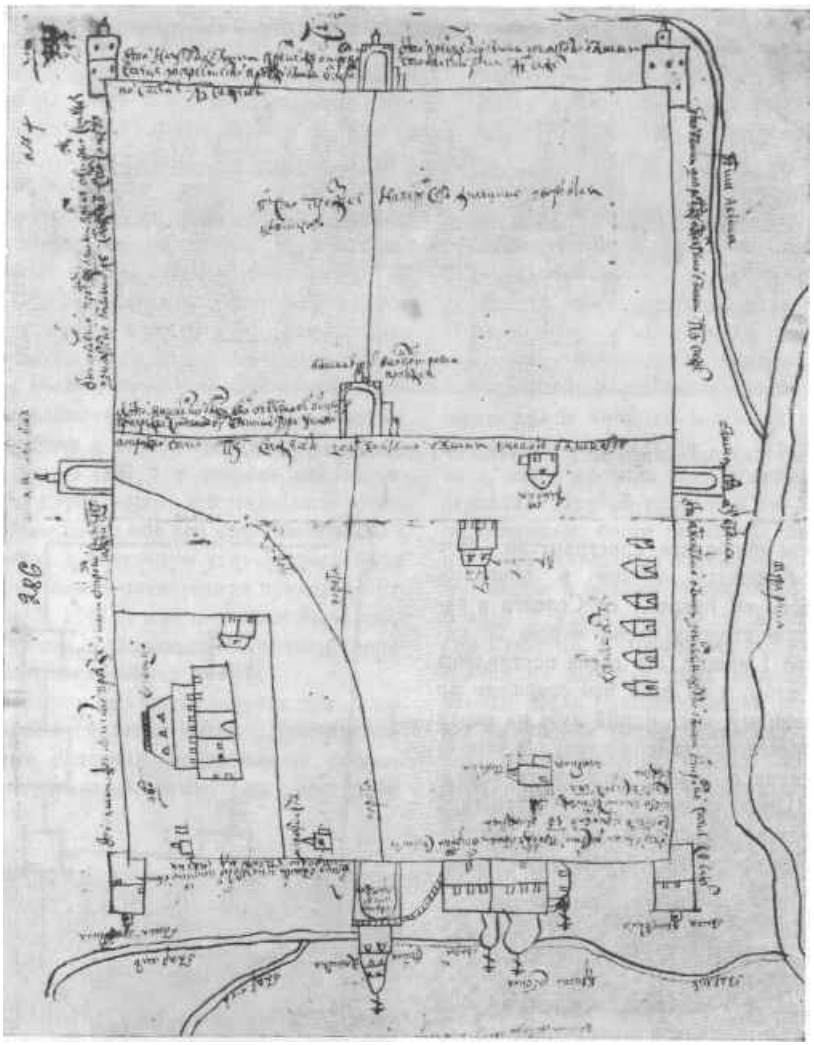
По описанию можно установить общие размеры острога. Северная и южная стена (по 40 м) состояли из 220 острожин и «быков» каждая. «А бык на углу поставлен с подошвенным боем и верхним». Восточная стена состояла из 350 острожин и имела ворота с калиткой. Западная стена, включившая в себя стену старого острога, имела почти симметричное решение: в центре находились ворота, над которыми возвышалась часовая башня, *а* по обеим сторонам от нее находились две разновеликие башни с избами. К сожалению, в описи не указаны высоты башен, но «избы с нагородней» хорошо известны по ана-



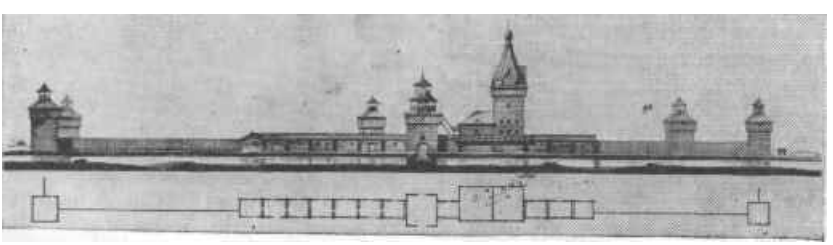
План Селенгинского острога. 1669 г. По описанию в «Записках Русского географического общества по отделу этнографии», т. X, вып. I, 1882 г.

логичным сооружениям, а другие сведения дают основание к реконструкции этого характерного сооружения.

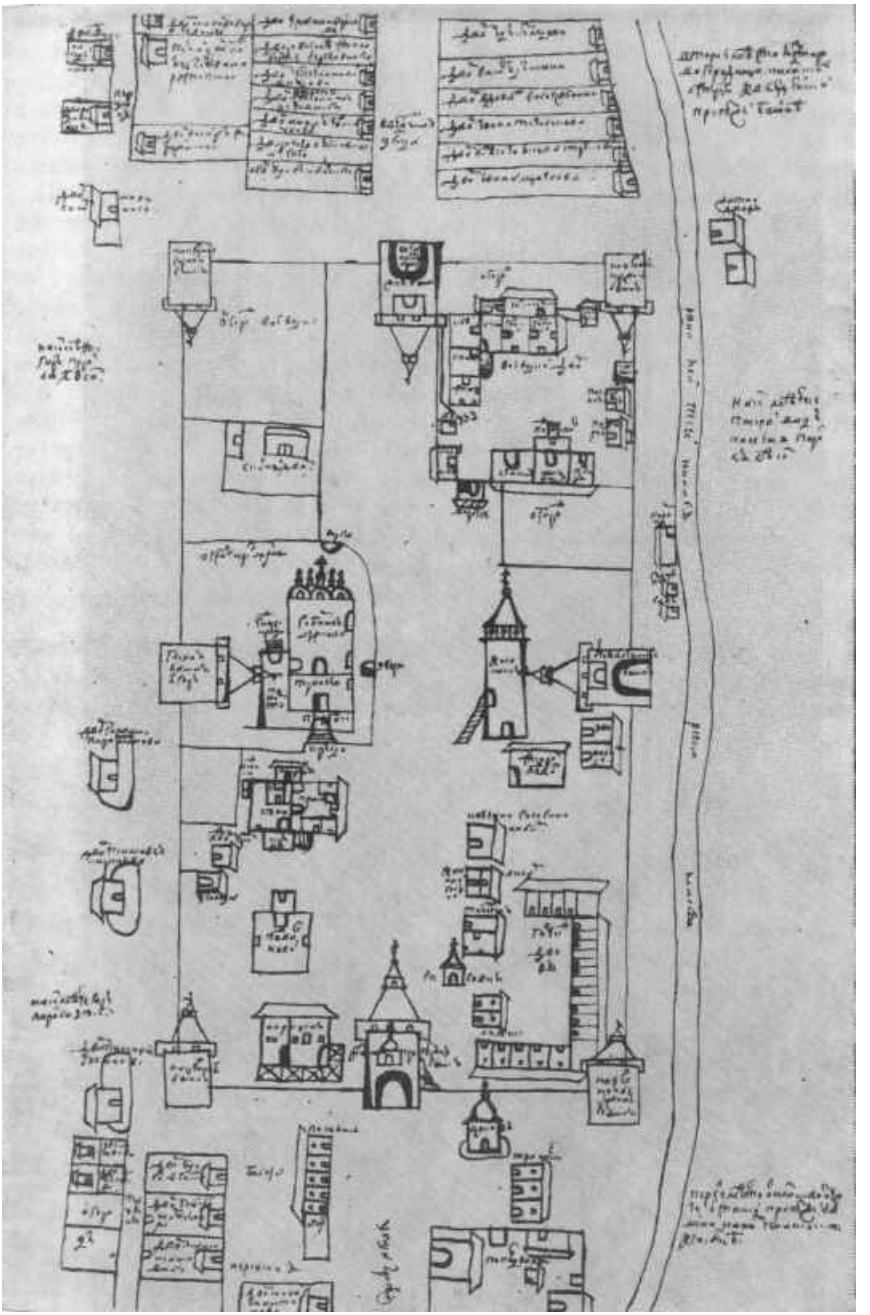
Автор описания далее сообщает, что «острог покрыт тесом, и средний бой и абламы намощены тесницами по шти и по осми тесниц. А на остроге катки кладены и слеги для приступного времени, а в большой ост-



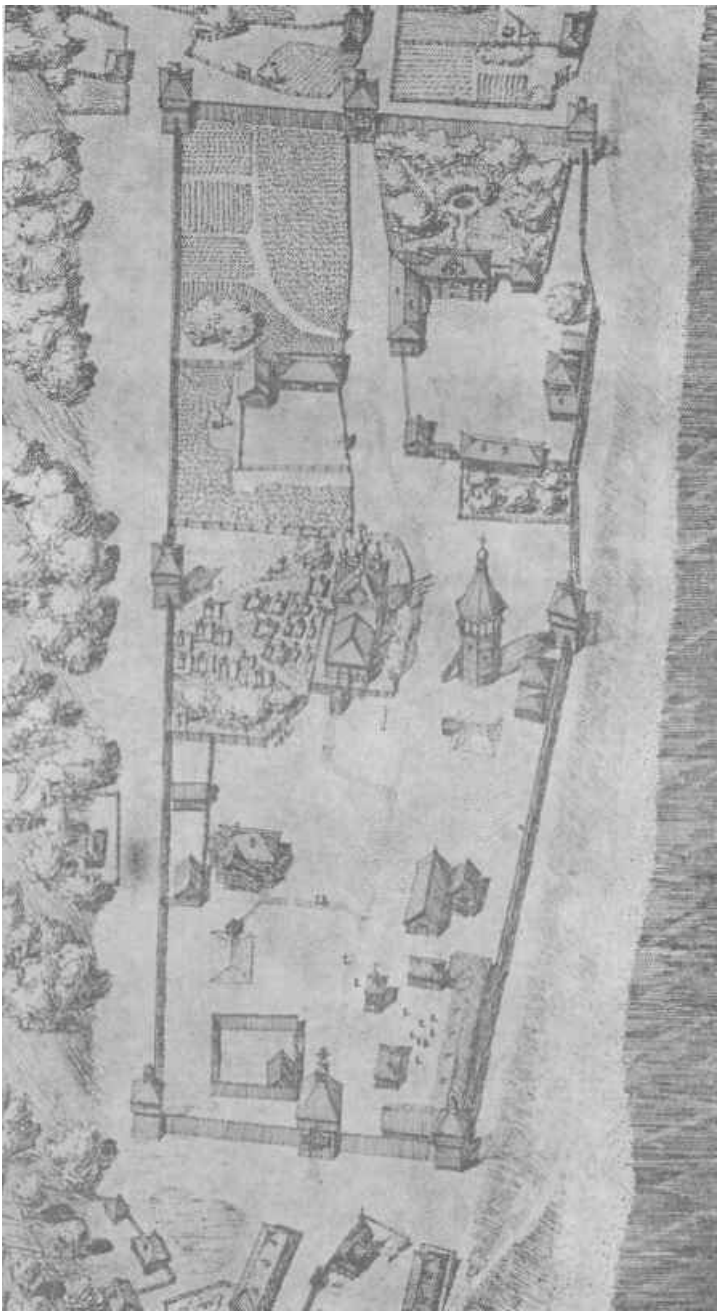
План Туринского острога. 1704 г. ЦГАДА



Фасад Туринского острога. Реконструкция автора



План *Илимского острога. 1703 г. ЦГАДА*



Илимский острог. Реконструкция автора

роге кругом поставлены 12 амбаров... а кругом всего острога, надолбы».

Если существовали остроги «малой статьи», то, очевидно, были и постройки, рассчитанные на гарнизон в сотню и более служивых людей.

Примером может быть построенный Андреем Борнашлевым Иркутский острог (1668 г.) с длиной стен 107 м по каждой стороне. Имевший четыре угловые, две стенные и две проезжие башни, этот острог дает редкий пример трехэтажных башен-домов.

В главной — Спасской «над воротами анбар казенный, над анбаром развал с жильем, над развалом вышка с перилами...» [30]. Все три башни главного фасада имели одинаковую высоту (22 м). Башни «горной» стороны, также включавшие амбары и по два жилых этажа, получили высоты по 17 м. Они имели верхний, средний и нижний бой.

Как правило, ранние изображения сибирских острогов не сохранились,

но имеются описание и план 1704 г. Туринского острога, помогающие восстановить облик этого сооружения.

Туринский острог представлял в плане неправильную трапецию с четырьмя угловыми башнями. Главным «фасадом» крепости была южная стена со Спасской проезжей башней, обращенной к дороге на Тобольск. Около этой башни были «построены лавки вряд». Вблизи размещалась высокая Спасская церковь, игравшая существенную роль в архитектуре острога. Три остальные стены также имели проездные башни: западная — Николаевскую, к которой подходила дорога из Верхотурья, северная — Предтеченскую, обращенную на посад и к речке Ялымке; восточная, идущая вдоль р. Туры, — Архангельскую с воротами к пристани.

Восстановленный по документам план Туринского острога далеко не тех очертаний, как он указан на чертеже 1704 г., в рисунках Ремезова

Спасская башня Илимского острога. Фото начала XX в. АЛО ИАА Н

1701 г. и Витсена 1705 г. Туринский острог представлял собой великолепный образец русского деревянного зодчества. Выразительный силуэт крепости, многообразие форм башен — двухъярусной колокольни главной башни, высокой шатровой кровли с главкой Спасской церкви, менее высоких угловых башен — так же, как контраст протяженных стен и высотных акцентов, придавали комплексу большую художественную выразительность.

Примером большого острога являлась и Илимская крепость, 1667 г., также имеющая опись и чертеж, относящиеся к 1703 г. Стоявший на дороге из Енисейска вдоль берега р. Илим, острог был обнесен стеной общей длиной 709 м и высотой 4 м. В описи сказано, что конструкция стены была «с столбами и переклады». Мощная крепостная стена имела 8 башен.

Главная башня — Спасская — находилась в западной стене на дороге из Енисейска. Через нее проезжали все, кто стремился к Ленскому волоку.

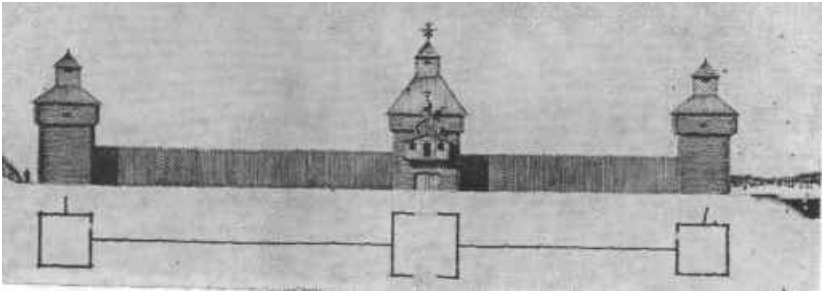
Другой проездной башней была Введенская — в восточной стене, третьей — Богоявленская, стоявшая в середине речной стены. Кроме трех проездных башен в остроге имелось

еще пять башен — четыре угловые и одна, расположенная в середине северной стены. Угловые и стеновые башни имели от 31 до 40 венцов и были перекрыты шатровыми кровлями.

Спасская башня — главный въезд в Илимский острог — один из уникальных памятников крепостного зодчества Сибири XVII в. К сожалению, ремонты исказили форму башни. Потребовалось тщательное изучение исторических документов для восстановления ее истинного облика.

Структура башни традиционна для крепостных сооружений Сибири. Квадратный в плане сруб перекрыт высокой шатровой кровлей, завершенной сторожевой будкой с укрепленным над ней государственным гербом. Высота всей башни до «орла» 8 саженей. Стена рублена в лапу, кровля крыта тесом. Особое своеобразие во внешний облик башни вносят две часовни, расположенные над воротами и выступающие за пределы стен («на свесе»). «Наружная» часовня завершена бочкой, обитой лемехом, «а на верх бочки маковица с крестом». Ворота в башне брусяные, створные, с калиткой.

Расположенная в центре западной стены, Спасская башня, фланкируемая с обеих сторон угловыми башня-



Западный фасад Илимского острога. Реконструкция автора

ми, подчеркивала значение западного фасада острога как главного.

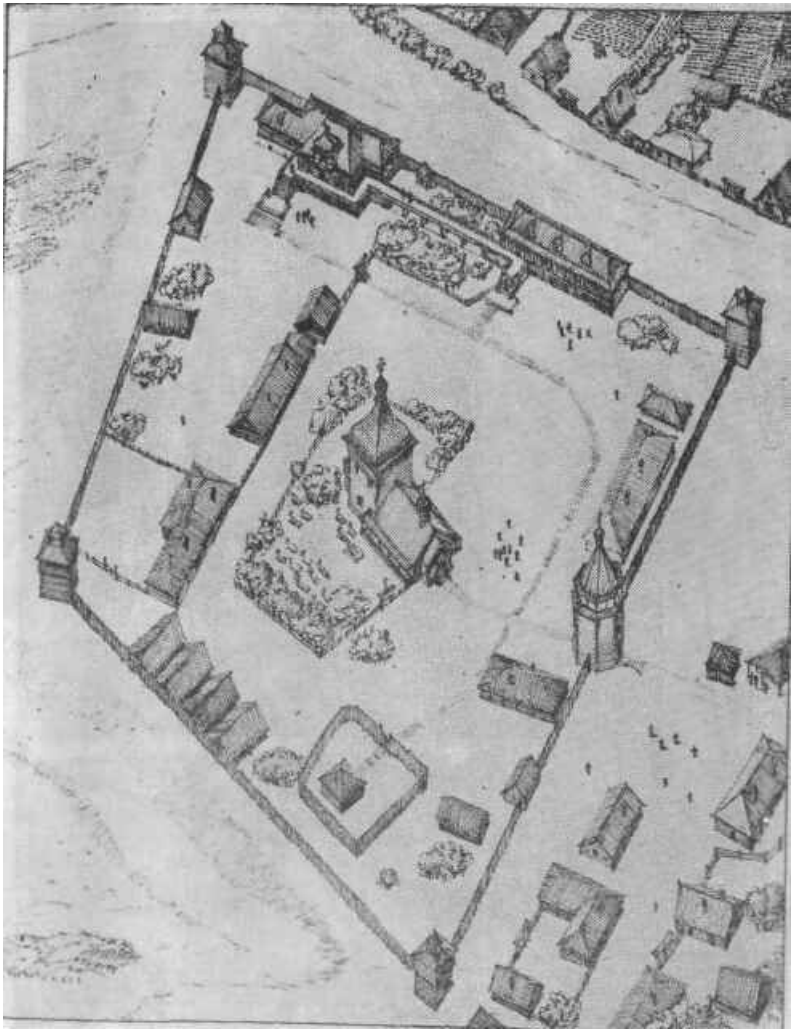
Двойные остроги. Двойные остроги представляли собой сочетание городского острога с острогом, ограждавшим посад. В этом случае острог — кремль — назывался Малым городом, а внешнее укрепление — Большим городом.

Такой тип острога представляла собой к началу XVIII в. Красноярская крепость, сложившаяся в результате

Схема Большого и Малого Красноярских острогов в XVIII в Рис автора по плану из ЦГВИА

сооружения острожной стены вокруг посада, площадь которого более чем в десять раз превышала размеры самого кремля. Малый город, расположенный на мысу рек Енисея и Качи, «мел форму неправильного четырехугольника, стены которого следовали естественным очертаниям мыса. По плану 1748 г. его стены имели по 110,

106, 115 и 149 м и угловые башни, три из которых были квадратными четвертая была ромбовидной в плане Кроме угловых башен в центре западной стены стояла главная проездная башня с теплой караулкой наверху — Спасская. Она была шестигранной, имела выносную часовню и одновременно служила колокольней Пре-



Аксонометрия Красноярского Малого острога. Реконструкция автора

ображенской церкви, расположенной на территории Малого города. У Енисейской береговой стены стояли воеводский двор и приказная изба. Примыкавший к западной стене Малого города Большой город был огражден стеной с двумя угловыми башнями — Покровской и Алексеевской; кроме того, на берегу Качи был устроен «вывод», или бастион. К середине XVIII в. стена вдоль крутого берега Енисея уже не существовала.

Представление об архитектуре и конструкции стен внешних острогов дополняют остроги Верхотурья. Необычный план этой крепости в виде неправильной трапеции и особенности решения системы укреплений были обусловлены расположением ее на перекрестке нескольких дорог и сложными топографическими условиями. Крепость находилась на высоком берегу р. Туры между двумя небольшими ее притоками — Сваягой и Дернейкой. На самом высоком плато — Троицком камне — находился Малый город, сведений о котором не сохранилось. Видимо, после пожара 1690 г. он не восстанавливался, а в начале XVIII в. на этом месте начали возводить каменный кремль. Стена Большого города, окружившая посад, подходила к Малому городу с двух сторон протяженностью 1288 м. Со стороны р. Туры, там, где берег повышался (на Троицком камне), стена прерывалась. В систему укрепления входило десять башен, в том числе три проездные. Главная Николаевская башня стояла со стороны московской дороги от Соли Камской. В описи воеводы Циклера конца XVII в. дана ее характеристика: «...рубленая четвероугольная с проезжими воротами, уступом, развальным боем шестистенно, а на ней рубленая подшатровая кровля, а на четверике крышка кругом с полами, а на верху шатрик покрыт шестистенно, с зубцами, а на

верху шаламай. В вышину та башня 13 саженей, а в ширину 4 сажени печатных, а в ней 5 мостков с лестничными выходами» [31].

Со стороны Сибирской дороги стояла другая проездная башня — Спасская. Она была рублена на 12 углов и имела «шатровую шестистенную рубленую вышку с бойницами» (видимо, 12 угловых выпусков при шести стенах). По той же стороне, ближе к р. Туре, стояла Покровская башня с выездом к одноименному монастырю. После нее стена, поворачивая вдоль Туры, подходила к Водяной башне. Затем шла рубленая стена гостиного двора, а на Троицком камне стояла башня. На самом камне на протяжении 138 м стены не было. Башни по краям скалы были глухими.

Из указанной описи воеводы Цыклера могут быть почерпнуты сведения и о конструкции стен: «По стенам мосты на столбах с переклады и бойницы просеченные и под катки столбы с переклады... А около всего городского острогу к стене мосты обходные на столбах с переклады и. верхние столбы с переклады под катки по всем ее сторонам» [31].

Рубленые города. Многие сибирские крепости имели первоначально стены из острожин, а позднее рубленные из «городней» или «тарас». Нередко новыми рублеными стенами окружалась старая крепость — острог.

Первоначальным типом рубленых стен были «городни» — венчатые срубы прямоугольной формы в плане, составляемые в прясло (стену). Наиболее совершенная конструкция прясла крепостного сооружения представляла собой две стены, соединенные поперечными стенами, причем наружная часть прясла имела непрерывные рубленые стены. Элементы такой ячеистой конструкции стены назывались «тарасами».

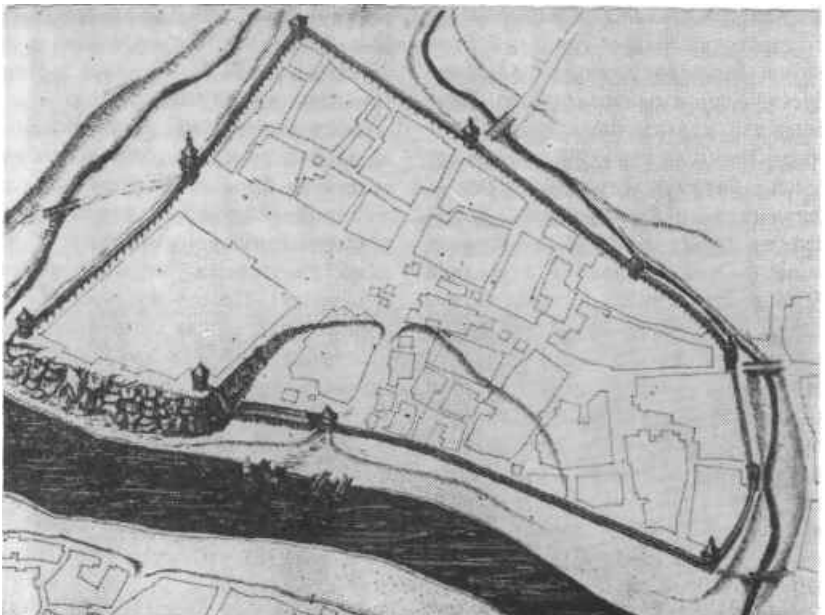


Схема расположения стен и башен Верхотурского острога. Рис. автора

Простейшее сооружение подобного рода было построено в Зашиверске. Город нанесен на плане 1698 г. в виде прямоугольника (34Х45 м). Показаны встроенные в стену амбары и темница для аманатов а в самой крепости — дом управителя. Восточная, западная и часть южной стены состояли из городней (3,2Х2,8 м), отстоящих Друг от друга примерно на 2 м. Стена была крыта тесом и не имела аблама. В 1700 г. северная стена была разобрана, и на ее месте поставлена церковь, а промежутки между ней и соседними стенами заполнили тыном. Крепостные ворота были завершены колокольней.

Другим более развитым сооружением была Мангазейская крепость. Она имела стены из «тарас» и в плане представляла собой неправильный четырехугольник. По углам крепости стояли башни: на берегу Таза — Зубцовская и Давыдовская, на противо-

положной стороне — Ратиловская и Успенская. Самой высокой была главная проездная башня — Спасская («с приезду»). Рубленные из мелкого леса, башни и стены были наделены предельно лаконичным архитектурным обликом.

Еще более развитым организмом был город, заложенный 12 июня 1672 г. в Туруханском зимовье (Новой Мангазее).

Ограждавшая город мощная стена общей длиной 250 м состояла из 65 городней и имела пять равновысоких башен — четыре угловых и одну въездную.

Главным и наиболее выразительным архитектурным элементом города была въездная башня. Ее шестигранное основание срубили из двухсаженных бревен. Сруб поднимался на 28 венцов и переходил в аблам высотой около сажени. Над шестигранным основанием был нарублен второй ярус

из 8 граней. В месте смыкания объемов находилась галерея с ограждением из досок, забранных в косяки. Верхняя часть башни завершалась второй обходной галереей. Ее кровля переходила в шатер, на котором стояла смотровая надстройка, завершенная шатриком, увенчанным орлом. Вся высота башни от земли до орла составляла около 26 м.

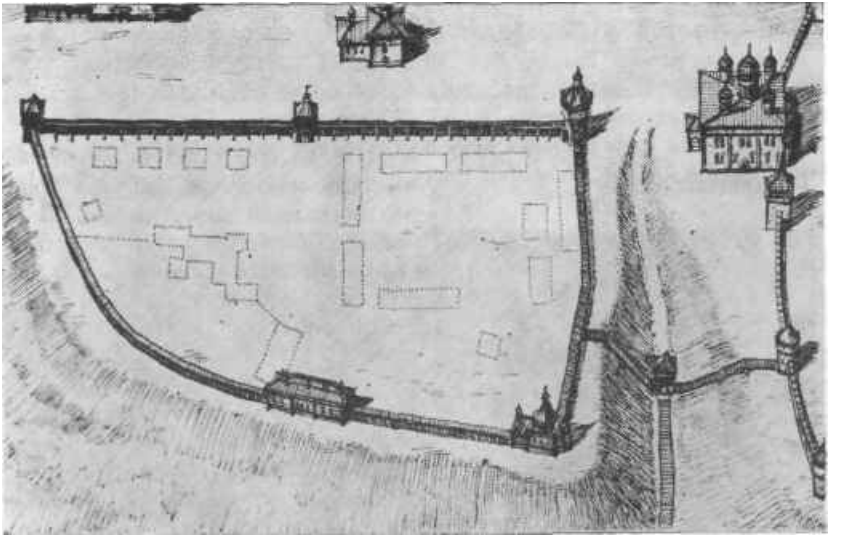
Усложненность форм объяснялась тем, что «башня проезжая высоко построена для приезду иноземцев и аманатов и обход учинен для караулу» [32]. Ее объемы органично переходили один в другой, обусловливая скульптурное единство сооружения. Высокая башня удачно контрастировала с глухими протяженными стенами и поддерживалась стройными вертикалями углов.

Заслуживает внимания частично построенный Тарский город. После пожара 1669 г. он долго не возобновлялся, а в 1680 г. была возведена только западная стена с одной башней по образцу тобольской. Если баш-

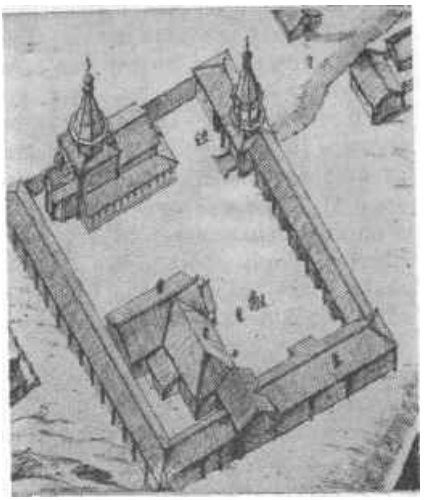
ни сибирских крепостей обычно имели план в виде квадрата или правильного многогранника, то тарская была прямоугольной. Рубленные «в лапу» стены заканчивались необычно низким абламом (около 1 м). Прямоугольный план привел к вальмовой кровле, где были устроены смотровые отверстия, а на стене выше ворот навесная часовня и «боевые часы». Это существенно отличает тарскую Спасскую башню от других аналогичных сооружений.

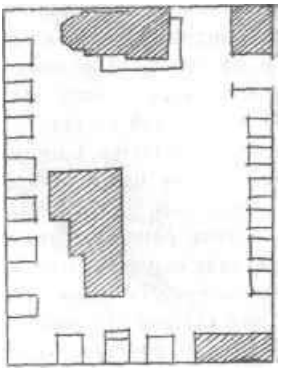
Как известно по документам, Иркутский рубленый город три раза менял свои размеры. Длина всех стен первого острога была 98 м. В 1668 г. длина каждой стены острога увеличилась до 107 м, в 1693 г. — до 128 м, а в 1716 г. стены имели размеры от 137 до 147 м. Они были построены не сразу. Известно, что часть восточной стены была возведена только в 1733—1736 гг. и заменила собой стоявшие в ряд 22 двухэтажных амбара. Высота новых стен была 8 м.

Иркутская крепость середины

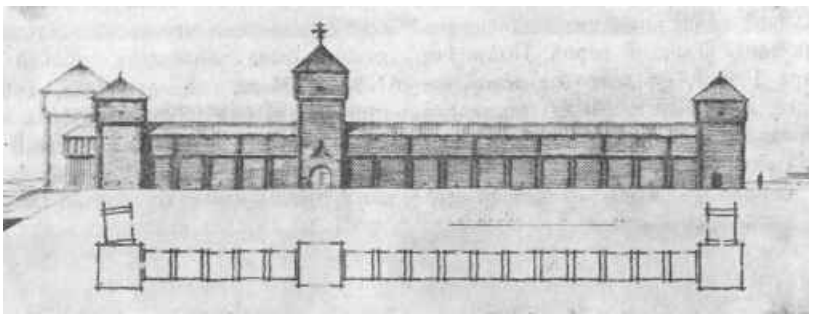


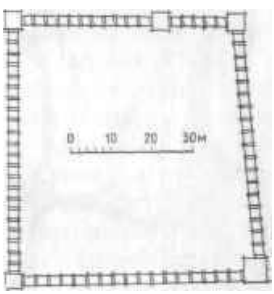
Расположение стен и башен Тобольского острога в 1680 г. Рис. автора





Зашиверская крепость. Общий вид. План крепости. Реконструкция автора



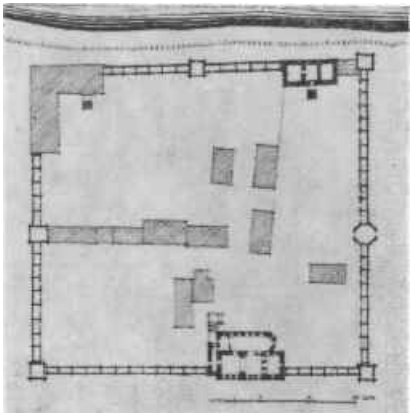


Старомангазейский город. Восточный фасад. План. Реконструкция автора

XVIII в. на трех углах имела глухие башни, а северо-западный угол занимал воеводский дом. Главная, Сергиевская, башня стояла в восточной стене. Она была восьмигранна и завершалась шатром с большим государственным орлом. На ней висели колокола и «боевые часы». Другая проездная башня, Спасская, в береговой стене имела ворота, ведущие к пристани. Она была меньше по размерам и с надвратной часовней. Отличительной чертой города являлось включение в периметр крепостных стен крупных каменных сооружений. В восточной части северной стены

стояла каменная приказная палата с деревянной пристройкой для судебной палаты и тайник с застенком, в южной стене — каменная Спасская церковь.

Заслуживает внимания и архитектура Селенгинской крепости (1685 г.). Построенная в предельно короткий срок (с 22 марта по 26 мая), она имела стены длиной 64 м и высотой 5,3 м, которые были сделаны «с великой крепостью с нагороднями с верхним *и* подошвенным боем», по углам стояли башни [33]. Наиболее сложным был западный фасад, с р. Селенги. Здесь сосредоточились главные архитектурные акценты. На юго-западном углу стояла многоглавая шатровая Спасская церковь. Ее пол был поднят на 5,3 м в один уровень с верхом крепостной стены. Вся высота церковного объема до маковицы составляла 32 м. Северо-западный угол укрепляла башня со сторонами по 6,4 м и высотой 21 м, на которой поверх аблама была надстроена небольшая колокольня. В середине стены были ворота, над ними часовня, крытая бочкой, в торце которой находилась икона. Мощные рубленые стены, по контрасту с ними стремительный взлет стройного церковного объема, высокие угловые башни и пониженный объем надвратной часовни создавали пластически богатый силуэт. Своеоб-

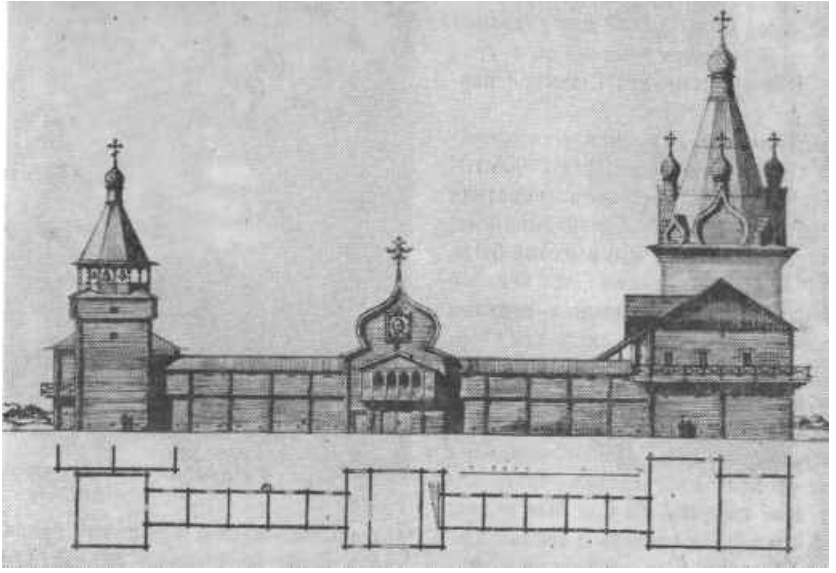


План Иркутского города. 1716 г. Реконструкция автора

разие Селенгинской крепости придавал и необычный силуэт церкви, шатер которой был окружен как ожерельем рядом бочек, увенчанных главками.

Выразительный силуэт имел и Албазинский рубленый город 1683 г. Его стена с трех сторон обошла старый острог, поставленный еще в 1667 г. Никифором Черниговским на высоком каменистом берегу Амура. Новые стены из городней имели высоту 5,3 м и кровлю с двойным тесом с «зубцами на свесах». По верху стены шла боевая галерея, куда вели семь лестниц. Северная стена имела длину

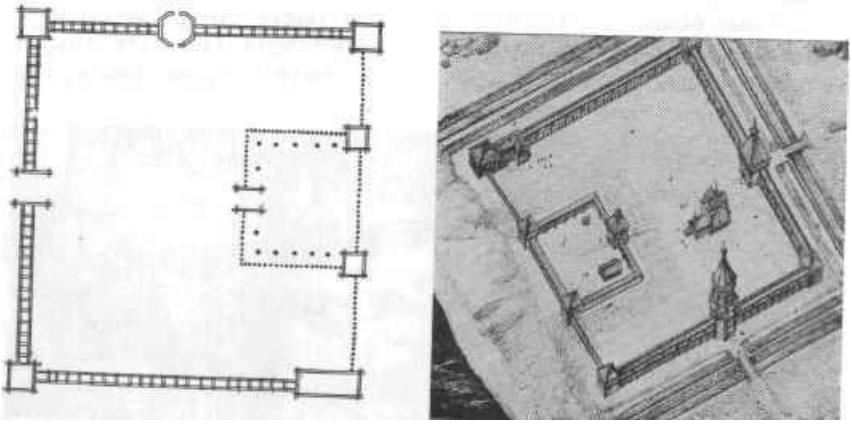
Вид Иркутского города первой половины XVII в. Реконструкция автора



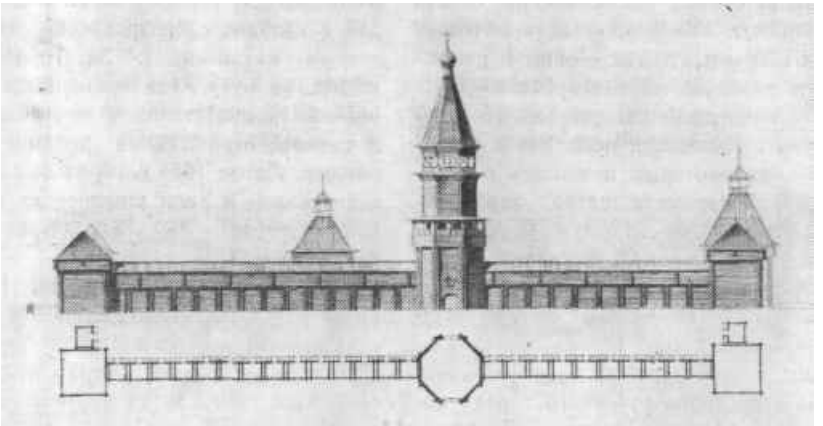
Западный фасад Селенгинского города. 1685 г. Реконструкция автора

85 м, восточная делилась проездной башней на отрезки 46 и 37 м, южная, также с проезжей башней, имела стены 32 и 43 м. Западная береговая стена длиной 97 м включала две башни старого острога, а на северо-за-

падном углу заканчивалась воевод-
скими хоромами. Угловые башни име-
ли стороны от 7 до 6 м и высоту
6,4 м до аблама, аблам 1,4 м. Бере-
говые башни старого острога состоя-
ли из жилых изб с «нагороднями»,



Алабазинский город. *План. Аксонометрия. 1683 г.* ***Реконструкция автора***



Алабазинский город. Восточная въездная башня. 1683 г. Реконструкция автора

Спасская «с полевой приступной стороны» имела ворота и над ними приказную избу и караульню на шатровой кровле.

В новом сооружении выделялись две проездные башни. Первая (в восточной стене, со сторонами 8,4 м) имела двойную наружную стену. Она завершалась деревянным орлом, обитым белым железом. Контрастом к ней башня в южной стене, с воротами

на посад, получила сложную пластическую форму, построенную на сочетании глухих объемов и открытых галерей. Восьмигранная, она имела двойные стены, и потому на гранях вместо обычных двух выпусков было четыре. На высоте 7 м был напуск аблама в 1,4 м из гладких брусьев. Над ним находилась колокольня восьмигранной формы из бревен, рубленных «в лапу». 0на покоилась на внут-

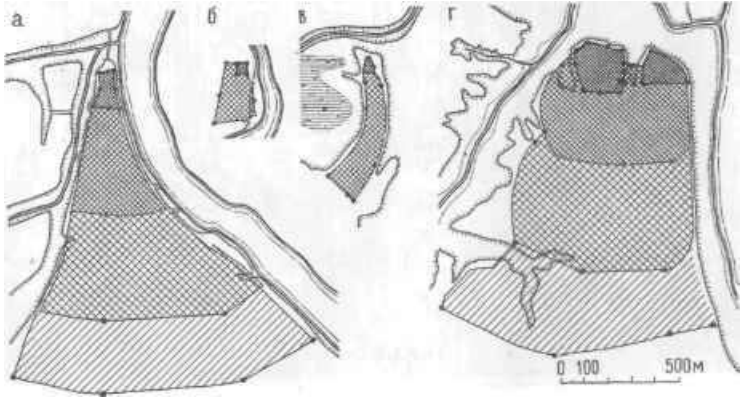


Схема взаимодействия кремля и острожных стен. Рис. автора
а — Тюмень; б — Пелым; в — Томск: г — Тобольск

ренних стенах, что позволило создать обходную галерею, «у которой перила забраны в косяк с окны и покрытую двойным тесом с зубцами» [34]. Эта надстройка завершалась 16 столбами с косячными перилами и развалом, над которым покоилась восьмигранная пирамида шатра, завершенная луковицей с крестом. Стройность этого сооружения, составные части которого связаны в единую гармоническую систему, делала южную башню Албазинского города значительным архитектурным произведением. На территории рубленого города построили только Спасскую церковь и съезжую избу. В старом остроге сто-

ял амбар для ясачной казны и находился колодец с «вододейкой» (железным механизмом). За городом, южнее, на лугу, где протекала небольшая речка, стояло 40 изб посада и часовня, огражденные рядами частокола. Летом 1684 г. город был обведен валом и рвом шириной «в две косых сажени». В 1685 г. Албазин был разрушен.

Рубленые города с острогами. Наиболее распространенный тип сибирских крепостей — сочетание рубленого города с посадом, огражденным острожной стеной и поэтому часто называемым острогом.

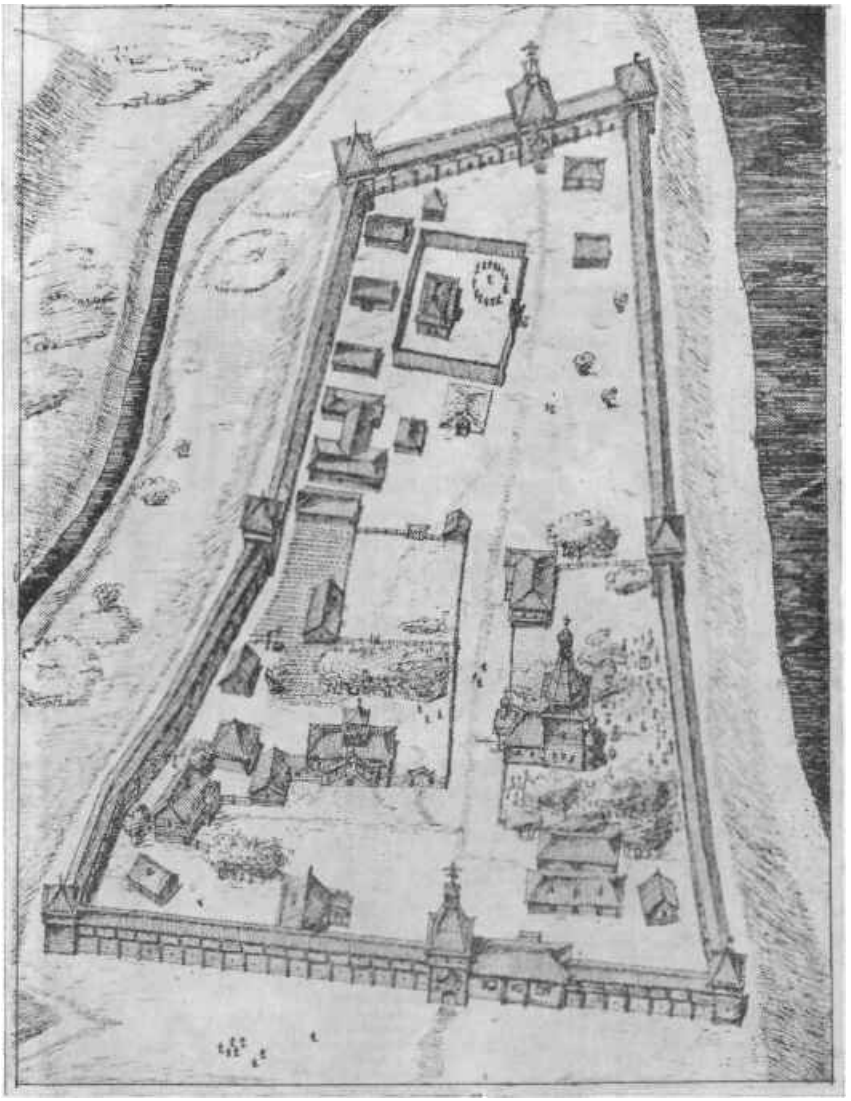
В архитектурно-строительном отно-

Пелым. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

ршении он представляет собой общность рассмотренных выше двух типов.

Город или кремль, как правило, примыкал к острогу одной, реже двумя стенами (**Пелым**, Тобольск) и

обычно занимал по отношению к нему периферийное положение. Соотношение площадей кремля и острога чрезвычайно разнообразно и в процессе становления города менялось. Так, у скромного Пелыма острог ед-

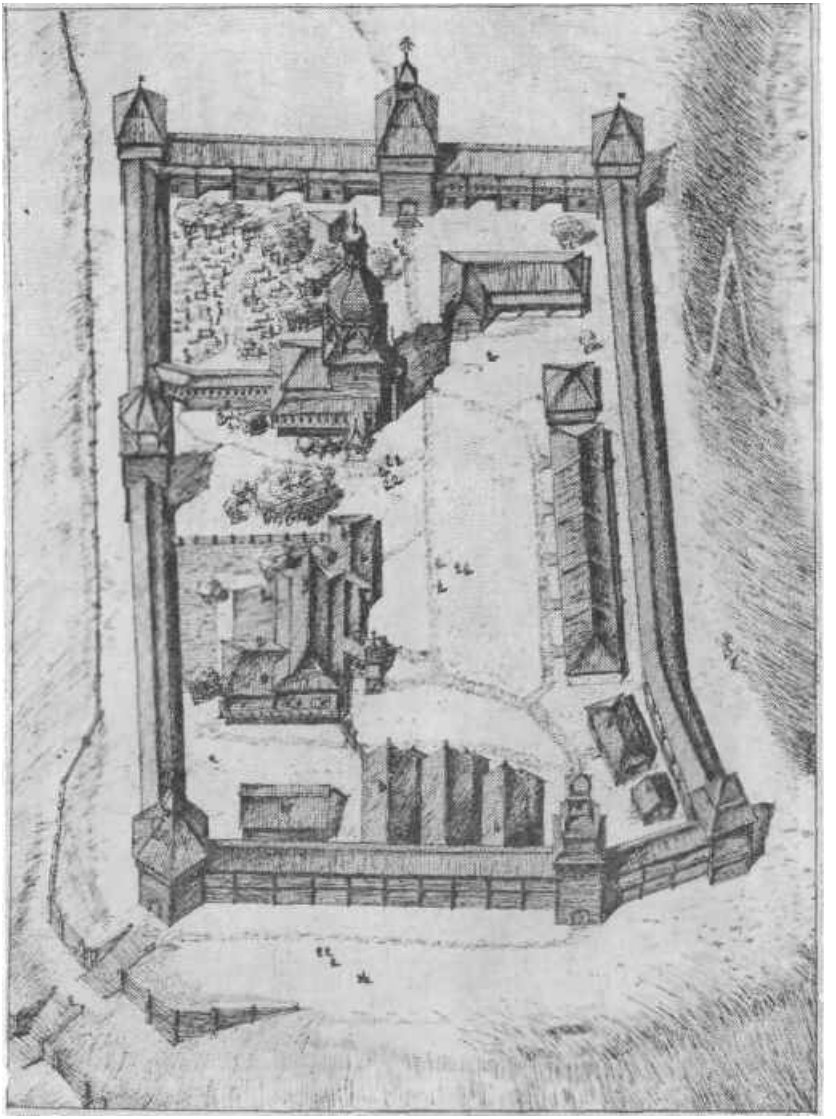


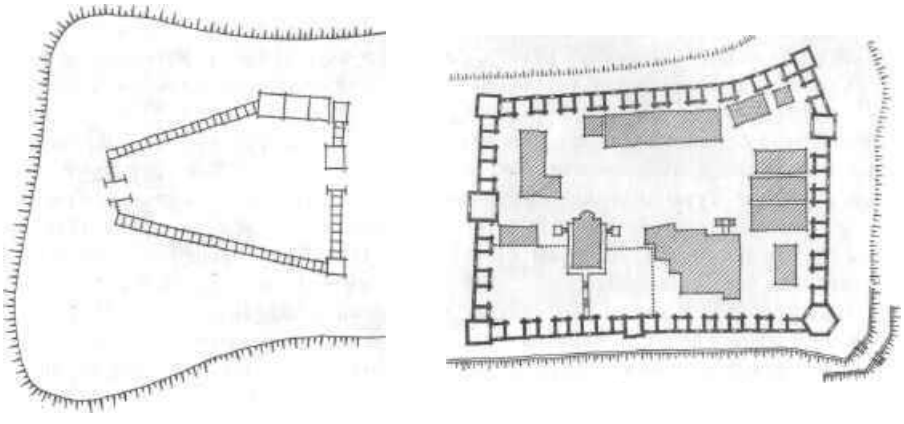
Тюменский город. 1761 г. Реконструкция автора

ва достигал 27 тыс. м^2. Острог Тюмени 1596 г. имел площадь 113,4 тыс. м^2, а в 1731 г. — 803,6 тыс. м^2, тогда как кремль по-прежнему оставался в пределах 16,4 тыс. м^2. Первый томский острог 1604 г. на Воскресенской горе вскоре был дополнен острогом меж-

ду горой и р. Томью. Например, трижды отступала острожная стена Тобольска.

Можно проследить, как изменялось взаимодействие кремля и острога и как шло их формирование на примерах нескольких крепостей.





Томский город в середине XVII в. Общий вид. Планы 1609 и 1647 гг. Реконструкция автора

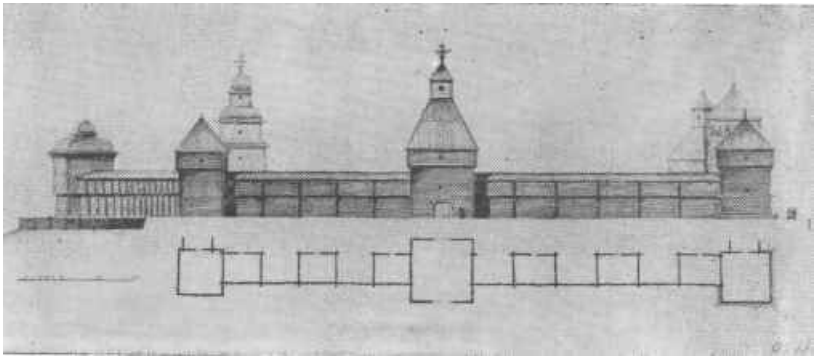
Пелым 1668 г. — пример небольшого по размерам комплекса кремля и острога. В городе нашлось место только воеводскому дому, канцелярии и одному амбару. Его стена «на подобие избяных срубов» имела по углам башни. К крепостице (кремлю) примыкал острог, прясла которого очертили фигуру, близкую к неправильной трапеции. Острожная стена была укреплена башнями и быками. Город и острог погибли при пожаре 1709 г.

В середине XVIII в. Пелым тоже представлял собой сочетание небольшого рубленого города и острога. Город со сторонами 49×60 м имел по

углам четыре башни, две из которых были проездными. Острог, получивший форму вытянутой трапеции, подходил к двум сторонам кремля и включал Рождественскую, Михайло-архангельскую церкви и до 55 дворов. За острожными стенами стояли хлебные амбары и несколько усадеб. В таком виде Пелым изображен и на панораме 1742 г.

Аналогичную систему взаимодействия рубленого города с острогом, но в более крупном масштабе, можно проследить в Тюмени.

Тюменский кремль 1593—1596 гг. имел стены из 106 городней и 8 башен. Он стоял в узкой части мыса, и



Северный фасад Томского города. 1647 г. Реконструкция автора

его стены следовали конфигурации крутых берегов Тюменки и Туры.

Спасская и Егорьевская башни были проездными. Одновременно была поставлена острожная стена вдоль оврага Тюменки и перегорожен мыс, а крутой берег Туры оставлен открытым. Острожная стена имела высоту 3,2 м и с напольной стороны была укреплена четырьмя башнями.

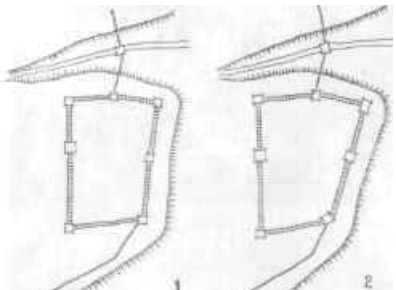
Следующим примером рассматриваемого типа является Томская крепость. Реконструкцию ее облика можно сделать по описи 1627 г. Первый город-кремль из городней был возведен в 1604 г. С одной стороны к нему примыкал посад, который в 1609 г. был обнесен острожной стеной. Она шла по бровкам восточного и западного откосов мыса и расширялась раструбом к северной стороне. В этой стене была поставлена проездная башня. Она находилась на главной улице посада и получила название Воскресенской. От этой башни на запад, где находился второй взвоз на гору, стояла Взвозная, или Бугровая башня, состоявшая из четырех столбов с навешанными между ними воротами, над которыми была устроена открытая площадка для пушек. Таким же образом была сделана и От-

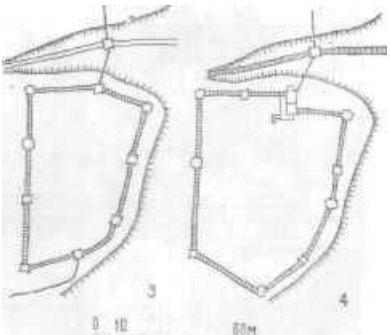
болотная башня. Стена за ней вела к малым острожным воротам, не имевшим башни, рядом стояла восточная угловая башня города.

В 1648 г. воевода Осип Щербатый построил здесь новый рубленый город. Сопоставляя различные документальные материалы — планы 1748 и 1767 гг., сохранившиеся обмерные чертежи его башен и стен и рисунки художников И. Беркхана и И. Люрсениуса, можно представить его вид: неправильный прямоугольник ограничивался стенами из тарас, связанными со второй стеной.

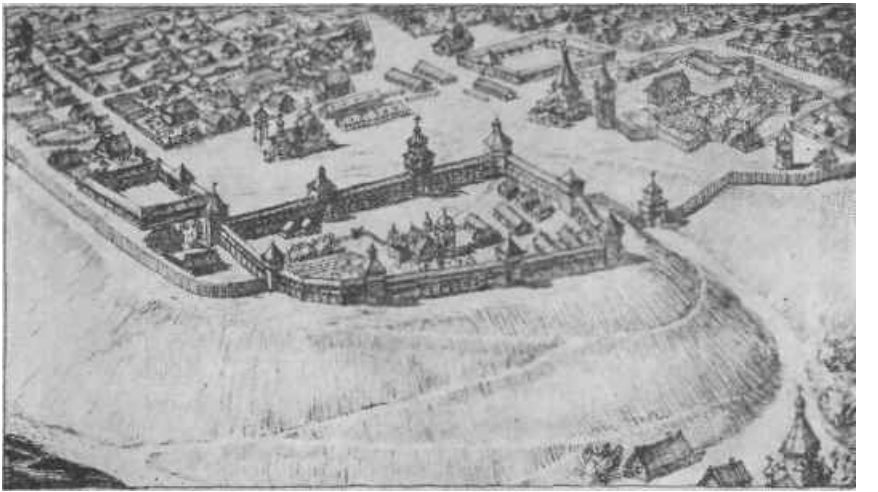
В северной стене, помимо двух угловых, стояла главная — Воскресенская башня. В южной стене под Спасской башней были ворота на взвоз. На юго-восточном углу стояла глухая башня, а на противоположном юго-западном — проездная шестигранная. Башня в середине западной стены выполняла роль колокольни Троицкой церкви. Главные башни Томского города имели высоты: Воскресенская 21,3 м до верха шатра смотровой надстройки, Спасская более 19 м, Шестигранная или Круглая около 17 м.

Обращает на себя внимание конфигурация кровель у Спасской и соседней с ней угловой башен. В отличие





Планы Тобольского города 1606—1609 гг., рис. автора; 2 — по проекту Трубчанинова 1628 г; 3 — то же, 1644 г.; 4 — то же, 1678 г.

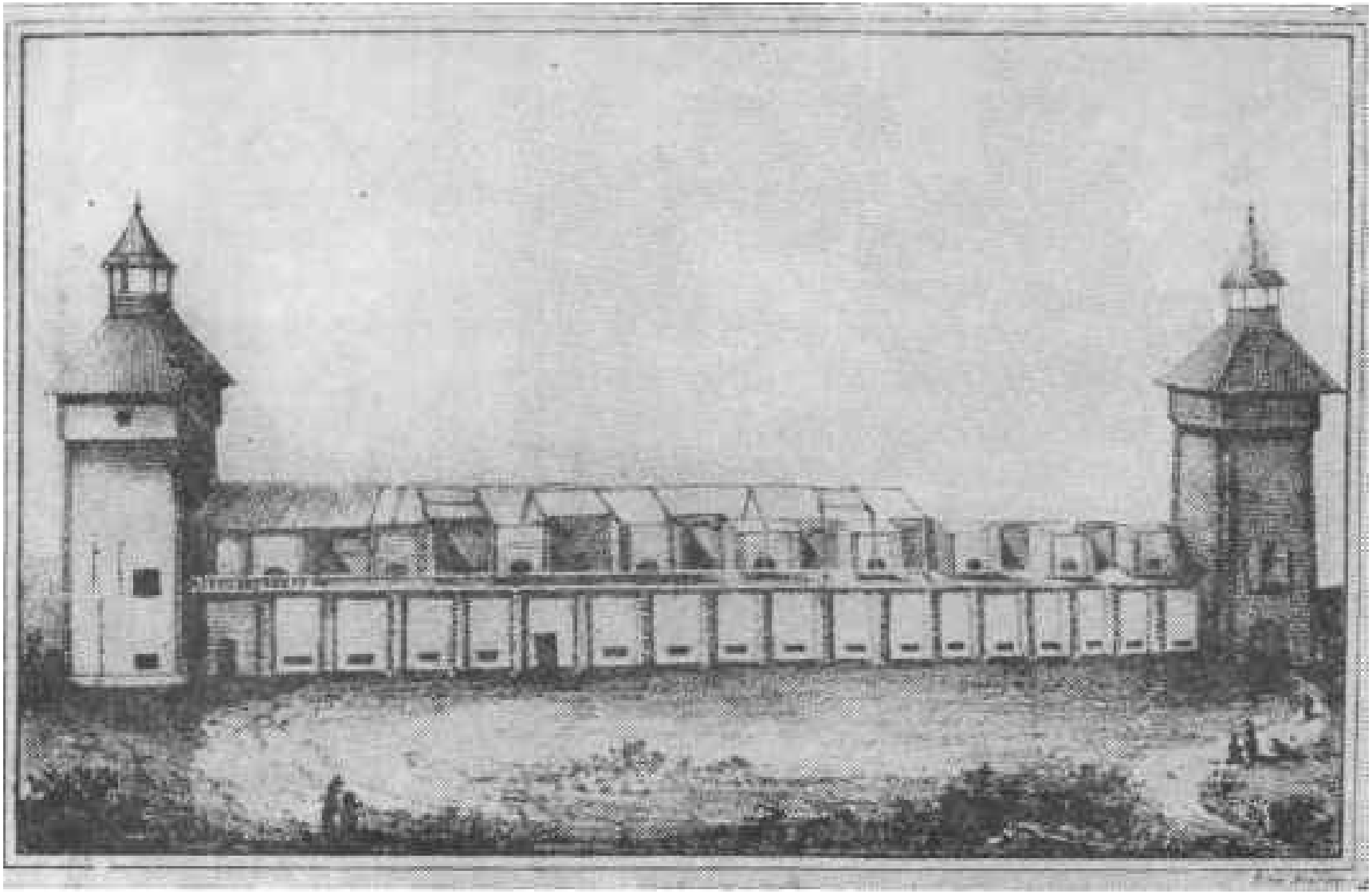


Тобольский город. 1644 г. Реконструкция автора

от остальных они получили криволинейные купола; это единственный пример в архитектуре башен сибирских городов. Шестигранная башня стала сползать, и в 1678 г. ее укре-

пили «обрубами». В целом Томская крепость с ее массивными стенами и башнями, поставленная на мысу высокой горы, несомненно, производила внушительное впечатление и была од-

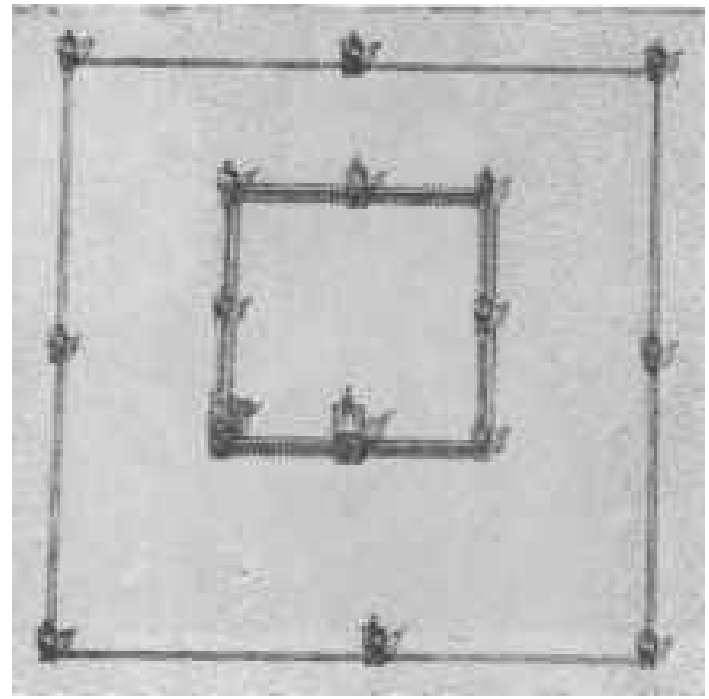
Западная стена Якутского города. Фото начала XX в. АЛО ИА АН

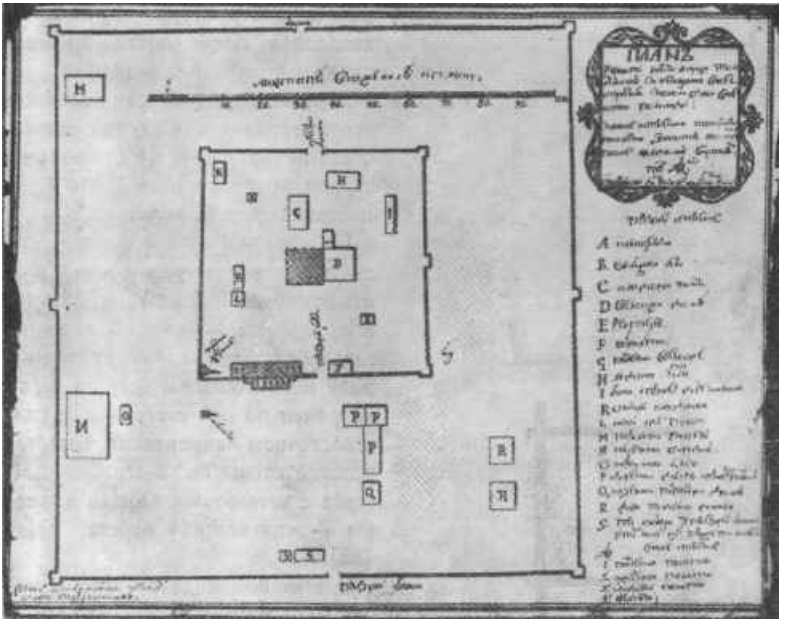


Западная стена Якутского города. Из книги Н. Щукина «Поездка в Якутшо»,

Башня Якутского острога. Фото И. О. Вогона, 1959 г.

Якутский город и острог XVIII в Реконструкция автора





***План Якутского** города. Чертеж 1766 г. А. Турчанинова*

ним из наиболее видных сооружений этого рода в Сибири.

Грандиозным сооружением была шестая по счету Тобольская крепость 1678 г., стоявшая на мысу Иртыша и Курдюмки.

Она представляла собой девятибашенный рубленый город, к которому острог, ограждавший посад, как и в Пелыме, подходил с двух сторон.

Стена, повторявшая своим расположением очертания обрывистого берега, имела многократные изломы, придававшие кремлю живописный характер.

Главная башня кремля имела «от земли до орла 23 сажени с аршином ...и... орел с короною 2 сажени без аршина» [35].

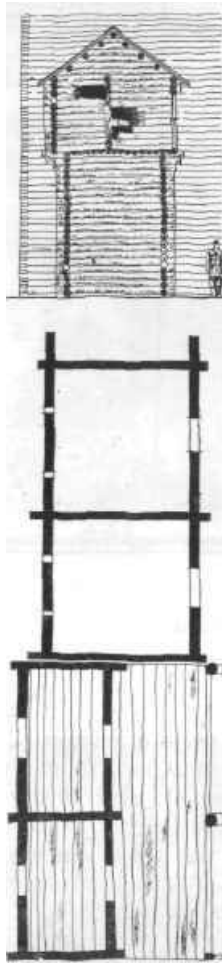
Имеются сведения и о размере стен: «в вышину город с абламом до кров-

ли 3 сажени с аршином». Стена была срублена из толстых шестивершковых бревен. Во всех 10 пряслах было 158 городней, и каждый из них имел два боя в нижнем ярусе и два в абламе. Аблам объединяла боевая галерея на столбах.

Крепость просуществовала всего два года. В пожаре 1680 г. погибли все ее сооружения.

Интерес вызывает другое уникальное сооружение — Якутская крепость, подводящая итог вековой деятельности по строительству сибирских крепостей.

К началу XX в. еще существовала западная стена города с тремя мощными башнями и часть северной стены. Частично сохранившийся памятник и в руинах производит сильное впечатление лаконичностью своих



План и разрез стены Якутского города. Реконструкция автора

форм, ясностью конструктивной мысли и монументальностью облика.

В отличие от других крепостей этого типа острожная стена Якутской крепости обходила рубленый город—кремль со всех сторон, образуя цент-

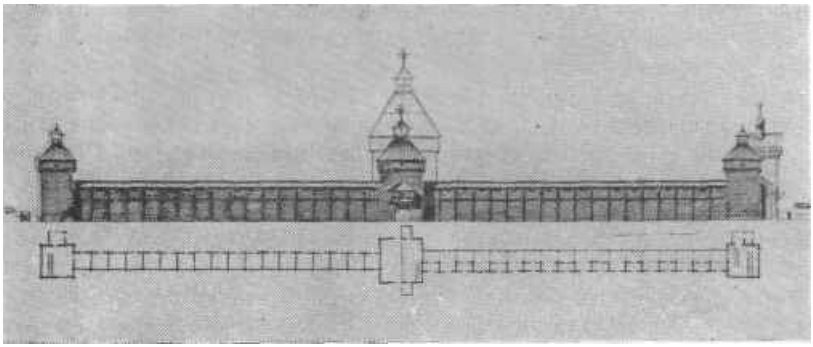
рическую структуру. Кремль представлял в плане почти правильный квадрат с восьмью башнями.

В воеводских описях сообщается, что охватывающая город острожная стена находилась в 40 саженях с трех сторон, а до восточной это расстояние равнялось 60 саженям.

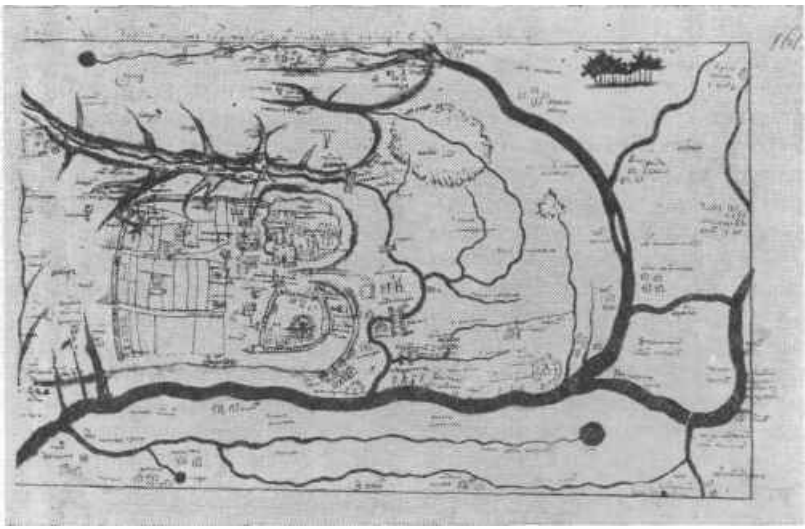
По обмерам 1908 г. видно, что восточная стена острога отстояла от соответствующей стены на 52 сажени, а по другим — на 54,5 сажени. Таким образом, квадрат рубленого города по отношению острога был симметричен по оси север—юг и сдвинут в восточном направлении. Высота острожной стены была «сажень два аршина с четвертью». Общая длина стены — «пятисотная верста 93 саж.» [36].

О внешнем виде острога в известной мере можно судить по острожной башне, подвергшейся в 1910-х годах реконструкции. Кровля в «один тес» с копьевидными окончаниями, а столбики караульного шатрика с резным» поясками с бочками и жгутиками. Сквозь шатер пропущен вертикальный стержень, держащий «орла двоеглавого обитого железом». Эта башня перенесена от острога постройки 1643 г. Привлекает внимание архитектура навесных часовен. Более сложной по формам была восточная. Она покоилась на двухрядных выпусках, в конце врублены обвязка и стойки, поддерживающие верхнюю насадку и двускатную кровлю. Бока часовни наглухо зашиты тесом, а ее лицевую сторону заполняет решетка из балясин.

Сохранившиеся сведения позволяют представить также облик рубленого города-кремля. Сопоставляя данные воеводы Приклонского и донесения Сибирскому приказу 1681 г., а также результаты натурных обмеров в 1829—1830 гг., сделанных Н. Щукиным, можно условно считать длину



Западный фасад Якутского города. Реконструкция автора



План Тобольского города. 1687 г. Из книги Л. Багрова «Атлас Сибири С. Ремезова», 1958.

западной стены равной 138 м. Никаких сведений об остальных стенах не имеется. Можно принять их равной западной, но восточная вполне могла быть и несколько длиннее, потому что главная башня занимала 13 м, в то же время глухие башни в северной и южной стенах, возможно, имели

размеры по 6,4 м. При обмере 1764 г. длина стен показана в 255 саженей.

Городская стена, по «отписке» воеводы, имела ширину 2 сажени, но по всем натурным промерам она составляет только 1,5 сажени, т. е. 3,2 м. Каждое прясло состояло из двух параллельных стен, перерубленных через равные промежутки поперечниками. Для соединения стен с башнями в последних делались вертикальные пазы, а отдельные бревна пропускались сквозь стены башен и закреплялись с внутренней стороны.

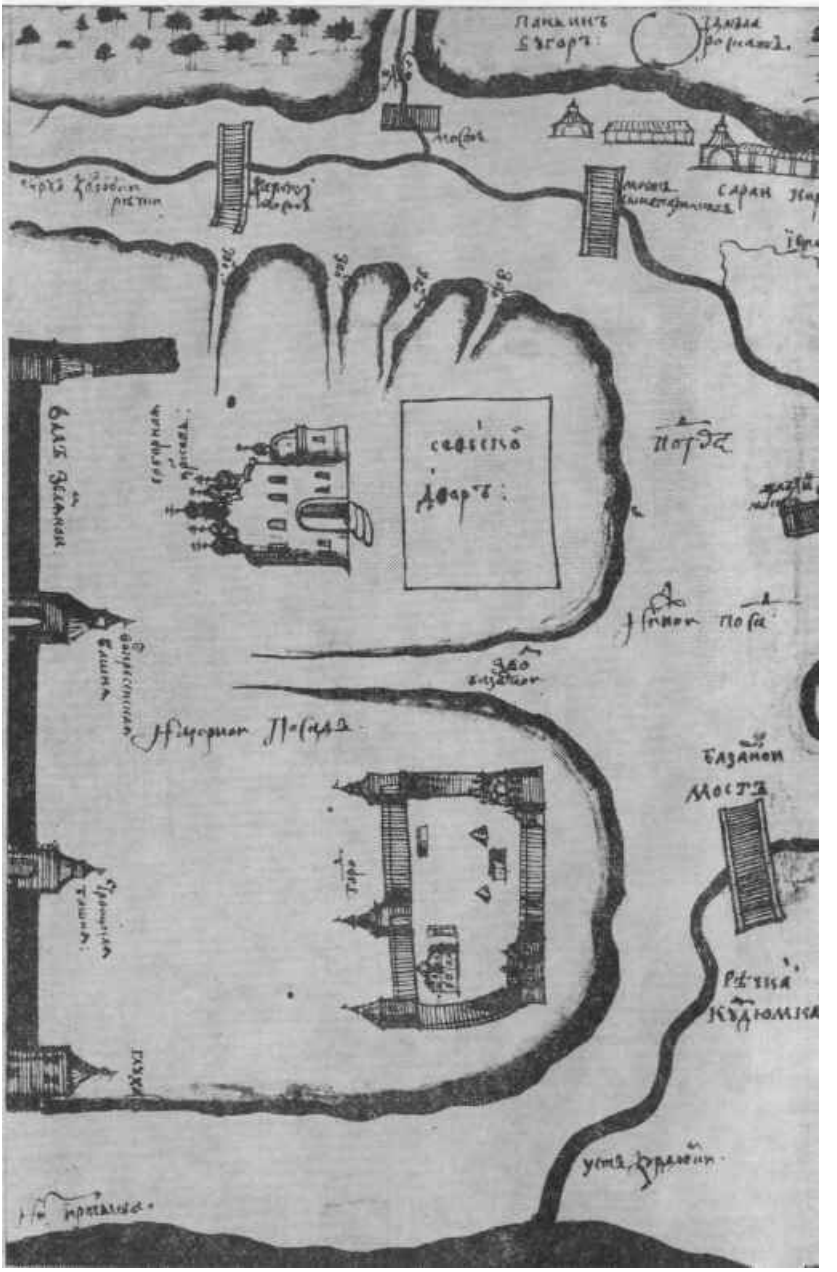
Разнообразны сведения и о высоте стен; есть основания полагать, что она имела высоту 4,3 м, а аблам 2,4 м. Каждая клетка нижней части стен имела два отверстия для ружейной стрельбы. В клетки попадали через квадратный лаз, расположенный выше четвертого ряда нижних бревен, что объясняется желанием не ослаблять конструкцию стен. Верхний ярус имел иное устройство. Его стена отстояла от нижней на 10 см и покоилась на консолях из трех рядов выпусков поперечных стен. Узкая щель аблама была достаточной, чтобы поразить нападающих при подходе к стене. Поперечные стены верхнего яруса были короче нижних, так как связывали клетки шириной 1,4 м. За ними шла открытая галерея, столбы которой покоились на консолях нижних поперечных стен. Боевые клетки верхнего яруса чередовались с нишами, куда можно было попасть, переступив два ряда бревен, связывающих стену по длине. В верхние попадали также через лазы, но здесь они были большей высоты. В клетках и нишах было по два ряда боевых отверстий. Верхние клетки, ниши и галерею объединяла пологая кровля из теса с копьевидным завершением концов досок.

По докладу воеводы Приклонского, башни имели следующие размеры: уг-

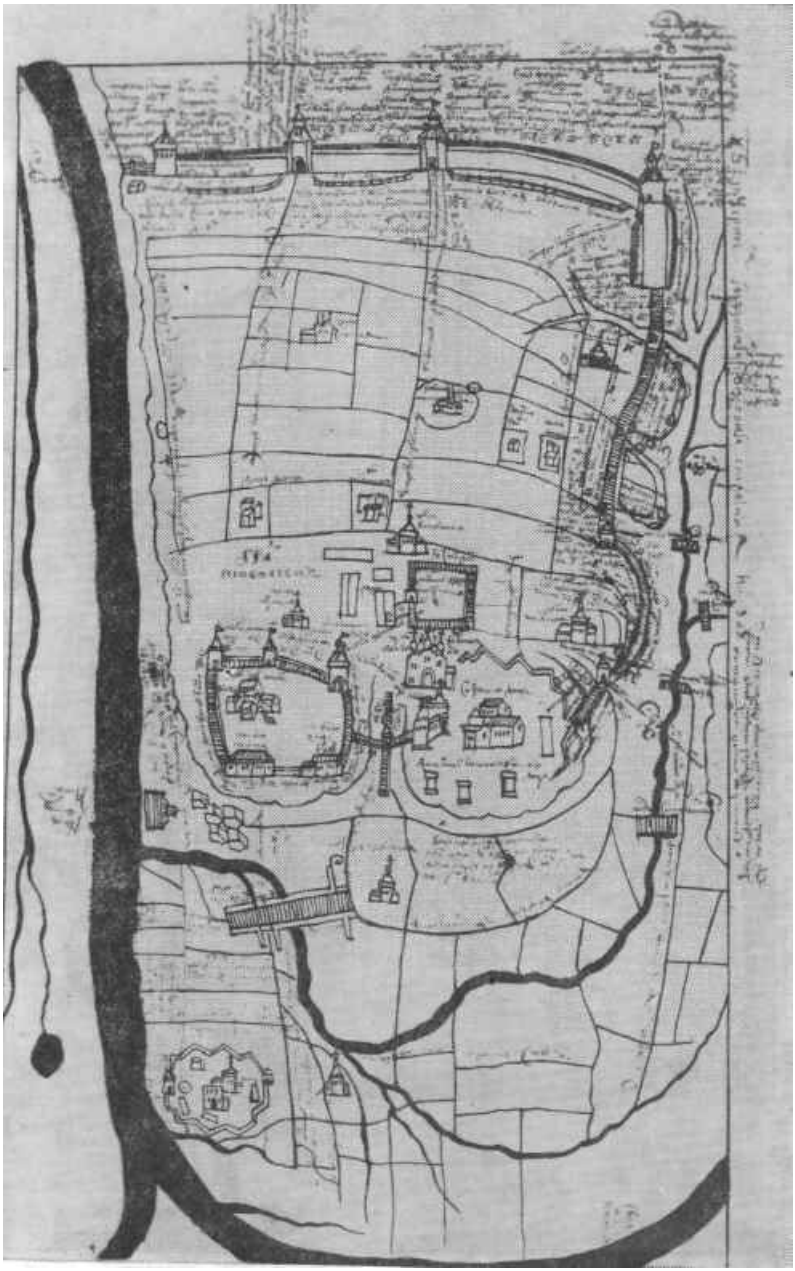
ловые — стороны по 3 сажени, высота 9 саженей; средняя в западной стене — стороны по 4 сажени, высота 12 саженей; главная, восточная — стороны по 6 саженей, высота 14 саженей. Высоты построенных башен западной стены по обмерам 1887 г. составляли 8,16 и 8,52 м до аблама (без учета венцов, осевших в землю). Их шатровые крыши имели наклон около 50° и высоту 3,2 м, а караулки — высоту около 2 м до высокой кровли. По чертежу 1870 г. высота сруба башни равнялась 9,6 м, а по модели 1900 г. — 9,9 м. Последний размер более согласуется с натурой.

Башни в отличие от стен рубились из более крупного леса, несколько нижних венцов — «в обло», вся стена рубилась «в лапу». Для пушек были прорублены круглые отверстия диаметром около 54 см. Башни имели «мосты» на уровне боевого хода галереи стен и в уровне аблама. Кровля из одного ряда теса делалась по конусообразному ряду. Эта конструкция держала и сторожевую надстройку из четырех стоек с верхней и нижней обвязками. О часовнях можно только догадываться по следам врубок. Эти интересные элементы архитектуры Якутского города давно утеряны и не были зафиксированы. Проведенный обзор памятника позволил автору с достаточным основанием составить чертеж реконструкции его западной стены и в какой-то степени восстановить облик выдающегося произведения сибирского военно-инженерного искусства конца XVII в.

Деревоземляные города. Кумарский земляной городок был четырехугольным в плане, состоял из вала и рва, видимо, наполнявшегося водой. Углы городка имели бастионы, а по валу был поставлен двойной полисад с промежуточным пространством, заполненным речной галькой и песком, в городке был вырыт колодец и от не-

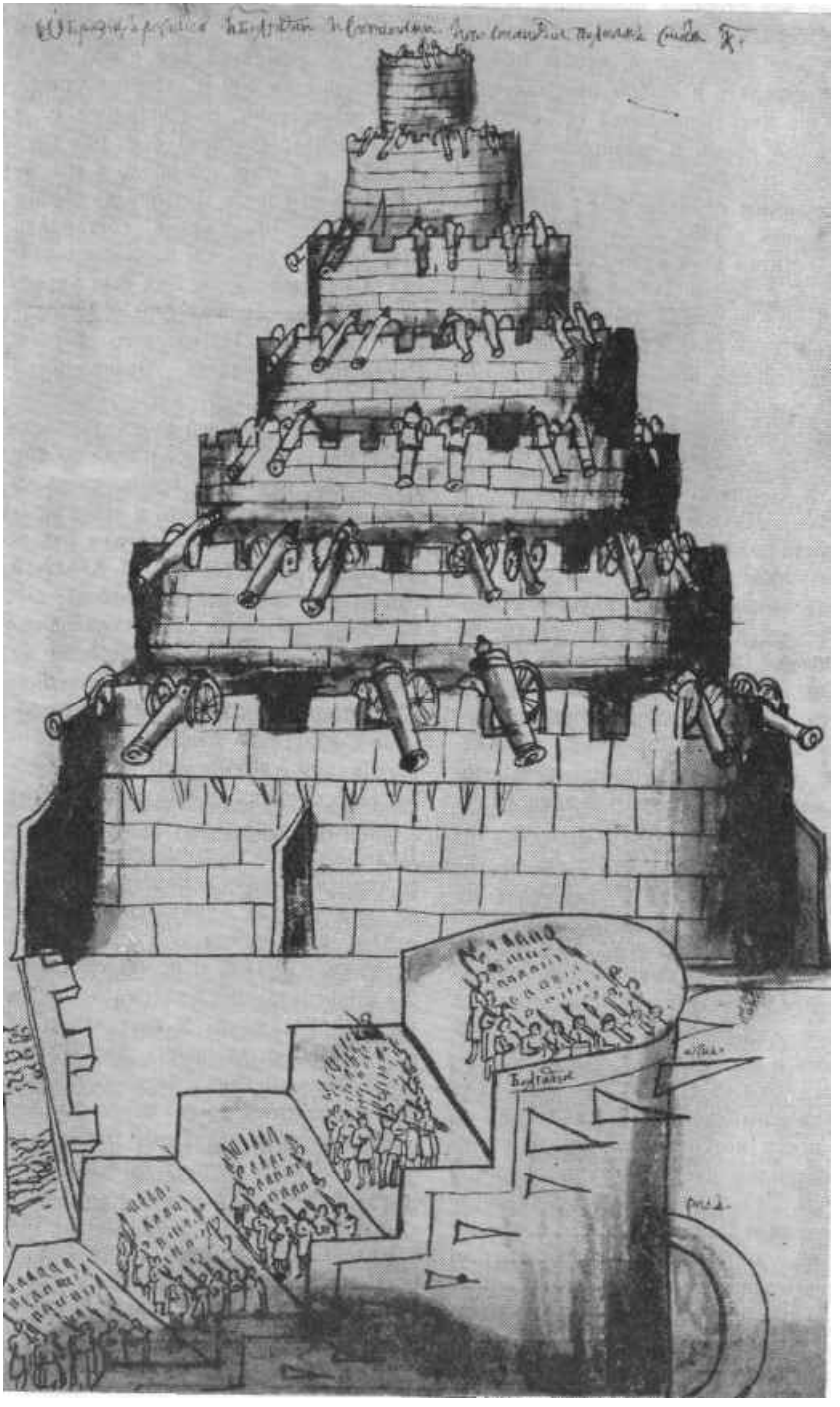


План Тобольского земляного вала. Из книги Л. Багрова «Атлас Сибири С. Ремезова»



План земляного вала в Нижнем посаде Тобольска. Рис. С. У. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

Чертеж раската. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»



го во все стороны проведены желоба. Посредине крепости сделан помост для трех пушек, чтобы можно было стрелять в любом направлении. Там же находился котел со смолой, горевшей ночью и освещавшей подступы к городку.

Земляным городом был и возобновленный в 1683 г. Албазин. Видевший остатки этой крепости в середине XIX в. путешественник сообщает: «...обошел весь вал, облегавший крепость с трех сторон и сохранившийся до настоящего времени. Вал этот обнесен рвом и имеет форму правильного четырехугольника, каждая сторона которого длиною до 60 саж.» [37], что и соответствует рву сгоревшего города. Другой свидетель этого же времени писал: «из идущих четырехугольником земляного вала коего две параллельно с рекою идущие стороны имеют длину 36, а две другие 40 саженей» [38]. Эти размеры близки внутренним габаритам земляной крепости, валы которой, видимо, насыпались на остатки сгоревших деревянных стен. Имеется схематичное изображение Албазинского земляного города, сделанное в 1690 г., но оно очень условно.

О новом вале известно только, что он получил полную высоту 6,4 м при основании 8,5 м. Кроме того, велено было поставить башню для пушек. Больше никаких деревянных построек в крепости не было. Гарнизон размещался в землянках.

В 1668 г. в г. Кузнецке соорудили обложенный дерном вал высотой 2 м, на верху которого стояли насыпанные землею плетеные туры высотой 70 см. Эта линия, дополненная рвом, пересекала «приступную полевую» сторону от горы до Татарского озера; земляные городки с деревянными башнями располагались у подводивших к Кузнецку дорог. Главный городок находился на горе.

Еще более обстоятельный земляной город построили в Тобольске (1688 г.). Земляной вал и ров были проложены на 300 м севернее старой острожной стены. Вал шириной 10 м и высотой (с гребнем) 8 м, ров глубиной 5 м и шириной около 4 м протянулись от берега Иртыша до оврага Курдюмки. Его длина составляла «711 сажен с аршином на осьми вершках и полувершком». Вал был укреплен башнями. Первая стояла неподалеку от кручи Иртышского берега. Затем шли Троицкая, Вознесенская (на главной дороге) и Петропавловская, угловая. За ней новое укрепление поворачивало на юг и шло по яру Курдюмки, где берег пришлось укрепить деревянным ряжем, а стена поднималась и опускалась, следуя рельефу. Здесь, на месте старой Казачьей башни (на одноименном взвозе), была построена новая. Следующая башня, Пермская, также поставлена на месте старой. За ней стена подходила к строящейся каменной ограде вокруг Софийского двора, расположенного рядом с кремлем. В этом же году перегородили деревянной стеной Базарный взвоз и построили башню. Дальше шли острожные стены Малого города. В 1688 г. помимо земляного вала на ярах Курдюмки было возведено «580 сажен и 1 аршин и 3 вершка», или 1236 м новых стен. Вся же оборонительная система тянулась на «1307 саженях 2 аршинах и 11 вершках с полувершком», или 2784 м. Крутой иртышский берег оставался без ограждения, но его откос был укреплен от оползней. Берег подмывали воды Тобола и потому был построен отруб длиной 1278 м.

Земляной город строило по частям население Тобольска, окрестные и дальние монастыри. Работами руководил воевода А. П. Головин. Можно предположить, что его помощником был человек, сведущий в инженерном

искусстве. В связи с этим большой интерес представляет план Тобольска Семена Ремезова. Он не имеет даты, но озаглавлен как чертеж «Городового валового строения». На этом чертеже изображен Верхний посад. Особое внимание уделено земляному валу, где с большой тщательностью проставлены все размеры.

С. Ремезову пришлось составить и другой чертеж земляного вала и тоже для Тобольска. В 1709 г. в связи с военной опасностью воеводам было приказано привести город в состояние обороны, а «Семену Ульяновичу, сыну Ремезова, размерить Нижний посад в сажени веревкою стосаженною не по одному месту, где предстоит быть земляного города вал з башня-

ми и ров учинить по образцу московскому» [39].

Ссылка на московский образец не случайна: в 1707—1708 гг., ожидая Карла XII, так готовили к обороне Кремль и Китай-город, укрепляя их по периметру дополнительными земляными сооружениями.

Проект Ремезова не был осуществлен. К идее строительства земляного города возвращались и позднее. В 1740 г. был составлен проект большой земляной крепости взамен тобольских кремлевских стен, но в 1743 г. перестраивались лишь ветхие деревянные башни внешнего земляного города. С середины XVIII в. все новые сибирские крепости строились только земляными.

Глава 3

КАК РОСЛИ И СТРОИЛИСЬ ГОРОДА

В ранней истории Сибири города были оазисами, разделенными потоками постоянно находившихся в движении кочевых племен.

Медленно и с трудом зарождался сибирский город как хозяйственный организм, способный проявить строительную инициативу. Причиной этого были и частые опустошительные пожары и недостаток средств, поскольку, как уже говорилось, богатые ясачные сборы бесследно уходили из Сибири.

Город рос подобно живому организму — выделением новых клеток. Сохраняя крепость как начальное ядро, он разрастался по общей схеме развития русских городов, обрастал посадами, слободами, монастырями. Застройка города никем не регулировалась.

С некоторой условностью можно

выделить несколько групп городов, тяготеющих друг к другу. Эти группы различны и по числу городов, и по взаимной их удаленности, и по времени основания, и характеру развития. Одновременно росли и отдельные города, не имевшие вблизи городов-соседей.

В Западной Сибири образовались две группы. В бассейне Иртыша возникло **созвездие** самых первых русских городов во главе с **Тобольском** — древней столицей Сибири. Цепь городов образовалась вдоль Оби в ее среднем течении и на ее притоке Томи. На северных территориях стояли Березов и «златокипящая» Мангазея.

На рубеже Западной и Восточной Сибири, на берегах **Енисея,** в его среднем течении выросли Енисейск и Красноярск, ставший южными воротами на восток.

В центральной части Восточной Сибири развивался Якутск — административный и торговый центр.

Группа городов сформировалась на южных приграничных территориях Восточной Сибири — в Прибайкалье и вблизи Амура.

Планы сибирских городов известны только со второй половины XVIII в., но юридическая стабильность границ частновладельческих усадеб и малая подвижность в смене приемов застройки позволяют предположить, что эти города были принципиально такими же и раньше, хотя со временем они несколько увеличились, но не настолько, чтобы приобрести иные планировочные качества. В сибирской глуши еще долго строили как в далекую старину.

ГОРОДА В БАССЕЙНЕ ИРТЫША

Тобольск. Основанный письменным головой Данилой Чулковым, Тобольск с 1590 г. стал главным городом Сибири.

Схема местности Тобольска. Рис. автора

Природная ситуация расположения города необычной своеобразна. Против устья Тобола Иртыш делает крупную петлю. Отойдя от высокого берега и вновь вернувшись к нему, он огибает низкий луг, северная сторона которого представляет откос террасы высотой до 50 м. Откос делится глубокими оврагами на Подчувашский мыс, Панин бугор и Троицкий мыс. Последний очерчен Иртышом и речкой Курдюмкой. Выйдя на луг, Курдюмка ограничивает небольшую серповидную площадку и впадает в Иртыш. Весной 1587 г. здесь был поставлен острог из плах разобранных судов, на которых прибыли казаки, отчего он и назван в летописях Ладейным. Он находился между логом, приспособленным для взвоза, и оврагом Курдюмки. Видимо, одновременно с постройкой острога на левом берегу Иртыша был основан мужской монастырь.

Со времени основания города до конца XVII в. можно выявить несколько этапов формирования Тобольска, когда вследствие многократных и частых пожаров семь раз сменялись деревянные крепости и город отстраиванию заново.

Первый Тобольский острог был временным сооружением. В 1594 г. воеводы Меркурий Щербаков и Михаил Волконский сделали «из суденного леса город весь рубленый и острог поставили небольшой вокруг посада» [40]. Эту постройку в 1600 г. перенесли на другую сторону взвоза к Иртышскому берегу. Туда же перенесли и Троицкую церковь. Более капитальный город на новом месте был сооружен в 1606—1609 гг. воеводой Иваном Кафыровым-Ростовским. В 1610 г. из-за Иртыша на посад был переведен мужской монастырь, и в нем построены Успенская церковь и кельи.

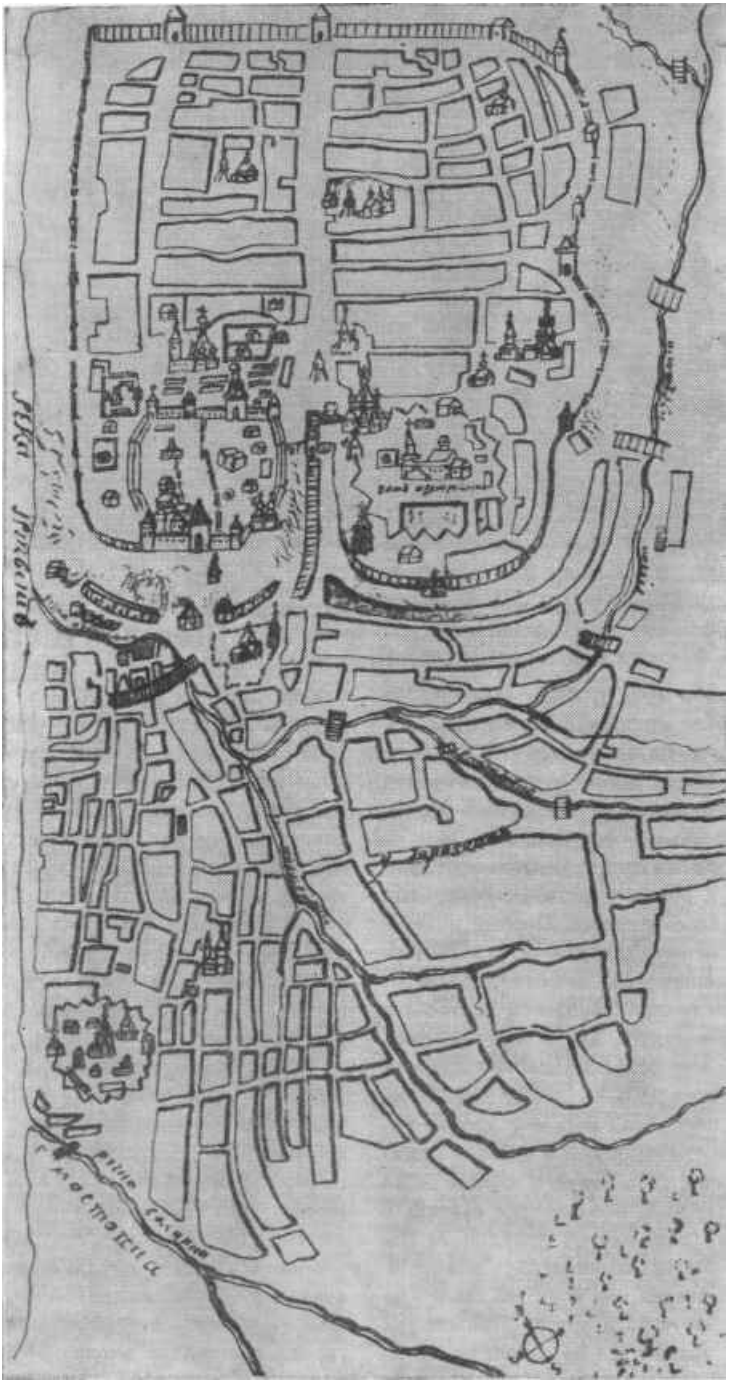
Тобольск в первой половине XVII в. Реконструкция автора
1 — острог; 2, 3, 5, 6 — монастыри; 4 — слободы

Когда в 1621 г. было образовано Сибирское архиепископство, оно обосновалось на месте первого острога, а присланный на кафедру новгородец Киприян поспешил соорудить . здесь Софийскую соборную церковь.

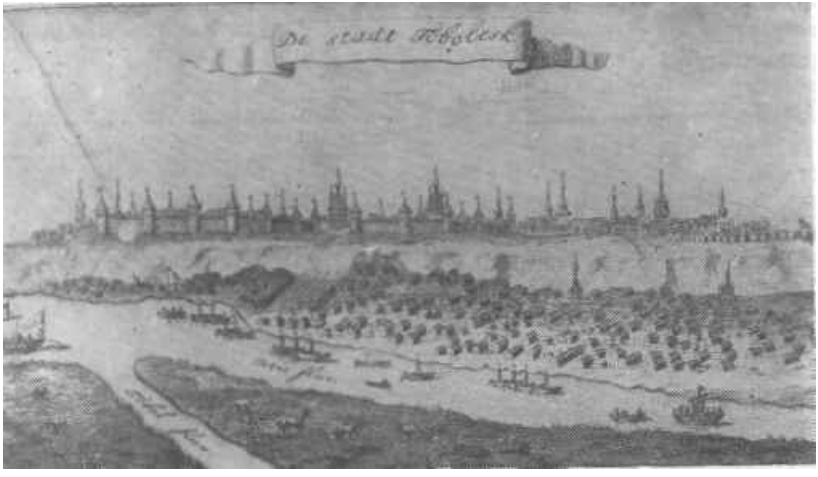
Исторических документов, относящихся к раннему периоду Тобольска, сохранилось немного. Особый интерес представляет Дозорная книга 1624 г., содержащая ряд ценных характеристик состояния городской застройки. Из нее явствует, что в городе (кремле) стояли боярский двор, государева съезжая изба, казенный амбар для ясака, пороховой погреб и другие постройки гражданской и военной администрации. На верхнем посаде был гостиный двор и базар, где русские и бухарцы держали 52 лавки и 23 палатки. Мужской монастырь в 1623 г. был переведен под гору, поставлен на берегу Иртыша в устье Монастырки и стал называться по имени одной из церквей Знаменским. В его построй-

ках на Верхнем посаде был создан девичий монастырь. С переносом в 1600 г. городских стен на другую сторону взвоза туда была переведена и Троицкая церковь, ее поставили на торговой площади. Неподалеку стояла Вознесенская церковь, давшая имя главной улице посада, а в его западной части находились Рождественская и Никольская церкви. Помимо Верхнего, образовался посад и на лугу, где от горы до Курдюмки лежала Русская слобода в 34 двора, посольский или калмыцкий дворы, кузницы, государева торговая баня и около 1624 г. была построена Богоявленская церковь. Через Курдюмку к пристани по болоту шел длинный помост, а у Иртышского берега сложилась слобода, где жили татары и бухарцы.

Тобольск 1624 г. имел 324 двора, не считая из указанных в описи татарских юрт. Через десять лет население города составляло около 3800 человек.



План Тобольска. Около 1672 г. ЦГАДА



Панорама Тобольска. Конец XVII в. Из *книги И. Идеса «Трехлетнее путешествие в Китай», 1710 г.*

Присланному из Москвы в 1627 г. воеводе Михаилу Трубецкому было предложено дать сведения о городских укреплениях. Он писал: «в Тобольске государь город рублен и башни ставлены и крыты издавна, кровли на городе и на башнях мосты сгнили и развалились, да и городовые государь стены подгнили» [41]. То же сообщалось и о стенах острога. Горододел Максим Трубчанинов в 1640 г. составил чертеж и смету на расширение тобольских оборонительных сооружений. Осуществлению проекта помешали владельцы предназначенных к сносу лавок и дворов и в 1643 г. «...велено в Тобольске новый город делать, против прежнего по старому месту, а дома и лавки утеснять и под город ломать не велеть, чтобы тобольским всяким людям оскорбления не было» [42].

Другой этап формирования Тобольска начинается в 1644 г., когда после первого в его истории опустошительного пожара (1643 г.) был заложен

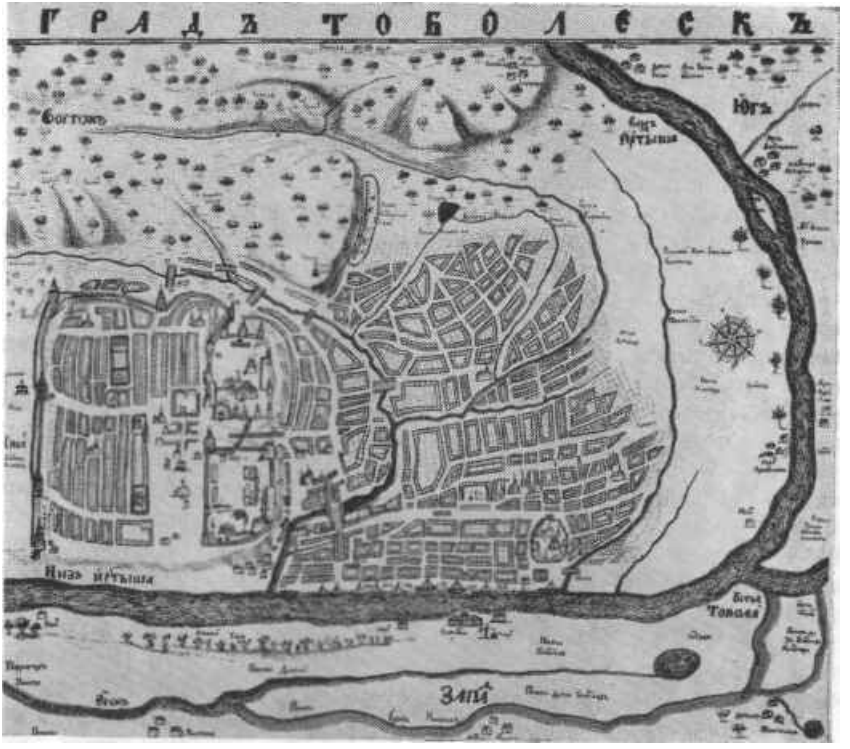
пятый по счету девятибашенный город с мощными стенами общей длиной 470 м.

При пожаре удалось спасти денежную казну, что позволило в 1646—1648 гг. возвести новую Софийскую тринадцатиглавую соборную церковь, архиепископский дом и служебные постройки на Софийском дворе. Посетивший Тобольск в 1666 г. иностранец оставил обстоятельное описание города: «...он строит на угловой вершине высокого берега, подобной высокой горе, над рекою... под горой проложена дорога, поднимаясь которой обходишь наполовину город. Город делится на две части, а именно: одна часть находится на горе, *а* другая у подножия ее, у реки... на верхушке горы, прямо над рекой, находится острог (кремль — В. К.), сделанный только из дерева; он имеет вокруг себя красивую деревянную стену, в которой бревно лежит на бревне, как строят избы; она достаточно высока, на верху ее находится крытая гале-

рея, в которой вырублены бойницы; внизу такой же системы построена стена с камерами, в которых теперь хранится казна;.. она также имеет 9 красивых деревянных башен о восьми углах, крепко построенных, двое ворот, обращенных к городу, и одни к воде. В этом остроге нет других зданий, кроме государственных приказов и канцелярий, двора, в котором живет воевода, и небольшой русской церкви, сделанных из дерева, а также отделанного камнем и похожего на погреб сооружения, в котором хранится амуниция; сверху он покрыт землею и порос травой... В той же части города находится большой монастырь, в котором имеет свое место

пребывания митрополит... Что же касается Нижнего города (Нижний посад — В. К.), лежащего под горою, у реки, то он больше по размерам и, подобно Верхнему, имеет только одну большую улицу, проходящую через него, так же и ряд мелких улиц и узких переулков, так как дома очень тесно стоят друг к другу... около самой воды расположен довольно большой монастырь... Нижний город совсем открыт, как местечко, и населен русскими, бухарцами и татарами» [43].

В 1671 г. на главных улицах Тобольска построили деревянные мостовые и лестницу на Базарном взвозе, соединившую Верхний и Нижний по-



План Тобольска. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

План Тобольска. 1763 г. **ЦГИА**

сады. В следующем году очередной пожар унес Вознесенскую церковь и восточную городскую стену с двумя башнями. Позднее на месте ранее стоявшей угловой восьмиугольной башни была возведена новая церковь, оказавшаяся в системе городской стены и своим фасадом обращенная в сторону Нижнего посада.

Примерно к началу 1670-х годов относится первый из известных планов Тобольска. Он помещен в «Сибирской летописи» Ивана Черепанова.

К этому времени Тобольск стал уже значительным городом. Верхний посад был обнесен стеной, укрепленной башнями, восточнее взвоза находился Софийский двор. Между его оградой и

План Тобольска начала XVIII в. Реконструкция автора

План *Нагорной части Тобольска. Начало XVIII в. ЦГАДА*

острожной стеной, следовавшей по бровке обрыва, располагались жилые кварталы. Здесь же по мысу возвышалась Набатная башня. По другую сторону взвоза стоял город-кремль из рубленых стен. Между его западной стеной и острогом помещались пороховой погреб, таможенный и питейный дворы, на склоне откоса — часовня «Ермаков крест». Севернее острога между берегом Иртыша и Базарным взвозом тянулась рыночная площадь, на северной стороне которой находились воеводский и дьячий дворы и тюрьма. Через Верхний посад

от взвоза на север шла большая Воскресенская улица, на которой стоял Девичий монастырь. Помимо Базарного на Верхний посад со стороны Курдюмки вели еще два пологих взвоза — Пермский и Казачий. У подножья горы до Курдюмки, помимо жилых кварталов, находился базар с торговыми рядами, винный подвал, а ближе к Иртышу стояли хлебные и соляные амбары. От базара через Курдюмку шел большой мост, вдоль которого велась торговля, и неподалеку стояла торговая баня. Затем тянулись улицы, заселенные татарами,

Панорама Тобольска. Гравюра 1770-х годов

а на берегу Иртыша располагалась пристань. От моста в южном направлении большая улица вела к Знаменскому монастырю.

Едва оправившись от прежних пожаров, Тобольск вновь сгорел 29 мая 1677 г. Во время грозы молния зажгла шатры церквей Знаменского монастыря, а на горе — Троицкой, Воскресенской и Никольской церквей. Огонь перешел и на город-кремль. В нем сгорели боярский дом, две приказные палаты, Соборная церковь и постройки Софийского двора. Выгорели три улицы Верхнего посада между Николаевской церковью и Казачьим взвозом. Погиб и посадский острог с двумя башнями.

Весной 1678 г. воеводе Петру Шереметеву велено было «город Тобольск делать деревянный или вместо города острог», и впервые сообщалось решение Сибирского приказа «...впредь город (кремль — В. К.) Тобольск делать каменный...» [44]. Однако мечта о каменном кремле осуществилась только спустя два десятилетия.

В 1678 г. был поставлен шестой по счету Тобольский город-кремль с мощными стенами, девятью башнями и встроенной в стену Вознесенской

церковью. Одновременно была поставлена и новая острожная стена Верхнего посада. Только что отстроенный девятибашенный город погиб в пожаре 7 августа 1680 г.

С того времени в Тобольске начинается каменное строительство: в 1681—1684 гг. была построена большая каменная Успенская или Софийская соборная церковь, и началось сооружение каменных стен Софийского двора. В начале XVIII в. было, наконец, осуществлено строительство каменного кремля — седьмой крепости в истории города.

Остерегаясь пожаров, острог, прикрывавший Тобольск с полевой стороны, в 1688 г. был заменен земляным валом и рвом, прошедшими на 300 м севернее старой стены. Позднее, после пожара 1701 г., Петр I приказал «улицы сделать и размеривать прямы, чтоб двумя телегами возможно было разъезжаться свободно» [45]. Татарскую слободу, виновницу уже не одного пожара, велено было убрать из центра города, но указ остался без последствий.

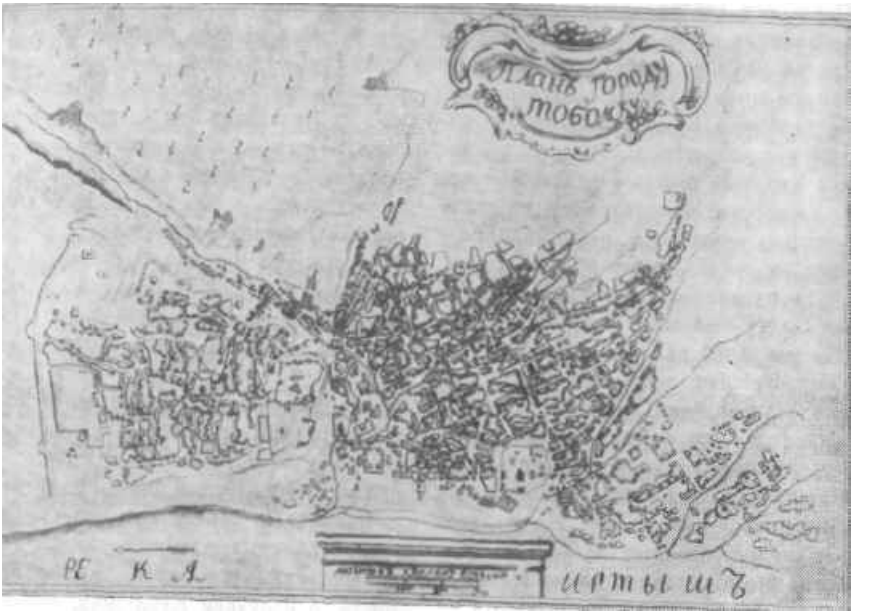
Если не сохранились материалы для суждения об архитектурном облике Тобольска рубежа XVII—XVIII вв., то все же имеются данные для рекон-

струкции его плана того времени. В графическом наследии Ремезова есть несколько промеров территории Тобольска. Первый из них сделан в 1698 г. и послужил основанием для составления плана Тобольска 1701 г. Однако реконструировать план Тобольска можно только при сопоставлении чертежа 1701 г., с чертежом 1763 г., сделанным военными

топографами и отличающимся большой деталировкой и крупным масштабом. Сопоставление этих чертежей и привлечение других графических и письменных источников позволило составить план города начала XVIII в.

К середине XVIII в. сеть улиц в Тобольске оставалась такой же, что и в начале века. Центральным ядром Тобольска по-прежнему оставались Ма-

План Тобольска. 1763 г. Василий Шапошников. ЦГВИА



План *Тобольска 1760-х годов.* **ЦГАДА**

лый город и расположенный рядом каменный Софийский двор. Перед северной стеной города на площади стояла построенная в 1691—1694 гг. каменная Троицкая церковь, а дальше начинался посад. На восточной стороне площади располагался замкнутый прямоугольник Гостиного двора (45х68 м). Перед ним тянулись мясные и рыбные ряды. Здесь же стояли дома Стрелецкого, Пехотного и Казачьего приказов и богадельня, а на берегу Иртыша стояла кузница. Рядом с Гостиным двором находилась Воскресенская церковь, как и Троицкая, давшая имя начинающимся от них улицам. Но даже эти большие проезжие улицы имели ширину всего 5 и 4 сажени. В продольном направлении на Верхнем посаде были еще Вуренинская, Петропавловская (переходящая в Никольскую), а по берегу Иртыша Яровая улицы. Длина последней от стен Малого города до ме-

ста старой острожной стены (782 м) определила и длину посада. Эти улицы пересекались поперечными: Софийской, Слободинной, Зубчанинова, Сметанина, Юрова, Тутолмина, Барабирщикова, Шемелина, Подувальной, Острожной, Пименова, Коломыльцева, Ульяна Ремезова, Кобылянской, Закорюкиной, Дашкова и др. В Верхнем посаде, помимо Троицкой и Воскресенской, находились еще Спасская церковь, Девичий монастырь с Рождественской или Ильинской церквями, Петропавловская и Никольская церкви. За монастырем стояла тюрьма, переведенная сюда с Базарной площади.

Береговая сторона Верхнего посада к началу XVIII в. уже не имела острожной стены, но она еще сохранилась на восточной границе города, вдоль Курдюмки. Эта стена начиналась от Красной башни Софийского двора, спускалась по склону оврага

Пермского взвоза к башне того же названия и затем вновь поднималась наверх. Дальше она следовала вдоль кромки мыса (на котором теперь стоит памятник Ермаку) и, огибая жилую застройку, подходила к проездной Казачьей башне. Недалеко от нее были ворота Малоказачьего взвоза и калитка, ведущая к небольшой слободе за пределами острожной стены. Стена заканчивалась глухой башней на берегу большого оврага. Затем шел земляной вал, укрепленный башнями. Нижняя часть Тобольска не имела укреплений. Посад, зародившийся под горой, вскоре перешел за Курдюмку и, ограниченный на западе Иртышом, а на востоке Паниным бугром, устремился на юг. Но и здесь встретилось препятствие — Козье болото. Это определило длину Нижнего посада — от горы до болота — 1214 м. Там с юга на север текли небольшие речки. Сабунов исток, переходивший в Ключевку, питался водой небольшого Тулицкого озера. Более крупная Тырковка вытекала из оврага, отделявшего Панин бугор от Подчувашского мыса, и имела притоки Пилигримку и Луговую. Еще была речка Монастырка с притоком Солянкой.

Сложная географическая ситуация привела к системе улиц, подчиненных направлениям рек и мостовых переходов, и к м'елким кварталам с неправильной конфигурацией. Основными улицами Нижнего посада были Захребетная, Немчинова, Кожевникова, Архангельская по р. Луговой, Толбузина и Березовская по р. Желизинке, а также Благовещенская, Панова, Береговая, Юртовская, Ремезова и Большая Знаменская. Последняя шла параллельно Иртышу и Монастырке к мосту через Курдюмку, а за мостом до Базарного взвоза была короткая Московская улица и много безымянных улиц я переулков, о которых сам

Ремезов замечает, что «невместимости ради их описать невозможно».

Между Иртышом и Знаменской улицей у устья Курдюмки расположилась Бухарская или Татарская слобода, между ней и монастырем — слобода русских людей, а у Панина бугра находились земли Софийского двора, где Ремезов организовал кирпичное производство для будущего «каменного города». В Нижний посад были вкраплены Зелейный двор (Пороховой завод) и Кузнечный двор. Под горой, около моста через Курдюмку, сложился торговый центр, где у откоса горы стояли кабак, пивоварня, купеческие амбары, харчевня, а против Богородицкой церкви находился рынок. На берегу Иртыша стояла группа соляных, хлебных, винных государственных амбаров, а севернее моста, в излучине Курдюмки, стояла торговая баня. На Нижнем посаде, помимо Богородицкой, были еще Благовещенская и Архангельская церкви.

В 1700 г. по указу Петра I в Тобольске должен был быть создан «завод для делания фузий и мушкетов». Присланных из Москвы мастеров поселили за Монастыркой. Там же обосновались и ямщики. Складывались Ямская и Бронная слободы с главной Пиляцкой улицей. Завод собирались окружить рвом и валом с башнями «дабы заводские изделия не переходили бы в руки частные, особенно инородческие» [46]. Но тобольские власти решили его построить ближе к центру города, для чего была сломана часть Бухарской слободы.

В 1736 г. в Тобольске было 3105 дворов, в том числе 928 татарских. Город имел 30 улиц и переулков, всего в нем жило около 23 000 человек Татары и бухарцы жили отдельной слободой.

В 1757 г. Тобольск постигло новое бедствие — пожар унес 817 домов. На месте сгоревших лавок и 24 юрт

Татарской слободы был построен большой деревянный гостиный двор, окруживший торговую площадь.

В 1766 г. был составлен план города с показанием мест, разрушенных пожаром, и проектом новой застройки Тобольска. Он не найден, но сохранились четыре близких по времени чертежа — первый датирован 1763 г. и подписан сержантом Василием Шапошниковым; второй, более реальный, по-деловому показывает застройку города этого времени; третий в сильно уменьшенной копии приложен к рукописи И. Черепанова; четвертый 1775 г. содержит также панораму кремля.

Это последние чертежи «нерегулярного» Тобольска. По ним вырисовывается город, не только превосходящий другие в силу своих значительных размеров, но и более сложный по структуре, включивший два посада со многими слободами.

Расположение Тобольска на высоком мысу, где стоял кремль с верхним посадом, и одновременное распространение застройки Нижнего посада в низине способствовали образованию двухчастной структуры города, с одной стороны, и, с другой, подчеркивали господство архитектуры кремля в панораме города благодаря его положению между двумя посадами на самых высоких отметках рельефа.

Тара. Тара, основанная в 1554 г., к первой четверти XVIII в., стала третьим по величине сибирским городом. Через нее проходила торговая дорога из Тобольска на Томск и Кяхту, тарские купцы принимали участие в русско-китайской торговле.

В версте от низкого берега Иртыша, где начиналась повышенная терраса, слабовыраженным мысом подходившая к р. Аркарке и прикрывавшаяся с тыла большим топким боло-

Тара. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

Панорама Тары. 1707 г. Рис. М. Безовлева. ЦГАВМФ

том, воевода Андрей Елецкий поставил крепость, которая состояла из собственно города-кремля со сторонами примерно 90 м и острога с общей длиной стен 746 м. Город имел стену из 116 городней и пяти башен, одна из которых — Спасская с въездными воротами — стояла в западной стене на дороге в Тобольск. Кроме того, к р. Аркарке и Иртышской пристани выходили «водяные ворота». В городе поставили воеводский дом, съезжую избу, житницы и амбар для ясака. Помимо казенных построек, в городе отводились места командному составу, попам, пушкарям и стрельцам, но с тем, чтобы их огороды были бы в остроге и там же «летом есть варить» (т. е. летом не разрешалось топить печи, за исключением воеводских, и то при условии, что «поварня будет в земле»). Острог предназначался для казаков и служивых татар.

В 1624 г. в Таре было 263 Двора и около 1300 человек жителей. Для торговли с кочевниками был устроен гостиный двор, *а* на берегу Аркарки сложилась Бухарская слобода. Город погиб в пожаре 1669 г., когда сгорело 380 дворов в остроге, 65 русских, 163 бухарских и татарских дворов под горою, Спасская и Пятницкая церкви и кремль со всеми казенными постройками. Сообщая о пожаре, вое-

вода писал: «дворы были тесны гораздо и улицы были узки», а так как «жилецкие люди, каких в остроге были дворы» хотят селиться по тем же своим старым дворовым местам, предупреждал, что если они так поступят, то «Тарскому городу впредь от пожарного времени будет худо» и просил указания более свободно расставлять новые дома [47]. Многие напуганные пожаром жители уехали в деревни. Город восстанавливался медленно. В 1672—1680 гг. строили острожную стену, затем просили «о строении после пожарного времени города Тары» [48], но возведена была только одна стена с полевой стороны.

Тара конца XVII в. изображена у Ремезова; имеется и ее описание 1701 г., где город назван рубленым. Тогда он имел одну проездную башню. На север от нее, на углу, стояли Вестовая башня, а в северной стене — башня с «водяными воротами». О трех угловых башнях ничего не сказано. Внешний острог состоял из тына с Борисоглебской проездной и Раскатной башнями. Около первой на Тобольской дороге была тюрьма, у городских ворот — часовня Сергия Радонежского, в южной части посада находилась Спасская церковь с мужским монастырем, а от города на во-

сток — церковь Параскевы Пятницы с женским монастырем. Внешняя стена была обведена рвом, валом и надолбами. В самом городе стояли Успенская соборная церковь, приказная изба, воеводский дом «со всякими строениями» и пороховой погреб. От «водяных ворот» через Аркарку был построен рубленый мост.

К началу XVIII в. разросшийся посад перешагнул через острожные стены, а в 1706—1713 гг. был окружен земляным валом, рвом и двойными надолбами. Имеется чертеж Тары, который можно отнести к 1707—1709 гг., подписанный Михаилом Бузоклевым. Судя по тому, с какой тщательностью изображены надолбы и ров, можно предположить, что их строил тот, кто составлял чертеж.

Насколько можно судить по этому плану, для Тары были характерны обвод «квадрата» собственно крепости-кремля с трех сторон острожной стеной в виде неправильного эллипса, вытянутого вдоль русла реки, тогда как земляной вал, в свою очередь, как бы повторяя очертания эллипса, ограждал территорию посада, расположенного между острогом и рвом. Все это подчеркивало обращенность и «раскрытость» плана города к пойме реки.

В 1709 г. Тара вновь выгорела. В пожаре 21 августа погибло 380 дворов в остроге, 200 за его пределами, а под «горою» 23 татарские юрты. Сгорели городские стены, Спасская, Никольская и Пятницкая церкви. Но через десять лет Тара вновь имела крепкий тын и деревянные башни. Внешнюю острожную стену заменили рвом и валом, а стены Малого города сделаны осторожно с одной проезжей башней. В 1749 г. в Таре жило около 1300 человек, т. е. столько же, сколько и в 1634 г. Два грандиозных пожара затормозили рост города.

Тара 1734 г. изображена на пано-

раме художника Баркхана и сделанной с нее гравюре, а также на плане 1748 г., где военный инженер Сергей Плаутин изобразил и новые городские и острожные башни. Внешняя стена, продолженная до берега Иртыша, прикрывает дотянувшуюся до него Татарскую слободу. На месте старого кремля огорожено пространство примерно 85Х85 м, где береговая стена заменена зданиями воеводской канцелярии, Успенской и другой, еще строящейся церквей. Более поздние сведения говорят о некотором росте города. Если в 1760 г. там жило 1529 человек, то через три года стало 2250 жителей. Тара сохранила указанные особенности плана, обусловленные очертаниями рва. В то же время особенно выявились проложенные вдоль реки дороги, а также ведущие извне к кремлю, вдоль которых складывалась застройка.

В целом план Тары — пример нерегулярной планировки города, когда сеть различно проложенных дорог в значительной части ориентируется на крепость.

Тюмень. Первое известие о городе относится к 1593 г., когда воеводы Юрий Булгаков и Богдан Васильев «возвели подле реки Туры, на устье Тюменки речки городовое и башенное строение» [49]. Ранее, 29 июня 1586 г., здесь был поставлен острог. Рубленый город строился несколько сезонов — известно, что и в 1596 г. воевода Григорий Долгорукий выплачивал деньги за «городское дело». Одновременно была поставлена острожная стена, окружавшая небольшой посад, где жили служивые люди и 26 пашенных крестьян. В кремле, огражденном рублеными стенами с восемью башнями, размещались Рождественская и Никольская церкви, съезжая изба, 10 торговых хлебных житниц, соляной амбар, винный погреб, амбар для казны, две караульные избы, ого-

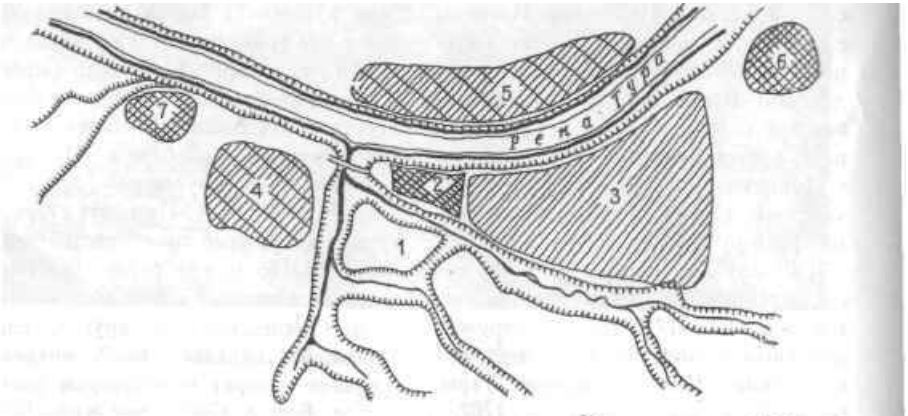
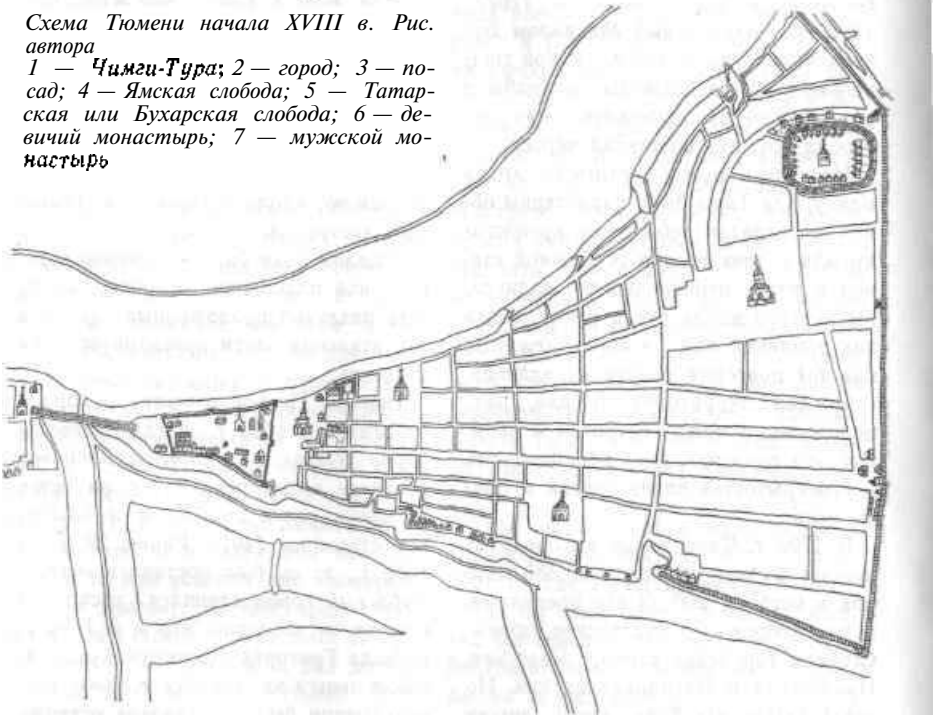


Схема Тюмени начала XVIII в. Рис. автора
1 — Чимги-Тура; 2 — город; 3 — посад; 4 — Ямская слобода; 5 — Татарская или Бухарская слобода; 6 — девичий монастырь; 7 — мужской монастырь



План Тюмени конца XVIII в. Из книги «Тюмень в XVII столетии», 1903 г.

рожденная отдельным тыном тюрьма, дворы — воеводский и для приезжающего архиепископа и семь обывательских.

Новой группой в составе тюменского населения стали ямщики. Вначале их поселили в самом городе, но так

как пашни находились за Тюменкой, туда стали переносить и дома, и с 1605 г. там образовалась Ямская слобода. Кроме того, в связи с развитием торговых отношений за р. Турой образовалась Татаро-бухарская слобода.

В 1616 г. рядом с Ямской слобо-

дой, на мысу поймы р. Бабарынки, был заложен мужской монастырь. Он состоял из нескольких зданий, но до 1622 г. не имел своей церкви. Примерно в эти же годы на берегу Туры, юго-восточнее острога, был основан Девичий монастырь с Ильинской церковью.

Таким образом, в начале XVII в. в Тюмени сложилась структура, обычная для русского города: собственно город или кремль, посад, слободы и монастыри, прикрывавшие подступы к городу. Это был уже достаточно населенный город. Его посаду принадлежало 570 дворов, и около 50 из них находилось вне стен острога. Население Тюмени начала XVII в. составляло 1600—1700 человек.

В 1630 г. воевода Прон Измайлов получил указ о починке пришедших в ветхость тюменских укреплений. Особенно беспокоило состояние острога, имевшего стены только по Тюменке и с «напольной» стороны, берег Туры не имел стены. Измайлов построил новую острожную стену по Туре и на двух взвозах поставил проезжие башни. Впервые Тюмень получила замкнутую линию внешних оборонительных сооружений.

Осенью 1635 г. в Тюмень прибыли 500 стрельцов. Они построили себе жилища, и посад распространился за стены старого острога.

Новые меры к укреплению города предпринял в 1640—1642 гг. воевода князь Григорий Барятинский. Впервые острожной стеной были обнесены слободы за Турой, Татарская и недавно возникшая слобода русских кожевников. Был построен рубленый кремль. Стремясь занять побольше места, его приблизили к обрывам Туры и Тюменки, но вскоре все стены осели и стали разрушаться. В 1661 г. стрелецкий голова Самуил Блудов и подъячий Алексей Столбов составили

проект капитальной перестройки тюменского кремля.

В 1668 г. сгорел внешний острог. Стену поставили заново и расширили. Сюда перенесли из кремля Спасскую башню, а в городе построили новую с четырехъярусной колокольней для соседней церкви. Новая стена, поставленная примерно в 400 м от старой, оградила только наиболее опасные места; достаточно крутой берег Тюменки был оставлен без полисада на протяжении 730 м. В новый острог оказались включенными Девичий монастырь и стоявшие за ним жилые дворы.

В 1687 г. в остроге возник пожар. Огонь перекинулся на кремль. Принявшие Тюмень в пожарный год воевода князь Алексей Головин и стольник Никифор Колобов вынуждены были наспех заменить сгоревшие городские рубленые стены острожными. На базарной площади были возобновлены таможенная изба «на амбарах», гостиный двор «на погребах» и «с верхним жильем», кружечный двор, винный погреб, богадельня и Спасская церковь. В том же году на берегу Туры было отведено место для Софийского двора, где останавливалось приезжавшее из Тобольска духовенство. В следующем году к застройке торговой площади добавлен ряд лавок «лицом на торг и на площадь» [50].

В начале октября 1695 г. в пожаре погибли митрополичий, или Софийский двор, Девичий монастырь и приходские церкви — Спасская, Троицкая и Архангельская. На площади сгорели лавки, таможенная изба, кружечный двор, богадельня и 604 двора. В Тюмени этого времени жило около 2750 человек.

Сибирский приказ, видимо, понял необходимость строительства казенных зданий из огнестойких материалов — разрабатывался проект камен-

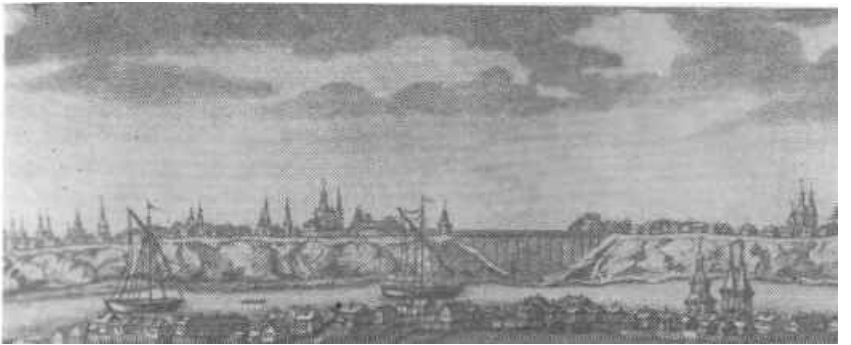
Тюмень. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

ного кремля, но построена была только Благовещенская церковь.

В июле 1705 г. вновь сгорели 729 дворов (осталось 47), острожная стена со Спасской и Знаменской башнями, Девичий монастырь, все церкви и митрополичий двор. На Базарной площади погибли лавки, кружечный цвор, таможенная изба и богадельня и их, как писалось, «отстоять было невозможно потому, что те лавки и

таможенная изба с дворами градских жителей построены были смежно, а на оных оброчных лавках сделаны были избы жилые большие» [51]. Острожные стены кремля в пожаре не пострадали. В 1709 г. воевода Д. Копьев поставил новую острожную стену с полевой стороны.

Любопытную запись о послепожарном городе оставил в 1719 г. путешественник-иностранец: «Город Тю-



Панорама Тюмени. Гравюра Н. Саблина 1770 г. по рис. И. Люрсенциса 1742 г.

мень собою красив и весьма изрядно укреплен. Улицы в нем широки, и домы строены по прямой черте» [52].

Свидетельство необычной для городов того времени регулярности заставляет внимательно присмотреться к наиболее раннему из сохранившихся планов города 1696 г. Составителем его мог быть известный тюменский «иконник» того времени Максим Федорович Стрекаловский. К рубежу XVII—XVIII вв. относится и изображение Тюмени Семена Ремезова.

Значительным для города событием было сооружение в 1728 г. нового моста через р. Тюменку. Старый, существовавший со времени образования Ямской слободы и монастыря, пересекал овраг в глубокой седловине, создавая крутые спуски и подъемы. Это неудобство было ликвидировано постройкой нового моста (с высотой около 20 м, шириной 10 м, длиной 176 м). Грандиозное по тому времени сооружение состояло из обрубов, оставлявших отверстия для пропуска воды.

В 1731 г. в Тюмени построили новый полисад внешнего острога.

Из подробного описания Тюмени в 1741 г. известно, что в то время периметр стен кремля («городской острог») составлял 547 м. От него по берегу Тюменки до внешней острожной стены было 1172 м.

В кремле по-прежнему находилось несколько административных зданий, амбары, а юго-восточный угол занимала каменная Благовещенская церковь. На посаде с 1724 г. существовала таможня и 9 кабаков, гостиный двор, 6 приходских церквей и другие общественные постройки. К этому времени в Тюмени проживало уже примерно 4160 человек. Всего в ней было 982 двора, из них 593 в остроге, 247 в Ямской слободе, 142 двора в слободе за Турой.

Как очевидно из плана Тюмени конца XVIII в., общие очертания города следовали топографии местности. Расположенная между Турой и Тюменкой, территория города имела как бы «конусовидную» форму, резко сужаясь при подходе к кремлю, стоявшему на самом мысу берега.

При этом обращает на себя внимание регулярное начертание сети улиц, образованной пересечением больших протяженных направлений, идущих от внешнего острога к кремлю, и улиц, проложенных перпендикулярно к ним от берега Туры до берега Тюмени.

Верхотурье. Город в верховьях р. Туры был основан в 1598 г. воеводой Василием Головиным и письменным головой Иваном Воейковым.

Место для крепости было выбрано на левом берегу Туры между речками Свиягой и Дернейкой. Несколько

План Верхотурья. 1687 г. **Реконструкция автора**

выше Свияги в Туру впадала р. Калачик. Часть берега состояла из крутой скалы. На Троицком камне и был поставлен город. Он имел три стены, а четвертая оказалась ненужной «потому, что то место и без городовой стены всякого города крепче... а по тому месту велеть хоромы поставить вряд... да избы и дворы поставить постепенно, а по углам города от реки Туры поставить наугольные башни», писалось в указе [53].

Через Верхотурье шла Бабинова дорога, объявленная единственным официальным путем в Сибирь (остальные были перекрыты завалами и строго контролировались). Здесь скрещивались дороги в северные пушные и южные хлебородные районы. Транзит большого количества государственных и купеческих грузов, а следовательно, хорошие таможенные сборы способствовали процветанию и быстрому росту Верхотурья. Недостатком места оказалось мелководье Туры, и прибывавшие в Верхотурье суда останавливались ниже по реке, в 50 верстах от города (в с. Маркушевском), где была устроена пристань и верфь,

на которой строились суда для сибирских рек.

Почти все население жило в городе, а за стенами «под камнем», ниже по реке, поставили гостиный двор. Территория крепости была быстро застроена, и в 1605 г. ее жители писали в Москву: «построены... на Верхотурье служивых людей, детей боярских и ружников (церковников) и оброчников и стрелецкие дворы в остроге, а торговых людей и посадских и пашенных крестьян все дворы не в остроге потому, что... острог поставлен не велик и... теснота в остроге великая. Даваны... детям боярским под дворы места невеликие вдоль и поперек по семи сажень, а стрелецким по пяти сажен» [54], и предлагали ставить дома в улице за городом, но при условии, если они будут ограждены острогом.

Ямская гоньба, бывшая тяжелой повинностью местного населения, была передана русским «ямским охотникам», и они в 1603 г. поселились в слободе на берегу Туры за устьем р. Калачик. Под стенами города стала образовываться Хилецкая слобода.

В 1604 г. севернее города между оврагами рек Свияги и Калачика был построен Никольский мужской монастырь, получивший свою оборонительную ограду. Четыре года подряд Верхотурье преследовали неурожаи, и только в 1624 г. воевода Никита Барятинский смог возвести вокруг посада острожную стену. Общая длина стены (1340 м) свидетельствует о заметно выросшем поселении. Примерно таким посад оставался до конца XVII в. В 1621 г. ниже крепости при р. Дернейке был основан Покровский женский монастырь, а в 1626 г. воевода князь Дмитрий Пожарский заново перестроил гостиный двор.

В середине XVII в. решено было ограничить рост Ямской слободы, так как к ней примыкало «под десятинную пашню третье поле», и для нового строительства стали отводить места за Турой, где уже существовало небольшое поселение с церковью.

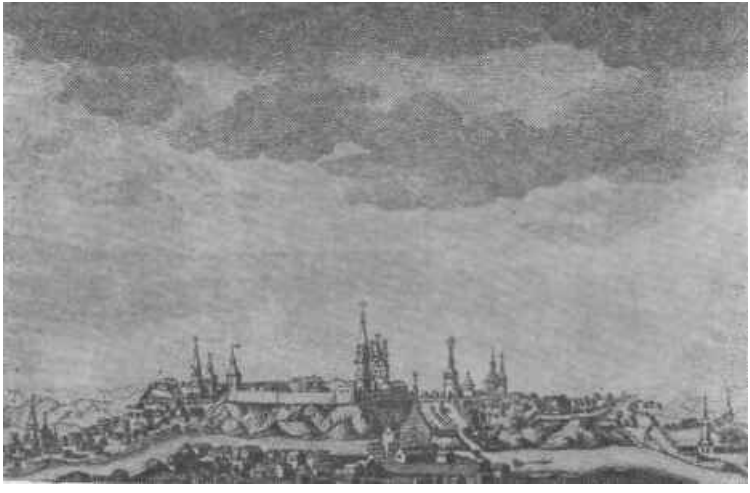
В 1657 и 1674 гг. Верхотурье сильно пострадало от пожаров, фактически погибла вся острожная постройка.

В 1682 г. воевода Ларион Лапухин укрепил острог городовой стеной. А в 1687 г. воевода Нарышкин построил новый острог, имевший длину стен 1363 м (исключая открытое пространство на «камне») и 12 башен.

После ряда пожаров (1690 г., 1700 г.) воевода Козьма Козлов обратился в Сибирский приказ с предложением не восстанавливать деревянный острог, а строить каменный город. Отметив, что от пожара сохранилась только единственная каменная постройка Верхотурья — амбар для хранения вина, воевода писал, что в этих местах есть пригодные для каменного строительства материалы — камень, кирпич, песок, глина, известь. Кирпичными собирались строить не только городские стены, но и жилые дома, считая, что «каменная изба могла ценою в полтора или много в два против деревянной стоить».

Каменный кремль строился в первые годы XVIII в.

План Верхотурья конца XVII в. (реконструкция автора) показывает, что город, расположенный на крутой



Панорама Верхотурья. Гравюра П. Артемьева 1770 г. по рис. И. Люрсениуса

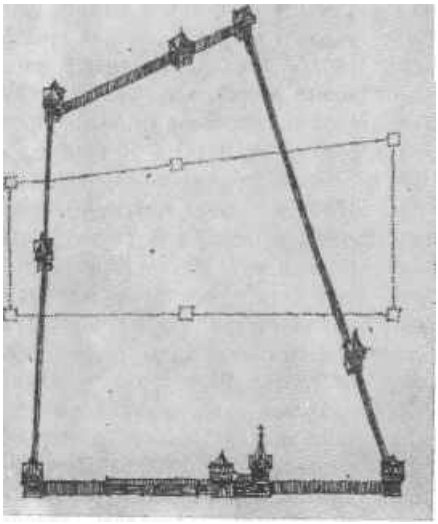
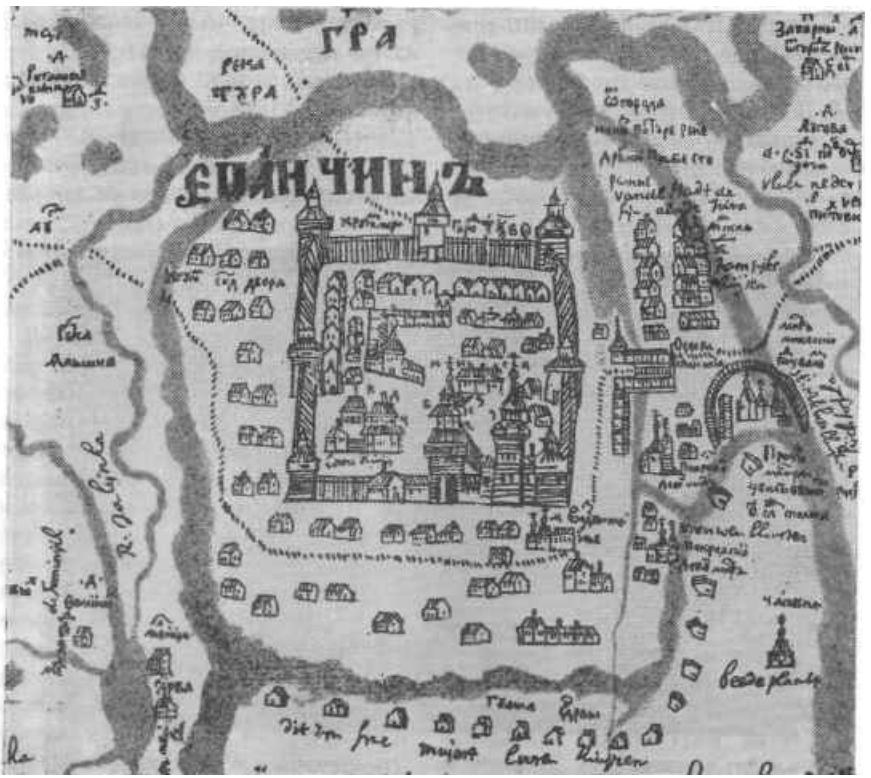


Схема старого (1600 г.) и нового (1705 г.) Туринского острогов. Рис. автора



Туринск (Епанчин). 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

излучине Туры, формировался по обеим сторонам реки из отдельных слобод, недостаточно планировочно между собой связанных. Основная городская территория развивалась на вогнутой стороне берега вокруг крепости. Будучи поставленной на высоком мысу в створе русла Туры, крепость хорошо просматривалась с дальних расстояний при подходе к городу по реке. Однако частая сетка слободских улиц была мало связана с расположением крепости, лишь некоторые из них своим направлением ориентировались на крепость.

В 1738 г. Верхотурье вновь сильно выгорело. Из 431 двора погибло 248 на посаде и 82 в Ямской слободе. Город терял свое прежнее значение торгового (перевалочного) центра; много лет обогащавшая его транзитная дорога в Сибирь прошла через Екатеринбург и Ирбит. В последнем образовалась ежегодная ярмарка, и в 1753 г. туда была переведена главная сибирская таможня. Острожные стены больше не восстанавливались, застройка города оставалась стихийной.

Туринск. На мысу рек Туры и Лахомки в 1600 г. был поставлен острог, первое время называвшийся Епанчиным. По-видимому, за острожными стенами кроме служивых людей жило все население — «пашенные люди», «ямские охотники» и др. Острог был мал, и ямщики жаловались в Москву, что дворы отведены всего по 6 саженей и «им теснота великая и огородов развести негде». Они просили выделить их в особую слободу (как это было сделано в соседнем Верхотурье) «от острога вблиз, за оврагом» [55], т. е. за речкой Лахомкой. Ямская слобода стала образовываться на берегу Туры, под защитой острога и женского Николаевского монастыря, основанного юго-восточнее острога. К началу XVIII в.

Туринский острог имел стену 771 м и 8 башен. Кроме воеводского двора в нем находились приказная изба, таможня и 12 хлебных амбаров. Воеводы писали в Сибирский приказ еще в 1669 г., что в Туринске «теснота великая, жилецкие дворы в городе по самую стену, а дворы старые и часты, а загородные дворы всяких чинов людей гораздо вблизи от городовой стены, в остроге же хлебные амбары в близости от дворов сажен в шесть» [56]. Острог обветшал и нуждался в в обновлении. 26 мая 1704 г. пожаром были уничтожены острог, 8 церквей, Николаевский женский монастырь и 368 обывательских дворов.

В том же году в Туринске было получено указание о строительстве нового острога. При этом вводились различные ограничения: в остроге не разрешалось строить жилые дома; в посаде возводить их можно было только на расстоянии не менее 50 сажен от острожных стен.

Новый острог поставили в 1705 г. Сырая долина р. Ялынки не позволяла развивать острог в северном направлении, а на юге нужно было оставить разрыв в 50 сажен до моста. Его площадь увеличили за счет удлинения стен в западном и восточном направлениях, что придало острогу новую ориентацию. Периметр стен по. сравнению со старым острогом сократился. От главных ворот через мост шла дорога в Тюмень и Тобольск. Другие ворота в южной стене вели в Верхотурье.

В новом остроге построили воеводский дом, канцелярию, церковь, соляной амбар и 34 житницы. Перед ним образовалась торговая площадь, в западной части которой стояла Воздвиженская церковь. В 40-х годах XVIII в. в Туринске было 339 жилых двора.

В 1787 г. вокруг посада был выкопан ров с ограждением.

Панорама **Туринска.** *Гравюра П.* **Балабина** *1770 г. по рис. И.* **Люрсениуса** *1742 г.*

План Туринска. 1770 г. ЦГВИА

В Ямской слободе главная улица шла от моста до монастыря и была замощена плахами. Другая мощеная улица пересекала посад с востока на запад и выходила на Верхотурскую дорогу.

21 апреля 1750 г. острог сгорел и больше не восстанавливался.

К 1770 г. относится первый профессионально составленный план Туринска. К этому времени там было 450 домов и 1967 жителей. На чертеже нет и следов внутреннего острога. От внешнего ограждения остались размытые водой рвы и часть острожной стены в западной части селитьбы. Севернее стоит дом воеводской канцелярии. Видимо, после пожара 1750 г. сюда перенесли все казенные постройки. План фиксирует хаотичность застройки, хотя основные улицы имели четкое радиальное направление к месту бывшего острога и пересекались кольцевыми улицами, отражавшими постепенный рост городской территории.

ГОРОДА В БАССЕЙНЕ ОБИ

Сургут. Место для основанного в 1594 г. острога было выбрано на береговой гриве р. Сургутки или Бардаковки, неподалеку от ее слияния с Обью. Кругом лежали тайга и топкие болота. О первой постройке известно только, что она имела пять башен и небольшой острог с одной башней. В год основания Сургута его гарнизон состоял из 155 человек, в 1596 г. туда прислали еще 112 казаков, к 1601 г. насчитывалось 280, а в 1625 г. — 222 человека. По тому времени это была большая крепость, управляемая воеводами и посылавшая своих «годовальщиков» в Нарымский и Кетский остроги. 28 июня 1712 г. Сургут сгорел и в 1718 г. был построен заново «вкруг старым острогом с

четырьмя башнями». Известны и размеры новой крепости — 83Х77 м, «а вкруг того острогу и с башнями по мере 153 сажен одна четь и стоит на том же месте где до пожару» [57].

В 1733 г. в Сургуте было 165 дворов. К 1761 г. острог состоял из полисада высотой 5,3 м. В его южном углу была четырехугольная проездная башня, а на западном и северном углах были восьмигранные башни. Восточный угол был занят Троицкой церковью, построенной в 1742 г. возможно на месте угловой башни. Таким образом, Сургутский острог имел форму, близкую к квадрату, и совсем не похож на имеющийся схематичный рисунок Ремезова.

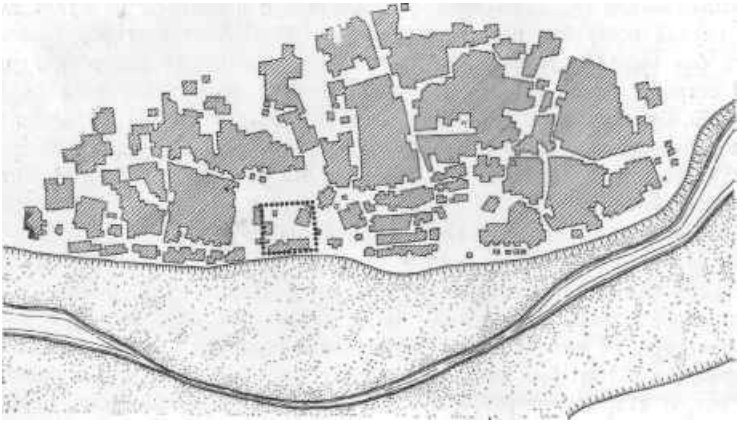
В начале второй половины XVIII в население Сургута составляло около 1200 человек. За острогом сложился посад. К концу века он развился в бессистемную селитьбу и в 1878 г. имел 167 дворов с населением в 1144 человека.

Нарым и Кетск. Место расположения Нарыма несколько раз изменялось, и лишь в 1632 г. город был окончательно основан на современной территории. В 1675 г. Н. Спафарий писал: «город Нарым не стоит на Обе реке, но на острову близ протоки, которая течет из Кети в Обь, однакожде и с полверсты не будет долее реки Оби. А стоит город на высоком месте, и острог построен деревянный, в котором сидит воевода. А служивых людей только 40 человек. И около города по деревням пашенных людей не много, для того что хлеб пахать начали недавно, а хлеба родится мало» [58].

У Ремезова острог изображен на берегу оз. Нарым. Так, видимо, назван разлив (полой), весной наполнявшийся водой, а к осени терявший связь с протокой. Острог неправильной формы с семью башнями, церко-

Сургут. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

План Сургута. Первая половина XVIII в. Реконструкция автора



Нарым. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

вью и несколькими домами, часть из которых располагалась вне стен. Но на другом изображении середины XVIII в., выполненном кондуктором инженерного корпуса Иваном Бишевым, острог имеет прямоугольную форму с тем же составом построек. Построенная в середине XVIII в. Спасская церковь может служить ориентиром для привязки к местности бывшего острога. Все это дает основание для реконструкции его плана.

Нарымский острог никогда не играл заметной роли в истории сибирских городов. В 1643 г. там жило всего 55 служивых людей.

Еще меньшим был Кетский острог. В 1627 г. уже на новом месте (с. Кетское) он сгорел и был построен заново, получив ограду высотой «три сажени без локтя», длиной 32 и шириной 20 м. На двух его углах стояли жилые избы с боевыми надстройками. Таким он изображен и на чертеже Бишева середины XVIII в.

Томск. Крепость была заложена в 1604 г. на берегу р. Томь и сразу же построилась рубленым городом.

В выбранном для нее месте широкая береговая отмель переходила в крутой откос террасы, изрезанной глубокими оврагами, один из которых был ложем р. Ушайки. От северных кручей выдвинулся узкий и длинный мыс, с трех сторон защищенный естественными рубежами и только на северо-востоке, расширяясь, переходивший в степь, где была необходимость искусственной преграды.

Возведение рубленых крепостных стен требовало много материала и, хотя в наказе воеводам Писемскому и Тыркову советовалось «лес ронить легкий, чтоб вскоре город и житницы... поставить» [59], его заготовка затянулась, за поздним временем вместо четырех стен поставили три. Город в плане имел форму, близкую к

треугольнику, в основании которого на северо-восточной стороне стояли три башни, а в вершине — одна. Огражденное пространство "было занято казенными и частными постройками, а когда через два года собрались строить Троицкую церковь, то уже не оказалось свободного места, и ее поставили на посаде у въезда в город. Поселение вне городских стен росло. На узком мысу образовалась улица, двухсторонняя застройка которой быстро продвигалась на север. В 1609 г. вокруг посада был поставлен острог.

В период с 1617 по 1627 г. произошло сокращение северной острожной стены за счет основанного в 1722 г. Успенского монастыря, получившего самостоятельное ограждение. Монастырь вскоре был закрыт, а его Воскресенская церковь превращена в приходскую. По имени ее и гора стала называться Воскресенской.

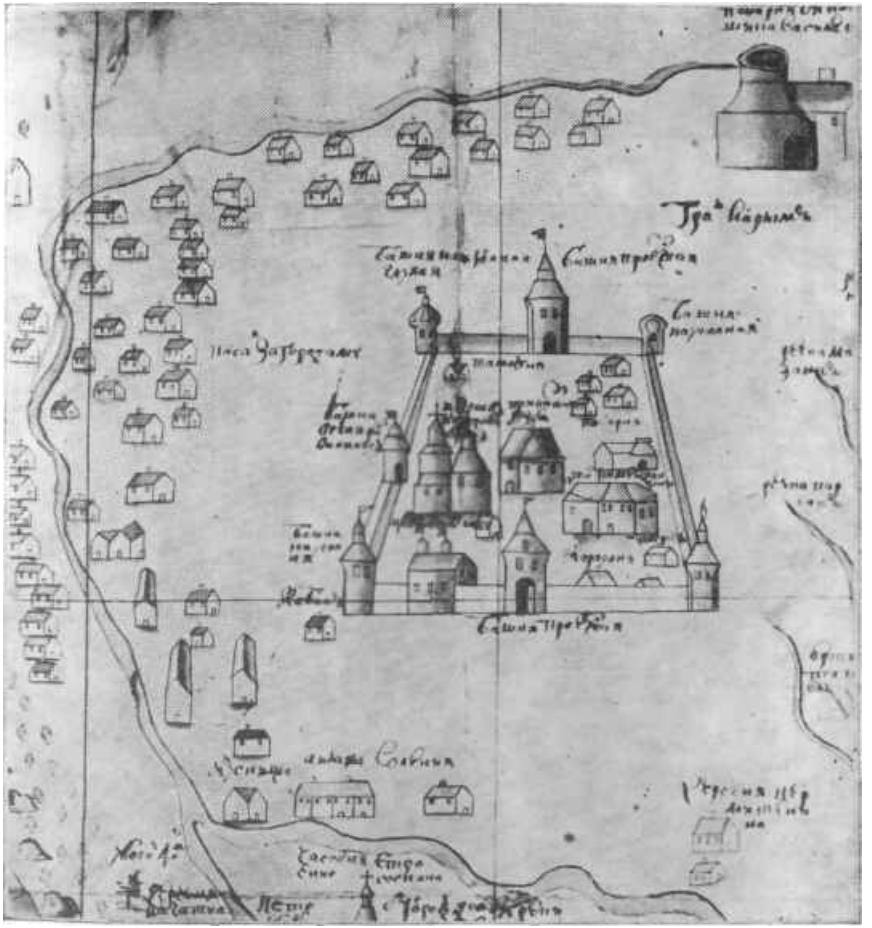
Дальнейшее развитие города велось под горой, по обеим берегам р. Ушайки, поскольку сам острог был заселен плотно, а строиться за его пределами было опасно; кроме того, мешало и Белое озеро. Здесь в 1630 г. воевода князь Петр Приклонский построил острог. О нем известно, что в стенах было 4 проезжие и 4 глухие башни, а о размерах и местоположении можно только догадываться по расположению церквей — Богоявленской, построенной в 1630 г. на Песках, неподалеку от южного взвоза, и Благовещенской, построенной в 1639 г. за Ушайкой.

К середине XVII в. население Томска составляло около 3000 человек.

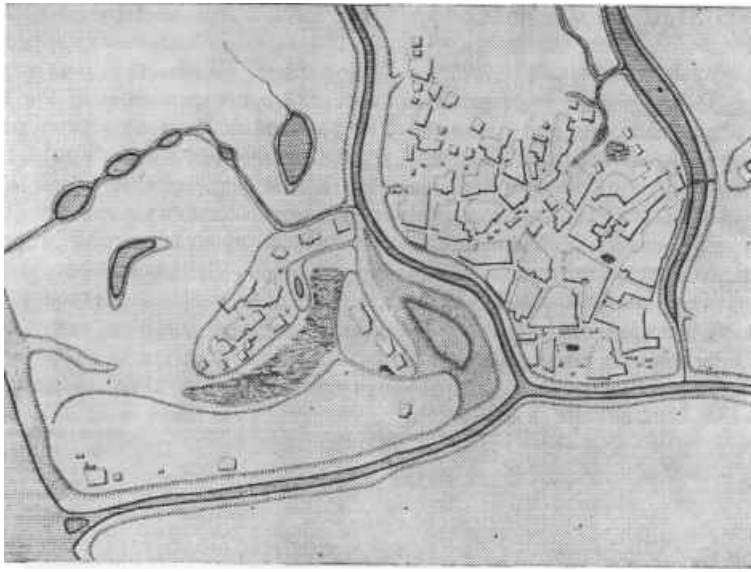
В 1648 г. воевода Осип Щербатый построил новую крепость, просуществовавшую около 150 лет и зафиксированную на многих планах. В 1654 г. за Ушайкой была построена Алексеевская церковь. Туда перевели и Алексеевский монастырь, расположенный ранее на р. Б. Киргизке.

В начале XVIII в. город имел хаотичную застройку с неправильной сеткой коротких и криволинейных улиц. Панорама Томска была выразительной благодаря тому, что над плотной застройкой маленькими домишками, занявшей большую низменную территорию, возвышалась стоящая на холме рубленая крепость с башнями и церквами, а в некотором отдалении от нее, на другом холме стоял Алексеевский монастырь. Силуэт города обогащали и церкви, возвышавшиеся среди застройки слобод.

В 1723 г. в Томске было уже около 1050 домов, в них жило примерно 8500 человек. Дальнейший рост города связан с прокладкой в 1730-х годах большой сибирской сухопутной **дороги**, прошедшей и через Томск, где образовался перевалочный пункт для товаров, отправляемых в северные города. Вдоль тракта в новом городском районе — Заисточье — возникли **кузницы**, образовавшие Старокузнечный ряд и Новокузнечную улицу. Город начала 1740-х годов зафиксирован на плане и рисунках студентов и



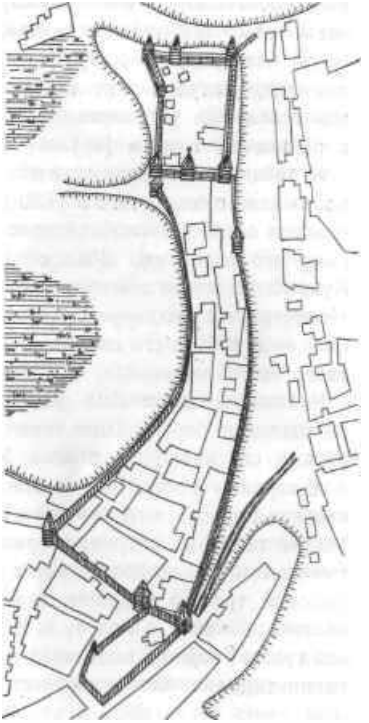
Нарым. Рис. И. Бишева. Середина XVIII в. **ЦГАВМФ**



1 *План Нарыма начала XVIII в. Реконструкция автора*

Кетск. Рис. Н. Бищева. Середина XVIII в. ЦГАВМФ

Томск. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»



Томский город и острог конца XVIII в. Реконструкция автора

художников второй камчатской экспедиции Бархана и Люрсениуса. Схематичный план может быть легко дополнен при сравнении его с чертежом 1748 г. и более точным планом 1767 г. В это время, помимо Воскресенской горы, были заселены Пески и низина между р. Ушайкой и Юрточной горой.

Толчком к первому серьезному градостроительному преобразованию Томска послужил большой пожар 1769 г., уничтоживший почти всю застройку на Песках. В это время его население составляло 7772 человека. В следующем году город посетил акад. Паллас. На Воскресенской горе по-прежнему стоял рубленый кремль, но главная часть города лежала у подножия горы. Путешественника поразила беспорядочная застройка городских улиц, узких, кривых, пересекающих одна другую с домами, загораживающими друг друга и развалинами, оставшимися после пожара. Он также отмечает, что пожар повлек за собой благотворные для города мероприятия, вынудив жителей «выстроить пожарище регулярными улицами и по новому плану» [60].

Кузнецк. Важное стратегическое положение основанного в 1620 г. Кузнецкого острога способствовало быстрому его развитию. Уже с 1622 г. Кузнецкий острог именуется городом. Несмотря на это, город был небольшим — в 1655 г. его гарнизон состоял всего из 187 человек.

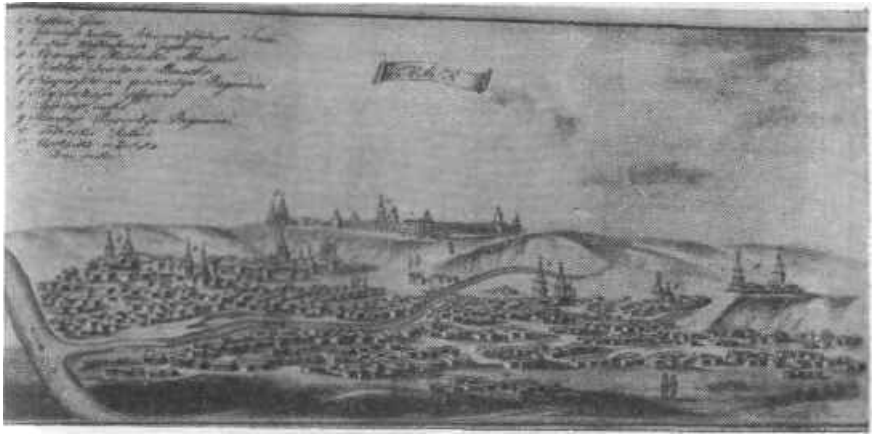
Кузнецкий острог был расположен на высоком берегу Томи, тремя террасами спускавшемся к реке. У первой террасы проложила ложе Иванцевская протока, отделившая от Томи низкий песчаный остров; вторая ограничивалась на северо-западе откосом высокой третьей террасы, а на юго-востоке склоном к болоту и р. Казачья грязь. Только в восточном направлении тянулись безбрежные степи.

В 1658 г. город горел, но вскоре был восстановлен. Рядом образовался небольшой посад, который стал развиваться и вдоль Иванцевской протоки. Сюда продолжили и острожную стену.

Спутником Кузнецкого острога с 1648 г. стал Крестовоздвиженский мужской монастырь. Он стоял в трех верстах от города в степи, и, являясь его сторожевым форпостом, не раз подвергался нападениям кочевников, а в 1700 г. был сожжен ими.

В 1668 г. воевода Канищев «около кузнецкого посада снизу Томи на горе по Татарское озеро поставил земляной вал и ров выкопал» [61]. Следы этого рва сохранились на позднейших планах города, он проходил примерно между современными улицами Училищной и Свободы. Там, где вал пересекали дороги, были устроены «земляные городки с башнями», самый большой городок находился на горе. Всего длина рва и вала составляла 1684 м, да еще 533 м надолб огораживали часть посада на берегу Иванцевской протоки. Вся же длина укрепленной линии была 2000 м, по другим сведениям 2450 м. За валом стояла стена из бревен, забранных в стойки, имевшая в длину 4200 м и окружавшая прилегавшие к городу пашни.

Центром укрепленных линий попрежнему оставался городской острог (его место фиксировано Покровской церковью). Он имел четыре угловые и две въездные башни. Ворота вели на дорогу в степь (по современной улице Ленина) и к пристани. В остроге стояли воеводский двор, церковь, тюрьма, пороховой погреб и амбары, у ворот караульная, а в южной стене приказная изба. В первой половине XVIII в. Кузнецк перестал быть боевой крепостью и постепенно занял положение центра небольшого административного района. Застрой-



Панорама Томска. Рис. Н. Берхана. ААН

ка его носила нерегулярный характер.

В то же время планировочная сетка улиц была довольно простой: повторяя очертания береговой линии через весь город шли две дороги, к которым выходил ряд небольших, слабо изогнутых улиц.

ГОРОДА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ СИБИРИ

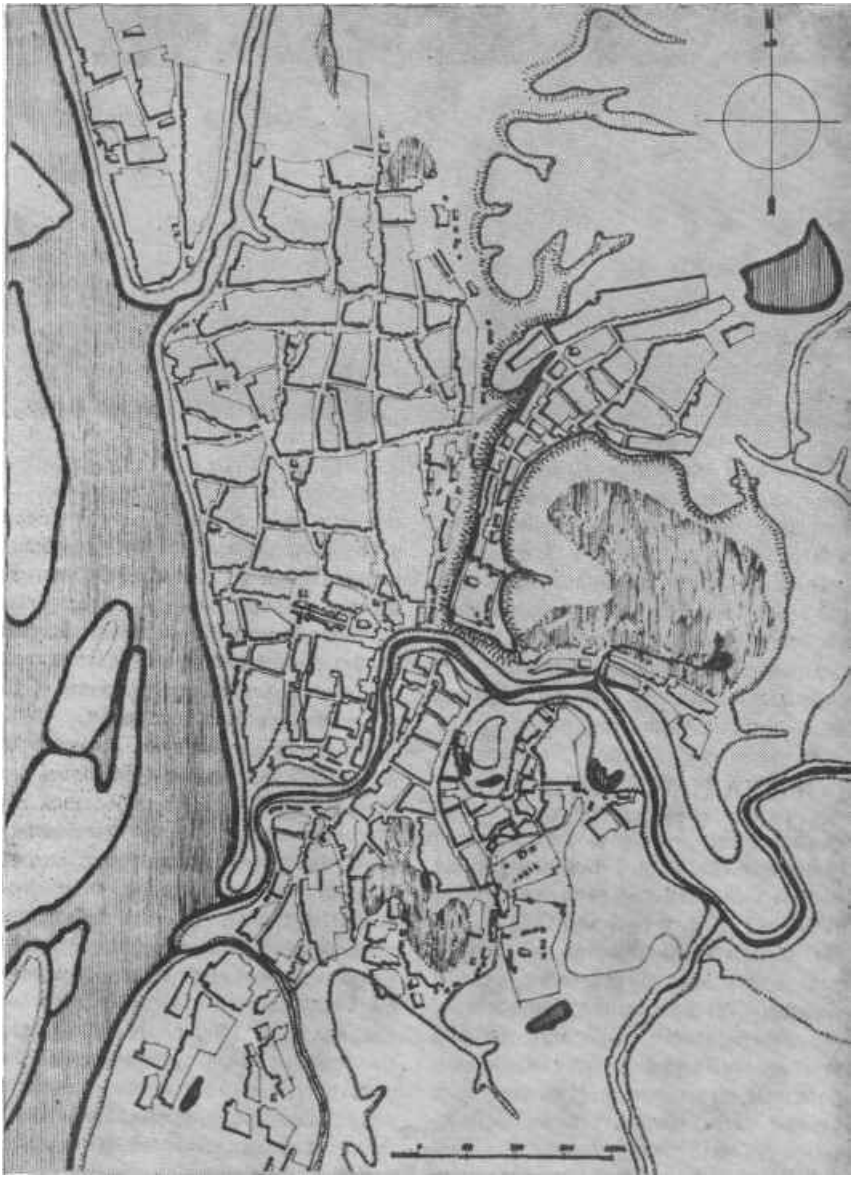
Березов. В ранней истории города можно выделить два этапа: первый с 1593 по 1642 г. и второй после 1642 г. На первом этапе Березов развивался как центр местной торговли, сбора ясака и база снабжения мангазейского промыслового района. Второй этап — время упадка города, вызванного тем, что грузы в Мангазею шли теперь через Енисейск и за Березовым осталось только управление прилегающим ясачным районом, к тому же обедневшем соболями.

В 1593 г. воевода Никифор Траханиотов выбрал место в 36 верстах от впадения р. Сосьвы в Обь, где к высокому берегу подходили овраги (Стрижачий и Култычный), защищавшие с юга и севера площадку, на которой решено было строиться. Юж-

нее лежал лог и глубокий овраг р. Буерачной, а к северу местность снижалась к р. Вогулке. Только западная сторона была открыта, но там лежали болота, а дальше могучие хвойные и кедровые леса. Неподалеку находился хантыйский городок Сумгут-ваш (Березовый городок).

Строивший рубленую крепость отряд в 300 казаков и 150 плотников осенью ушел, оставив небольшой гарнизон. За поздним временем башни и стены остались непокрытыми. Это обстоятельство, а может быть и спешность постройки привели к быстрому ее разрушению. К тому же в башнях оказались неправильно просеченными окна для пушек. Все это пришлось исправлять в 1600 г. воеводе Ивану Волынскому. Он поставил новый острог, погреб и избу «для остяцкого обихода». Южнее города за оврагом были основаны Вознесенский и Воскресенский монастыри. Время их возведения неизвестно. Воскресенский в 1724 г. был закрыт, а Вознесенский уничтожен пожаром 1719 г.

В 1607 г. воевода Петр Черкасский писал в Москву: «Березов город ветх, городские стены и башни худы и от реки Вогулки городовую стену подмыло водою» [62]. Стены поправили



План Томска середины XVIII в. Реконструкция автора

и расширили острог, так как он оказался тесным. Еще в 1605 г. пришлось 15 домов и Воскресенскую церковь поставить вне острожных стен, теперь они были включены в острог. В 1608 г. Березов в течение двух месяцев осаждался хантами, и тогда «около города ров копали и во рву острог поставили и город крепили» [63]. В 1610 г. воевода просит разрешения заново перестроить город, но ему велено было только расширить посадский острог. В эти и последующие годы там жили 250 служивых людей. В 1617 г. Березовский острог был вновь перестроен. В нем была поставлена Лесная башня, а острожные стены и стены рубленого города увеличились. Последние имели башни, три из которых угловые, одна в южной стене, с воротами. Угол к берегу реки занимал воеводский дом. В остроге неподалеку от городских стен (по другую сторону взвоза, для которого был приспособлен Стрижачий лог) в 1623 г. была построена Одигитриевская церковь.

В 1642 г. Березовский город и острог сгорели; рубленые стены больше не восстанавливались. Вместо них поставили ограждение из острожин, которые были «подсечены и отволочены в пожарное время». Длина стены составила 340 м, и малый острог имел одну башню, «которая отнята в то пожарное время». В новом остроге поставили церковь, воеводский дом, съезжую избу и казенный амбар. Но, как писалось в Москву, «острог мал и низок и в остроге теснота большая» [64]. Началось время упадка города.

Первое изображение Березова, помещенное в трудах Ремезова, относится к 1701 г. При пожаре 1719 г. сгорели стены Малого острога и много строений. Остались два десятка домов и южной части около Вознесенского монастыря. Пожар совпал с го-

лодом. Березов обезлюдел, многие жители ушли в деревни. В 1724 г. территорию Малого острога окружили новой стеной длиной 319 м и высотой 5 м с четырьмя башнями на прежних местах. За оврагом, севернее крепости на месте упраздненного Воскресенского монастыря, огородив высоким тыном один из бывших его корпусов, устроили тюремный острог, где содержались Меншиков, Долгорукий и Остерман. В 1727—1729 гг. А. Д. Меншиков рядом с тюремным острогом построил Богородицкую церковь.

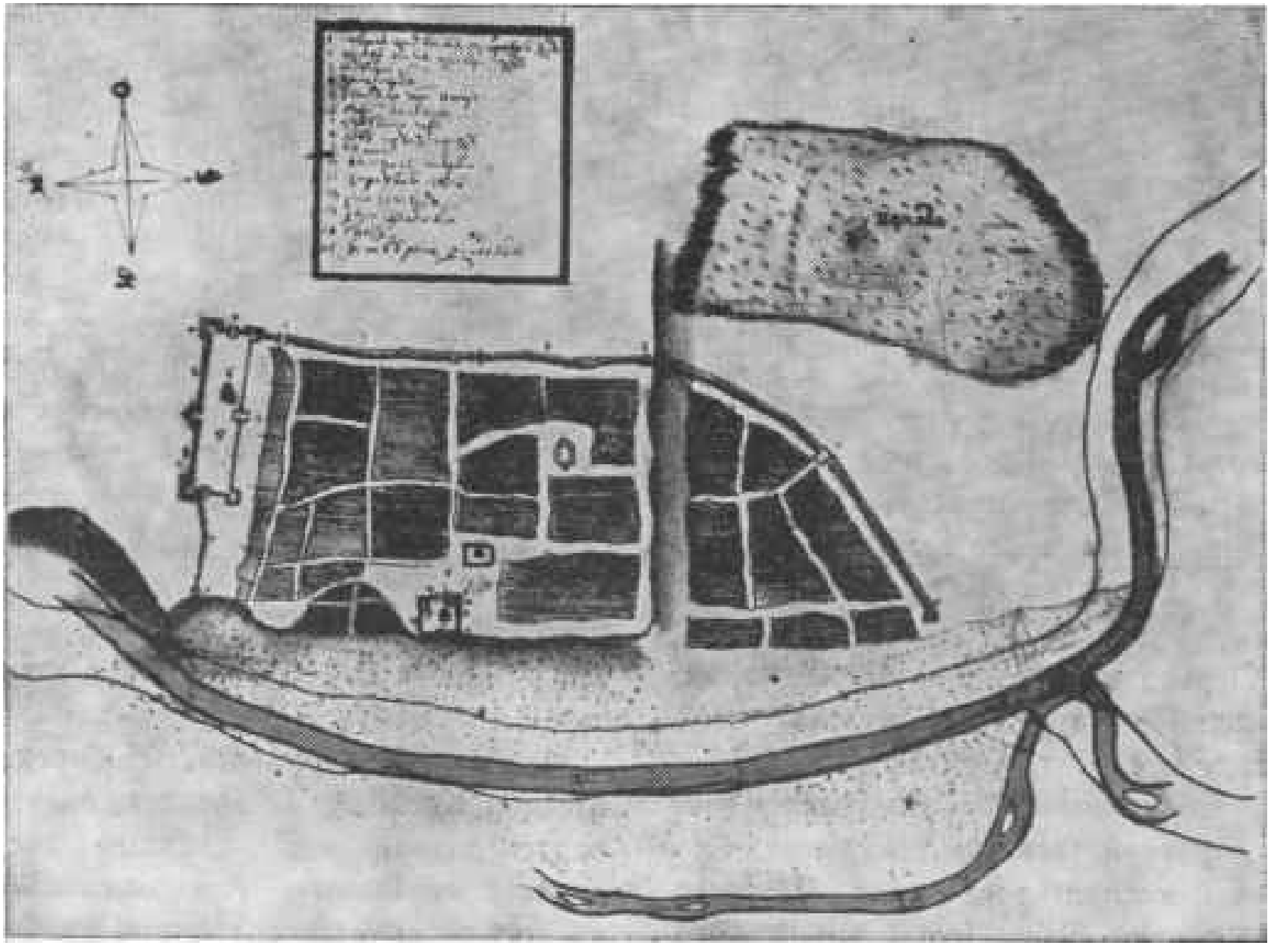
Южная стена городского острога в 1740 г. изображена астрономом Делилем. На первом плане колокольня Одигитриевской церкви, а за ней видна въездная башня с часовней и в глубине завершения двух церквей. Даже по этому фрагментарному рисунку можно представить вид крепости как достаточно укрепленного сооружения, значительного, особенно в сравнении с маленькими домишками, сгрудившимися около него. Что касается города, то вряд ли он существенно отличался по форме и размерам от того, который сохранялся до начала XIX в.

Во второй половине XVIII в. наступает некоторое оживление торговли. В городе появляются первые каменные постройки. Когда сгорела Богородицкая церковь, на ее месте в 1765 г. заложили, а к 1778 г. окончили новую каменную Рождественскую, существовала каменная Одигитриевская церковь, третья — Воскресенская церковь построена была в 1787—1792 гг. С возведением каменных церквей и при сохранности деревянной крепости Березов приобрел выразительный силуэт со стороны реки.

Мангазея и Туруханск. Сибирский пушной Клондайк, Мангазея, пользовалась славой «златокипящей государевой вотчины». Археологические раскопки ее остатков, погребенных

План Кузнецка.
1743 г. ААН

Кузнецк. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»



Панорама **Кузнецка.** *Гравюра И. Бугреева 1770 г. по рис. И. Берхана.*

в трехвековом культурном слое, в сопоставлении с архивными документами позволяют составить представление об этом типичном позднефеодальном городе не только Сибири, но и всего русского Севера.

В конце XVI в. на мысу при впадении в р. Таз Осетровки существовал промысловый городок. В марте 1601 г. в нем нашел приют отряд воевод Мирона Шаховского и Данилы Хрипунова. Сюда подошел и второй отряд воевод Василия Масальского и Савлука Пушкина. Летом этого же года служивые люди начали строительство Мангазейской крепости. Место для нее было выбрано на высоком берегу р. Таза и оврага р. Ратиловки, впадавшей в Таз несколько ниже Осетровки.

Уже в 1601 г. заложены воеводский двор, съезжая изба, амбары и Троицкая церковь. В 1604 г. ограду воеводского двора заменили острожной стеной. Посад сложился юго-восточнее крепости, на площадке, постепенно снижающейся к Осетровке. Здесь был обнаружен сруб, похожий на амбары;

возможно, здесь находился первый гостиный двор.

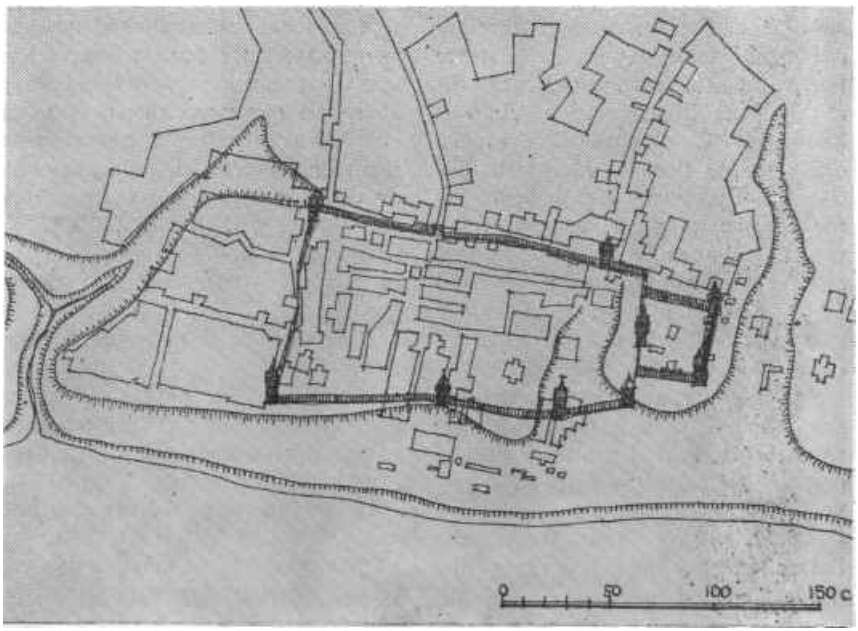
С развитием соболиного промысла и торговли гостиный двор перенесли на берег Таза, поставив перпендикулярно к реке, фасадом в сторону крепости. Рядом разместились другие торговые здания, таможня; по-видимому, здесь же была торговая площадь и взвоз от пристаней. Северо-восточнее гостиного двора, за мощеной бревнами улицей и порядком домов на пологом холме раскопками были обнаружены несколько соединенных вместе и разрозненных срубов с плавильными печами, тиглями, формами и другими предметами для литейного производства. Рядом с мастерскими стоял богатый дом хозяина. Археологические находки в Мангазее свидетельствуют о развитии и других ремесел, связанных с промысловой деятельностью постоянного и временного населения города.

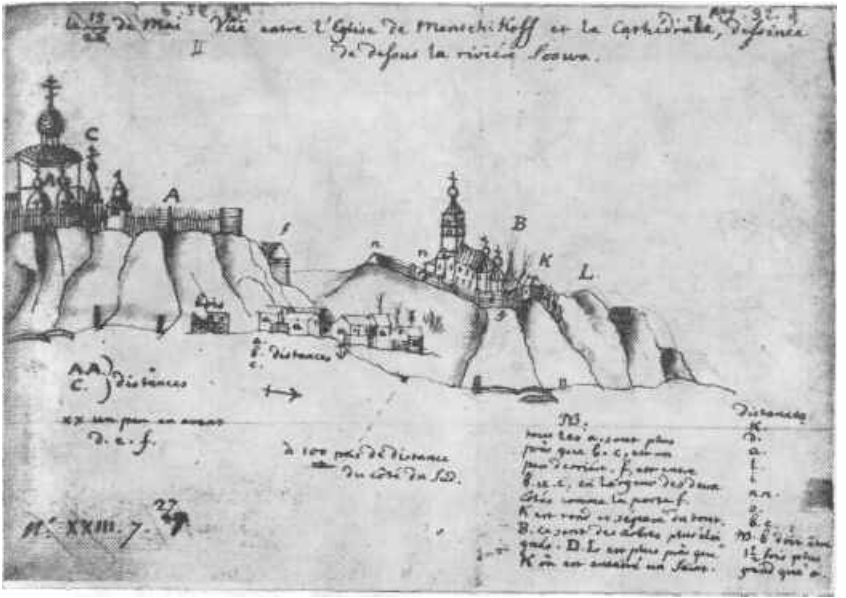
По легенде начала XVII в. в Мангазее было до 200 больших домов, расположенных на четырех улицах. Недоступный иностранцам, город вы-

Березов. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

Схема Березовского города и острога конца XVII в. Реконструкция автора

Березов. Рисунки Делиля. 1740 г. *Архив Географического общества СССР в Ленинграде*





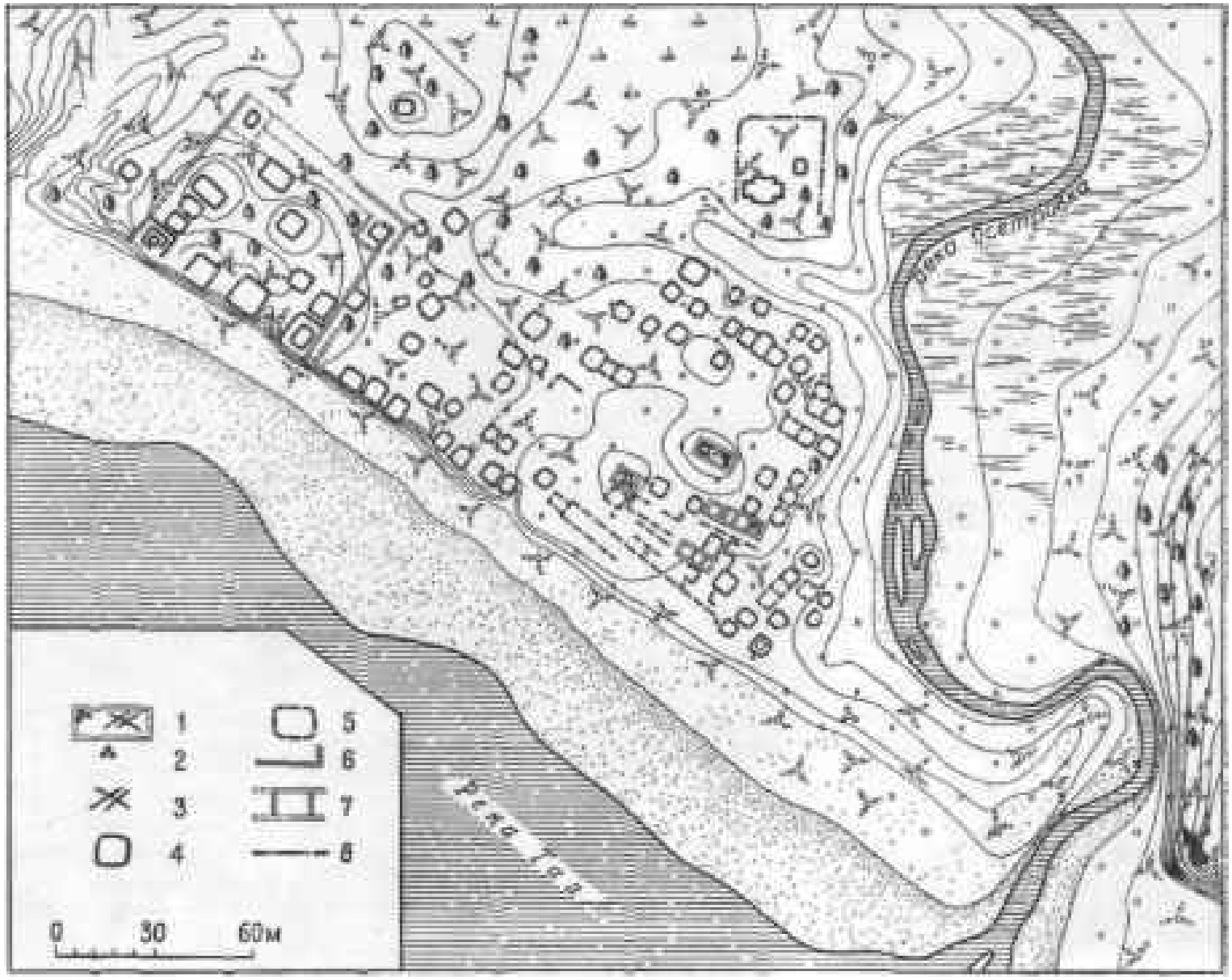
Le 15/26 de Mai
Vüe entre l'Eglise de Menschikoff et la Cathédrale, dessinée de dessus la rivière Scowa.
C
A
B
K
L
AA.
C.
distances
xx un peu en avant
d. e. f.
à 100 pas de distance du côté du Sud.
N.
Distances
K.
D.
a.
l.
i.
n.
o.
b. c.
N. b doit être 1½ fois plus grand que a.
N.° XXIII. 7.
27

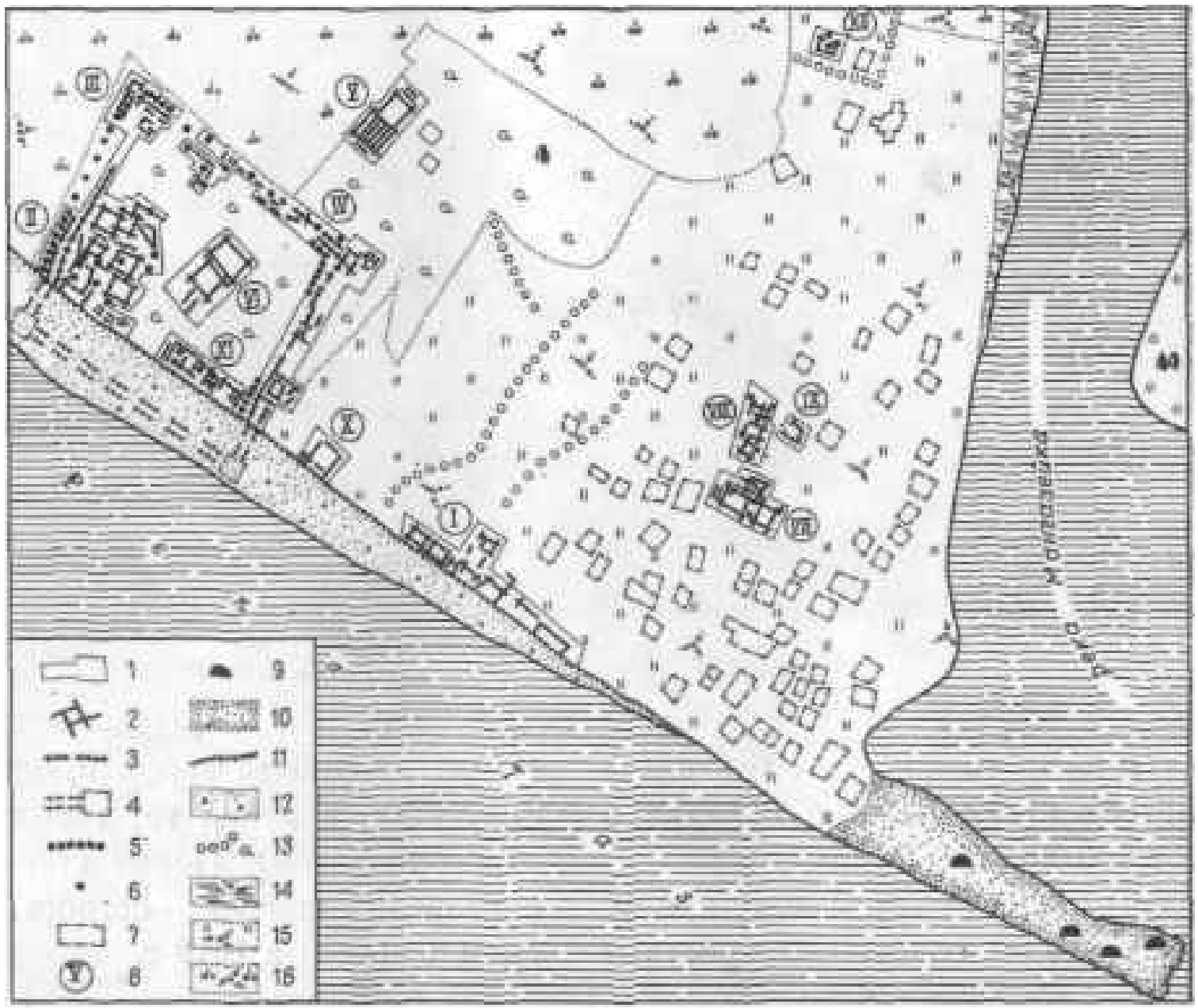
N° XXIII. 7. 29.
Distances.
a. b. c. d. e. Cathédrale de Beresowa. f. g. h. k. m. n. Eglise de Mengschikow. O. Ancienne Cathédrale dans l'ostrog des prisonniers d'Etat.
g. les palissades sont toute proches les unes des autres.
le 17/28 de Mai.
Vüe de l'Ostrog du Woiewode de Beresow, dessinée à 280' de distance de la fenêtre de mon logis.

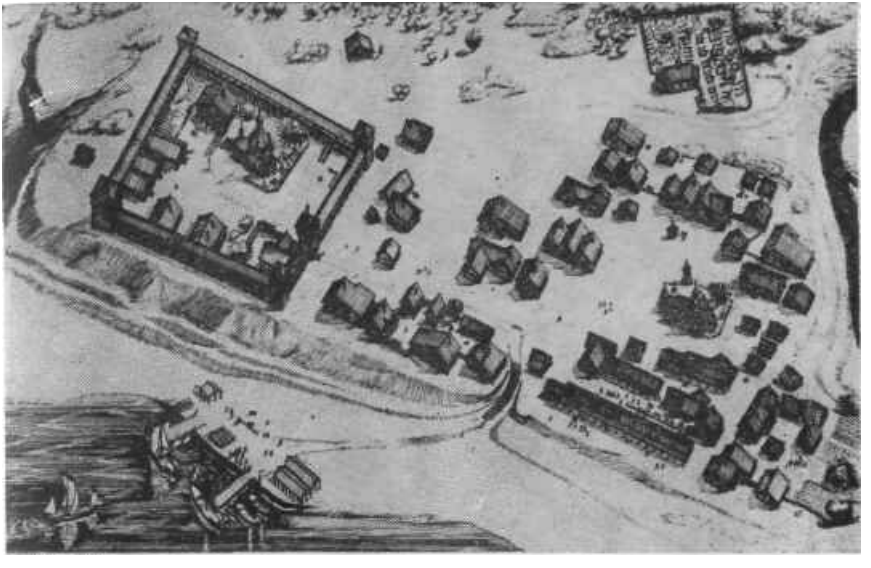
зывал много толков, и голландец Н. Витсен писал даже о наличии в нем от 500 до 1000 домов.

Согласно историческим документам, в 1607 г. были сооружены рубленые

стены: «Зарублен город Мангазея на Тазу реке, а рубил тот город Давыд Жеребцов» [65]. Новые стены почти повторяли контур острога. Этот кремль сгорел в 1619 г.


1
2
3
4
5
6
7
8
0
30
60м


I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX
X
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16



Старая **Мангазея**. *Реконструкция автора*

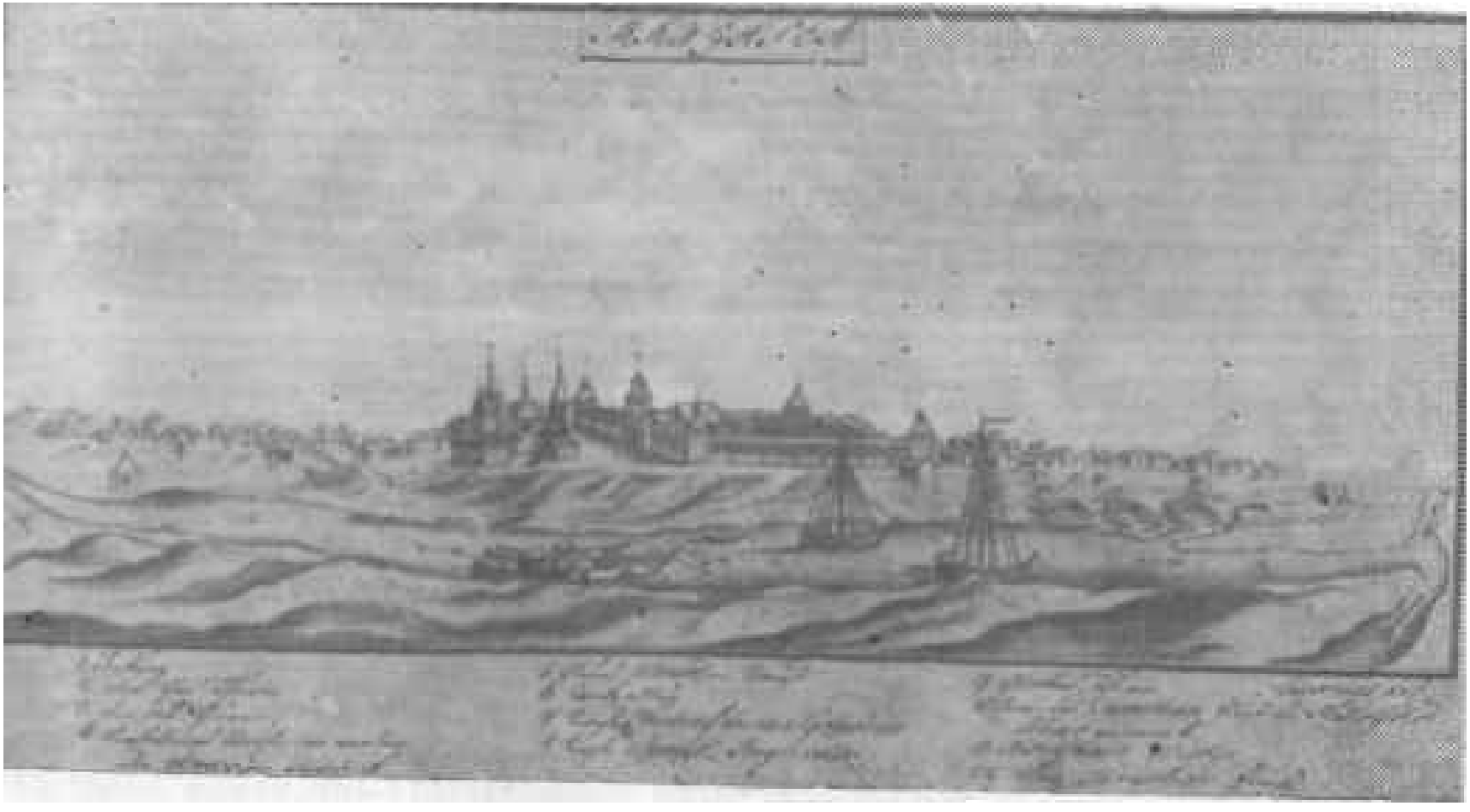
План **Мангазеи**. *По раскопкам 1947 г. Из книги «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института материальной культуры», т.* **XXI, 1947** *г. 1 — сохранившиеся срубы домов; 2 — камни от очага;* **3 — бревна;** *4 — ямы, оставшиеся от построек; 5 — плохо различимы следы построек; 6 — сваи; 7 — канавка от срубов стены; 8 — граница кладбища*

В 1625 г. была построена новая крепость. Расположенная на самом высоком месте крепость господствовала над посадом. Она имела форму, близкую к квадрату, со сторонами по 70 м, в стенах были четыре угловые и одна проездная башни.

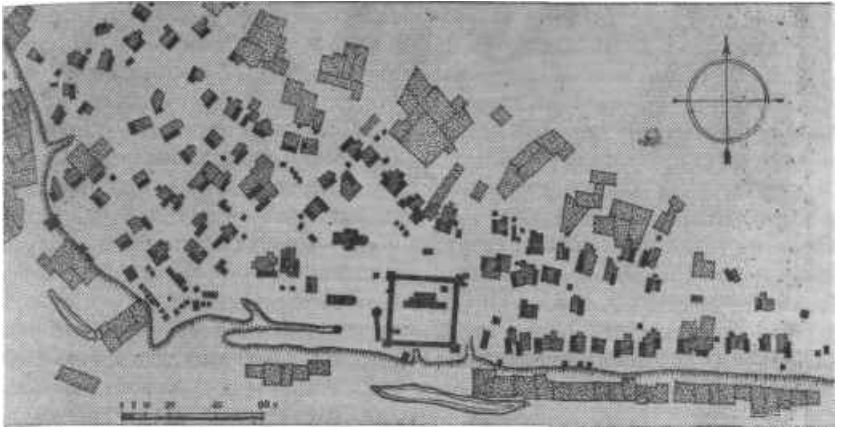
Проведенное обследование определяет площадь посада около 10 тыс. м², где до одной трети территории занимали нежилые постройки. На жило» территории отмечены остатки 60—70 домов. Вероятно, их и не могло быть больше, так как, исключая улицы, на

План Мангазеи. По раскопкам 1968 г. Из журнала «Наука и жизнь», 1969 г, № 7
I — торгово-ремесленные постройки посада; II — комплекс воеводского двора; III — район Ратиловской башни; IV — район Успенской башни, Спасской башни и восточной стены; V — Успенская церковь; VI — Троицкая церковь; VII — ремесленный комплекс с литейными мастерскими; VIII — литейная мастерская и жилой дом; IX — жилое помещение ремесленников; X — предполагаемая часовня; XI — езжая изба; XII — постройка на окраине посада 1 — площади раскопов; 2 — постройки; 3, 4 — местоположение разрушенных стен и башен; 5 — остатки острожных стен; 6 — следы очагов; 7 — следы построек; 8 — номера раскопов; 9 — остатки причала; 10 — песчаная коса; 11 — русло р. Таз; 12 — песчаный каменистый пляж; 13 — полоса леса; 14 — заболоченный кустарник; 15 — луг и растительность; 16 — кусты и лишайниковая растительность

Новая Мангазея. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»



Панорама Новой Мангазеи. 1739 г. Рис, И. Люрсениуса. ААН



План Новой Мангазеи. 1781 г. ЦГВИА

двор в среднем едва приходится 100 м^2. Большинство домов состояло из одной-двух клетей, иногда жили в подклетах и, таким образом, если население дома состояло из 6—8 человек, то на всем посаде жило 400—500 человек. Если же прибавить не-

многочисленных обитателей крепости и жителей других казенных и торговых построек, то и при этом Мангазея едва ли насчитывала 600 человек постоянного населения. Многие служивые люди и промышленники не имели семей, и, по-видимому, посад

***План** Новой Мангазеи начала XIX в. ЦГИА*

был общежитием для охотников *за* соболем. Порой их здесь оставалось зимовать до 1000 человек, и, возможно, постоянные «газовские жители» имели специальные помещения для размещения временных постояльцев.

Мангазея была застроена домами «а высоких подклетах с летними надстройками затейливых форм и богато украшенных резьбою и живописью. Выделялся большой дом воеводы Палицина. В руинах гостиного двора обнаружены остатки циферблата больших часов, по-видимому, висевших на башне. На посаде возвышались шатры часовни Василия Мангазейского и двух церквей — Макария Желтоводского и Успенской. Их формы, как впрочем, и формы жилых домов с крытыми дворами, а также других построек, повторяли образцы архитектуры русского Севера, откуда пришло в Мангазею население.

С 1630-х годов для Мангазеи начинается время упадка. Еще идет добыча соболя, но основные промыслы сосредоточиваются на Тунгуске и Енисее. На дороге между ними и Мангазеей стояло Туруханское зимовье, постепенно преобретавшее все большее значение. Удар Мангазее был еще раньше нанесен и закрытием морского пути. Тобольский воевода боялся проникания иностранцев, да и тяжелые кочи часто тонули в бурных водах Обской губы. Хлеб оказалось удобнее возить из Енисейска. Это усилило позиции зимовья, его стали называть Новой Мангазеей. Долго Москва не соглашалась на перевод туда центра края, но не строилась и сама Мангазея.

В 1631 г. мангазейский посад был основательно разрушен в междуусобной войне воевод Г. Кокорева и А. Палицина. Первый опирался на казаков, второй — на жителей посада, протестовавших против непомерных

поборов. Гостиный двор и многие дома стояли в руинах.

Вопрос о целесообразности управлять уездом из Туруханского зимовья ставился в 1635, 1640 и особенно в 1642 г., когда Мангазея сгорела, но Сибирский приказ стремился сохранить административные функции за старым городом. Спустя три года, когда воевода Ухтомский получил указание по погорелым местам поставить острог, гостиный двор и амбары, он вынужден был ответить, что имеет всего 15 служивых людей и те «бедны и голодны, и торговых людей мало» [66]. Только в 1664 г. разрешено было искать новое место для города и, как желательный пункт, указывалось устье нижней Тунгуски и Енисея, где с 1660 г. существовал Туруханский Троицкий мужской монастырь. Стоило Сибирскому приказу сдать позиции, как в 1672 г. мангазейские воеводы переехали в Туруханское зимовье, где и был построен город, получивший 5 башен и стены общей длиной в 312 м. Его ставили енисейскиеплотники.

Со строительством крепости и переездом воеводы зимовье стало городом. Первое время он назывался Новой Мангазеей, а затем Туруханском. Город расположился на Никольской протоке (по местному — шаре) р. Турухана в 28 верстах от Енисея. На приподнятой площадке бессистемно разместились дома с крытыми дворами. Береговая зона была выделена для гостиного двора, церквей и казенных зданий. Имеется изображение Новой Мангазеи Семена Ремезова, два плана города 1730-х годов и панорама этого же времени. Планы весьма схематичны и могут ввести в заблуждение геометричностью кварталов. Более убедителен чертеж 1781 г. С еще большей точностью ситуацию застройки Туруханска характеризует план начала XIX в. Согласс-

но этому плану, в неправильной сетке улиц прослеживается ряд продольных, криволинейно изгибающихся направлений, вдоль которых группируются дома, образуя в среде застройки довольно большую открытую площадь около крепости.

Город почти не рос и мало изменился за прошедшее столетие. С продвижением русских в бассейн р. Лены туда переместились и промысловики. В 1776 г. стены деревянного города были уже разобраны, но башни еще существовали, а о главной проезжей башне писалось, что она «надежно простоит еще долгое время ибо хорошим искусством построена» [67]. Наиболее древней частью Туруханска, видимо, была застройка восточнее крепости. Она именовалась Кокуем. Сюда и переселялись мангазейские жители.

ГОРОДА НА ЕНИСЕЕ

Енисейск. Основанный в 1619 г. как острог Енисейск вскоре приобрел большое значение. Он стал центром судостроительства, усиливалось его торговое значение. С 1676 г. Енисейск становится городом, ведающим острогами, расположенными вплоть до Нерчинска. С 1719 г. он становится главным городом Енисейской провинции.

Место для первого острога было выбрано на высоком правом берегу Енисея, где за неширокой сухой полосой тянулось болото. Он имел три башни и три стены, а четвертой стороной примыкал к берегу. В 1623 г. в Енисейск приехал первый воевода Яков Хрипунов. Он увеличил острог, прибавив к старой стене по 10 сажен во все стороны, окружил его рвом и построил башни.

В 1626 г. воевода обратился с призывом к промысловым и «гулящим» людям «ехать в Енисейский острог

надежно», сообщив при этом о сделанных им больших запасах хлеба.

Енисейский посад складывался за речкой Мельничной или Толчейной, в устье которой была заложена верфь, а в 1623 г. основан Крестовоздвиженский женский монастырь. Рядом поселились плотники, казаки и другие жители. Южнее монастыря, у болота, построили свои плавильные печи железоделатели, бронники и пушкари.

В 1626 г. возникла военная опасность, и воевода Андрей Ошанин «для приходу киргизских и тюлькинских людей сделал к острогу новый острог и ров круг острогу выкопал и надолбы круг острогу поставил крепкие и башню новую и ворота проезжие сделал и старый острог укрепил» [68]. Западнее острога на приподнятой над болотом площадке в 1640 г. был основан Спасский мужской монастырь, а неподалеку от него поставлен огороженный тыном хлебный запасный магазин.

Первый городской острог был невелик. На его территории располагались «...церковь Введения Пресвятой Богородицы да денежный да соболиный анбар да хлебных 2 анбара да съезжая да таможенная изба да воеводский да гостиный двор да подле съезжей избы под окнами тюремная изба в тыну, а за острогом блиско... церковь Богоявления Господне, где под церковью и под трапезой... кладут соль и хлебные красноярские запасы» [69]. Указание на местоположение Богоявленской церкви (сохранявшейся в каменной перестройке до недавнего времени) дает основание считать, что острог был расположен между ней и речкой Мельничной.

Этот острог смыт сильным наводнением 1649 г. Новый был построен в 1651 г. воеводой Афанасием Пашковым, разместившим его на запад от прежнего. Известно, что в этом остроге было 8 башен и Богоявленская

Енисейск. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

Панорама Енисейска. Гравюра Е. Федосеева 1770 г. по рис. И. Люрсениуса

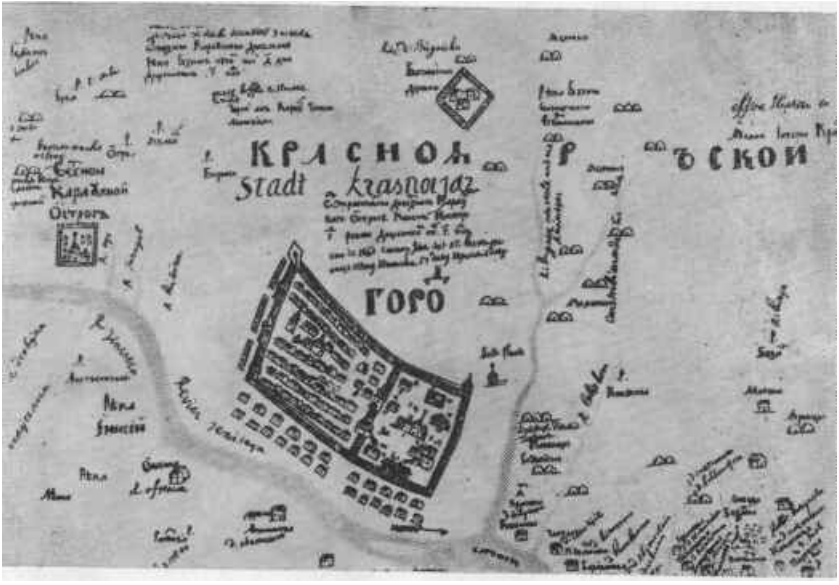
План Енисейска 1770-х годов. ЦГИА

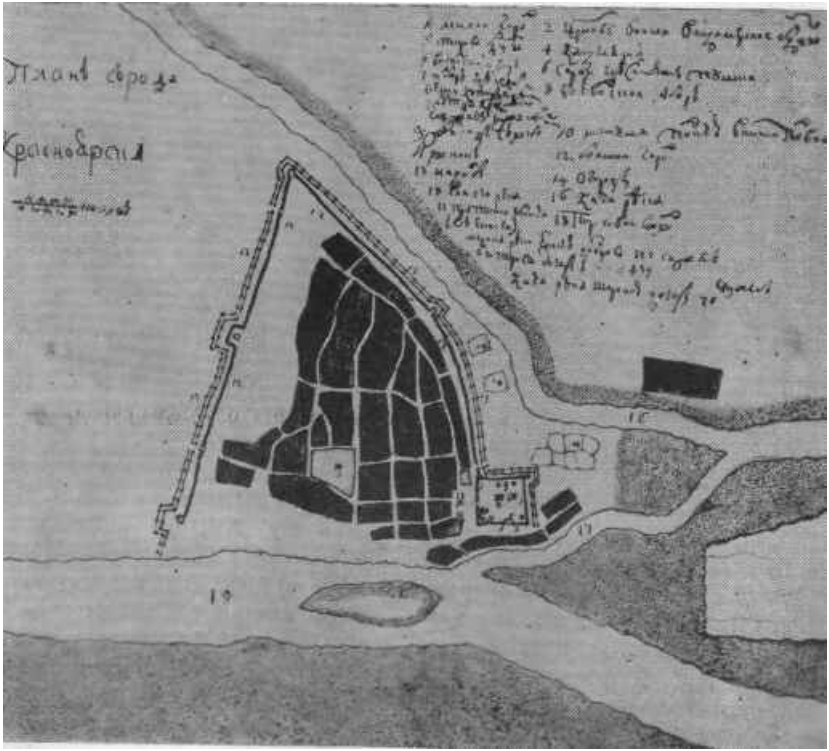
церковь, что соответствует и рисунку Семена Ремезова. Острог получил прямоугольную форму с башнями по углам. Кроме того, северная и восточная стены имели по одной, а южная, где был главный въезд, — две башни, главная из которых Спасская. Неподалеку от нее находились огражденная тыном тюрьма и приказная изба, крышу которой украшал государственный герб. В городском остроге стояло и несколько жилых домов. Небольшая слободка находилась и вне

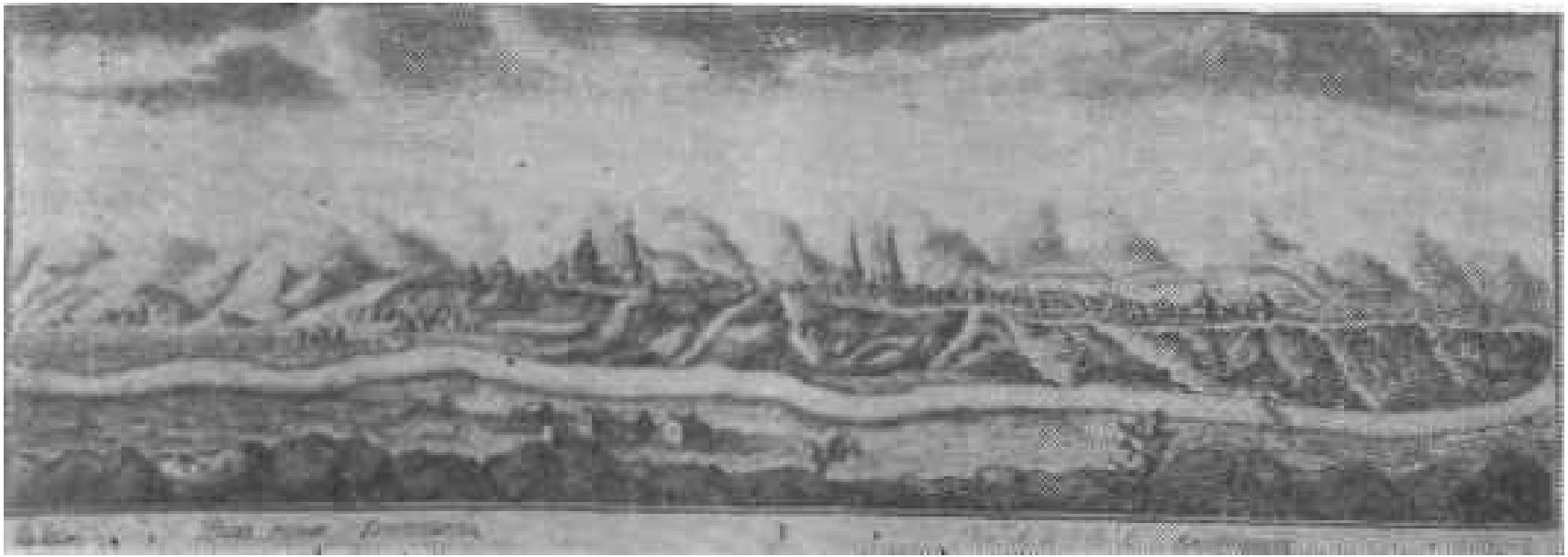
его стен, но основная часть населения жила за речкой Мельничной.

В 1667 г. посад вместе с Рождественским монастырем был огорожен острожной стеной с 6 башнями.

К концу XVII в. процветающий Енисейск становится торговым центром, через Маковский волок сюда шли товары для всего Приангарья и Забайкалья; в 1698 г. воевода получил указание построить в Енисейске большой гостиный двор и амбары для судовых припасов, хлеба и соли. Наме-


КРАСНОЯ
Stadt Krasnojarz
ГОРО
Остроги


План города
Красноярск



Панорама Красноярска. Гравюра А. Я. Колпашникова 1770 г. по рис И Люп-сенциуса

Красноярск. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

чена была большая программа и каменного строительства. Но в Енисейске не было мастеров.

Город рос. В начале XVIII в. в нем насчитывалось 4000 жителей. В 1710 и 1711 гг. в Енисейск были присланы один из взбунтовавшихся стрелецких полков и украинские казаки. Помимо посада за речкой Мельничной застройка велась южнее и западнее острога. В 1733 г. начали строить новую острожную стену с восемью башнями.

За пределами острога сложился большой посад с гостиным двором, таможенной избой, ратушей, двумя соляными амбарами для судовых припасов, пороховым погребом, хлебными амбарами, Спасским и Рождественским монастырями, рядом церквей и 704 жилыми дворами. В эти годы зародилось два новых района Енисейска: на юге, там, где речка Скородум впадает в Мельничную, — слобода Бараба; севернее, за Лазаревкой, где была отличная кедровая роща, казачий голова Алексей Самойлов построил кожевенный завод и Каштачную слободу на 17 дворов. На Красноярской дороге за мостом разместилось подворье Туруханского Троицкого

◀ *План Красноярска. 1739 г. ААН*

монастыря. В 1761 г. Енисейск имел уже 825 дворов с населением 6500 человек.

В середине XVIII в. внешняя острожная стена была продолжена по берегу Енисея и сомкнулась с башней в устье Мельничной речки. Теперь вся ее длина составляла 6 км.

Примечательно, что параллельная Енисею дорога проходила через весь город и объединяла его территории, разделенные речкой Мельничьей. Это вносило организующее начало в нерегулярную планировку города. Вторая половина XVIII в. — время расцвета города, по-прежнему остававшегося важным пунктом транзита всех грузов, идущих на восток и в обратном направлении. В Енисейске ежегодно проводилась знатная на всю Сибирь ярмарка, куда съезжалось купечество из среднерусских городов и даже Средней Азии и Кавказа. Славился Енисейск и своими изделиями из железа, потомки бронников и пушкарей делали искусные топоры, сошники и другие обиходные изделия, торгуя ими со всей Сибирью.

Красноярск. В начале июня 1628 г. Андрей Дубенский, Иван Астраханцев, Емельян Тюменцев и Иван Коль-

цов с тремя сотнями казаков поставили на стрелке рек Енисея и Качи «городок дощатый» из разобранных судов. Его укрепили надолбами и продолжили их до берега Енисея, где была пристань. Мощная река надежно прикрывала его с юга, а *за* Качей лежали покрытые лесом горы.

Острог строили с 6 по 28 августа. Острожная ограда получила две проезжие башни. Поначалу острог назывался Новым, или Качинским. Высокий яр Енисея имел осыпь из красноватой глины, поэтому острог стали называть Красноярским.

Появление нового острога вызвало возражение енисейских служивых людей. Они теряли часть ясачных доходов и доказывали, что он не нужен. За Красноярск заступился Томск, ставший с 1629 г. центром уезда. Отмечалось, что с его строительством снизилась опасность киргизских набегов. Острог был оставлен, и в 1639 г. стеной был огорожен и посад. Однако посад не привлекал добровольных поселенцев, был беден и рос медленно за счет ссыльных и служивых людей. Так, в 1671 г. население Красноярска из 568 человек на $^3/_4$, а в 1679 г. на $^2/_3$ состояло из военных. В следующем году Красноярск получил новое ограждение с двумя башнями с полевой стороны.

Со временем стратегическое значение острога снизилось, уменьшилось и число служивого населения, а промысловая деятельность по-прежнему была ничтожной; отсутствовала и торговля. Красноярск конца XVII в. изобразил С. Ремезов. Основанием для восстановления облика раннего города может быть его описание 1739 г., сделанное студентом из группы историка Миллера, а также глазомерный план того *же* года. В 1739 г. на посаде Красноярска были 350 дворов, Покровская церковь, рынок и винный подвал. Впечатление от Красноярска

этого времени передает гравюра середины XVIII в., сделанная по рисункам художников миллеровской экспедиции, она изображает город с Закачинской горы.

В 1748 г. инж. Сергей Плаутин составил первый достоверный план Красноярска. Он же укрепил батареями острожные стены как Малого, так и Большого города и обновил ров, вал и надолбы. Этот чертеж помогает понять изображающий ранний город рисунок Ремезова, где неправильно показано направление р. Качи, в результате чего северные стены острога и посада оказались направленными в поле, а не по берегу этой реки. План города никогда не был прямоугольным и т. д. Красноярск того времени служил примером относительно компактной структуры города, сформировавшегося как система крепости и посада в границах общей острожной стены.

Планировочная сетка улиц представляет сочетание двух взаимопересекающихся направлений: одних, ведущих к крепости, и других — к реке.

Своеобразна общая форма плана города — вынесенный на мыс квадрат крепости и посад, вписавшийся в «развилку» острожной стены, раскрытой в сторону реки.

Сообщение между двумя крупнейшими восточно-сибирскими городами — Енисейском и Иркутском, осуществлявшееся по рекам и волоками, не удовлетворяло всех потребностей, поэтому с начала XVIII в. велись поиски сухопутного пути в обход Ангары через Красноярск, Канск и Нижнеудинск. Дорога была проложена в 1721 г., но пользоваться ею стали позднее, когда появились промежуточные населенные пункты. Это способствовало расцвету города, и в 1761 г. там проживало примерно. 3200 человек.

В 1773 г. Красноярск постиг большой пожар, в котором сгорел острог со всеми постройками, а в посаде осталось всего 30 домов. После пожара застройка города велась регулярными кварталами.

ЯКУТСК — ГОРОД НА ЛЕНЕ

Начало развитию Якутска положили остроги на Лене 1632 и 1642 г., следов от которых не сохранилось.

О первом остроге известно только, что в его стенах было три избы и два амбара «с рублеными нагороднями», ворота с «караульней», а вне острога «по край реки» находилась «отводная караульня». В 1642 г. острог перенесли на новое место. Он стал на берету Лены и пересекался одной из проток. Город развивался вдоль берега, по оси север—юг.

Острог имел ограду общей длиной 709 м, 5 башен, 12 тюрем за плотными тынами с железными трезубцами поверху, воеводский дом, гостиный и аманатский дворы, съезжую избу, Троицкую церковь и государственные амбары. Острог стал обрастать слободами за счет ссыльных (для которых жизнью в Якутске заменялась смертная казнь). Устремились туда и промысловики. В год переноса острога их приехало до 3000 человек. Неподалеку от острога в 1660 г. был основан Спасский мужской монастырь.

У берега Лены, между острогом и монастырем, на острове, ограниченном протокой, жили ссыльные и пленные ливонских войн—поляки, литовцы и немцы. Юго-западнее крепости, на полуострове между второй протокой и берегом Лены, поселились раскольники. Севернее крепости, между первой и второй протокой, жили гости—торговые люди. Существовал еще небольшой посад, где жили дети боярские, казачьи начальники, духовенство и другие знатные служивые лю-

ди. Там были гостиный двор и церковь. В 1670-х годах в Якутске жило около 2000 человек.

Из-за размыва берега, угрожавшего не только стене, но и ряду зданий, воевода Фома Бибиков обратился в 1678 г. в Москву с предложением перенести острог на новое место. На это последовал указ укреплять существующий острог и готовиться к строительству капитальной рубленой крепости «не в один год». Очередной воевода Иван Приклонский выбрал место для нового сооружения в 650 м от берега, и в 1682 г. была построена восьмибашенная крепость с рублеными стенами (**город-кремль**). В 1680 г. поставили и острожную стену, окружив город, и 8 башен, перенесенных из старого острога. Туда спешно перенесли амбары для соболиной казны, пороховой погреб, аманатский двор, дома раскольников, церковных мятежников, «земляную тюрьму», поставили четыре новых запасных амбара, искали воду.

Жители слобод не соглашались переносить дворы к стенам нового, удаленного от воды города; замысел воеводы сделать и здесь слободы со строгим сословным расселением нарушался: «...чтобы... попы с попами, дети боярские с детьми боярскими, сотники с сотниками...» Он хотел «учинить между дворами проезжие улицы, а избы ставить лицом к городу, или как пристойно» [70]. Но только около главных восточных ворот со временем сложилась торговая площадь и улица, основная же масса жителей по-прежнему держалась берега Лены.

В 1700 г. сгорели южная и восточная стены кремля и стоявшая в углу церковь. Стены заменили заборами, а в 1706—1707 гг. в одной из них построили первое каменное здание Якутска — Приказную палату. Позднее на месте сгоревшей деревянной была построена каменная церковь, а

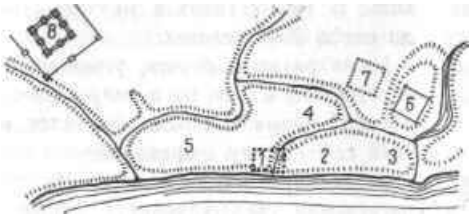


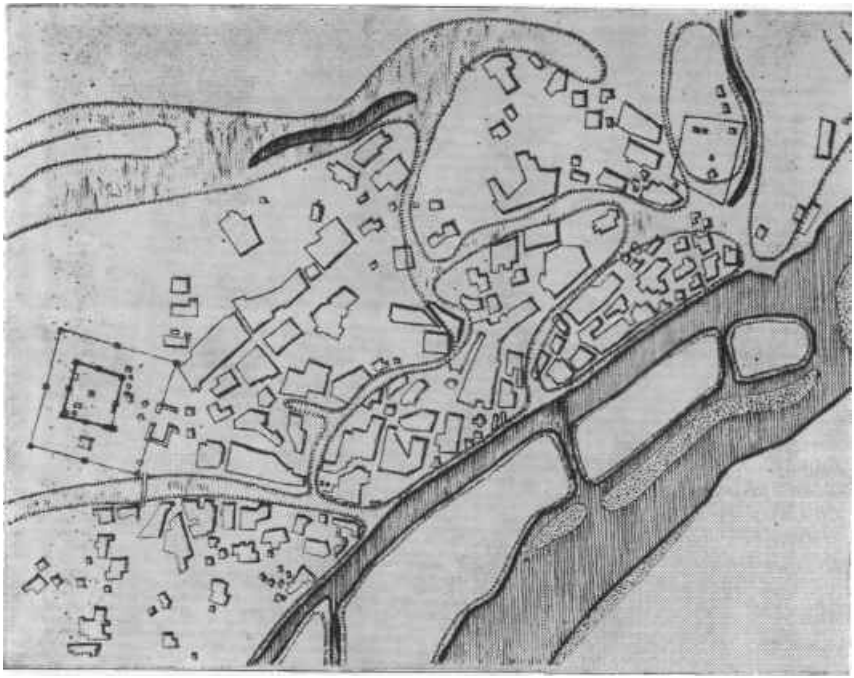
Схема Якутска XVII в. Рис. автора
1 — город; 2 — посад; 3 — слобода пленников ливонских войн; 4 — слобода раскольников; 5 — слобода торговых людей; 6 — Спасский монастырь; 7 — предполагаемое место крепости 1678 г., 8 — новый Якутский город

Якутск. 1701 г. Рис. С. Ремезова из «Чертежной книги Сибири»

Якутской
ГРД
ЯКУ
ЦКОЙ
Р. Лена
Р. Вилюй
Р. Алдан
Р. Тунка
Р. Туймаада
Р. Сатыма
Р. Амга
Р. Чурапча
Р. Мегино-Кангаласский улус
Р. Таттинский улус
Р. Усть-Алданский улус
Р. Горный улус
Р. Намский улус
Р. Усть-Майский улус
Р. Момский улус
Р. Верхоянский улус
Р. Оймяконский улус
Р. Усть-Янский улус
Р. Нижнеколымский улус
Р. Анабарский улус
Р. Булунский улус
Р. Оленекский улус
Р. Эвено-Бытантайский улус
Р. Усть-Алданский улус
Р. Ленский улус
Р. Олекминский улус
Р. Мирнинский улус
Р. Нюрбинский улус
Р. Сунтарский улус
Р. Хангаласский улус
Р. Кобяйский улус
Р. Верхнеколымский улус
Р. Среднеколымский улус
Р. Аллаихов

Панорама Якутска. Гравюра А. **Рудакова** *1770 г. по рис. И.* **Люрсениуса**

План Якутска. 1766 г. А. Турчанинов. ЦГИА



План Якутска середины XVIII в. Реконструкция автора

по обе ее стороны были небольшие отрезки каменных стен.

К 30-м годам XVIII в. Якутск имел уже значительное поселение, расположенное по берегу р. Лены и ее протокам между новой крепостью (кремлем) и Спасским монастырем (1664 г.). Разбросанные без всякой системы постройки соединялись несколькими кривыми улицами. К этому времени *в* крепости стояли воеводский дом, три двухэтажных амбара для казенных припасов, каменный пороховой погреб, а в остроге (посаде) — таможня, четыре винных подвала, четыре амбара для «железных припасов», кузница и тюрьма, окруженные отдельной оградой. У главных ворот острога сложилась торговая площадь и стояла Николаевская церковь, а за Спасским монастырем в острожной стене расположились пять амбаров

Охотской экспедиции. Городская застройка распространилась за южный проток, где образовалась слобода с Рождественской церковью. В Якутске этого времени было 248 жилых домов и 98 деревянных юрт.

В 1766 г. якутский воевода получил указ о составлении плана города и поручил это сделать преподавателям навигационной школы геодезии поручику Чемесову и учителю Андрею Турчанинову. В 1769 г. было составлено «Географическое описание города Якутска с уездом» [71]. Из него поясняется, что город тянулся вдоль берега Лены на 2 км, а поперек имел 612 м. Там было 402 жилых двора и гостиный двор на 100 лавок. В крепости стояла 31 казенная постройка, а на посаде были ратуша и даже обсерватория (построенная в 1769 г.), дом казачьей команды, двор для про-

дажи виноградных вин, школа, госпиталь и богадельня. Всего 628 казенных и частных построек. В Якутске, по сведениям 1811 г., было 360 жилых домов с населением 2831 человек. Город почти не рос. Развивалось только церковное строительство. В конце XVIII в. здесь были построены каменные Рождественская и монастырская Спасская церкви (начата в 1786 г. и окончена к началу XIX в.). В 1756 г. была построена, а в 1770 г. перестроена деревянная церковь Михаила Малеина. К концу XVIII в. Якутск представлял собой планировочно неорганизованную застройку с запутанной сетью криволинейных улиц и большими пустотами у ложбин старых протоков и в сырых местах. Характерной особенностью города являлось фланкирование бессистемной селитьбы с двух сторон крупными комплексами: Спасским монастырем на севере и новой крепостью на юго-западе.

ГОРОДА НА ЮГО-ВОСТОКЕ СИБИРИ

Илимск. В 1631 г. Илимск возник как зимовье; через 18 лет, в 1649 г., стал центром самостоятельного воеводства, но уже к 1730-м годам начинается спад и с 1775 г. Илимск перестает считаться городом.

Быстрое вначале развитие Илимска объясняется его выгодным положением — зимовье было поставлено на правом берегу р. Илима при Сумине ручье; отсюда на восток шел волок на р. Муку, а по ней добирались до Усть-Кутского зимовья по Лене. С основанием Якутского острога значение волока еще более возросло, и в 1647 г. на месте зимовья был построен приказчиком Григорием Демьяновым острог. Он состоял из ограды и двух башен — главной с воротами на юго-западном углу и глухой в севе-

ро-восточном. В остроге находились Спасская церковь, воеводский двор, съезжая изба, таможня, гостиный двор, житница, амбары для соли, ясака, атаманская изба и тюрьма. У стен острога образовался небольшой посад.

В 1649 г. в Илимский острог приехал первый воевода Тимофей Шушерин. В 1656 г. в илимском посаде было 65 дворовых мест. Около острога поселились пришедшие с воеводой служивые люди и плотники, ставшие одной из заметных групп населения. Здесь делали суда для сплава грузов, шедших с волока в Енисейск.

В 1667 г. начался новый этап в истории Илимска. После большого пожара воевода Аничков предложил построить крепость на другом месте, так как старое место, находящееся между высокими каменными «невъезжими» горами было невелико и неудобно. Новое сооружение площадью 264X85 м с 8 башнями было возведено в 640 м от пепелища. Одновременность создания комплекса крепостных сооружений и казенных зданий обеспечили архитектурное единство ансамбля. Постройка свидетельствовала и о мастерстве подъячего илимской съезжей избы Никиты Лазарева, руководившего всеми работами. В 1694 г. воевода Григорий Грибоедов при помощи боярского сына Ивана Качина заново переставил стены, а на башнях перекрыл кровли.

Значительное число описаний и графических материалов, дополняющих друг друга, позволяют составить представление об этом характерном памятнике градостроительной культуры Сибири конца XVII в. Малый город (острог) делился на две части — в западной размещались все казенные здания, в восточной — воеводский двор. В центре первой, официальной, половины острога находилась Спасская церковь. Караульная изба

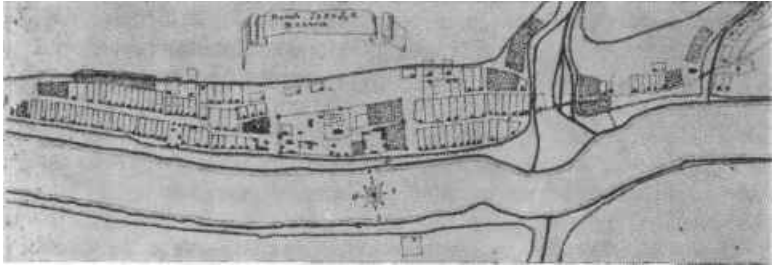


Схема плана Илимска. Начало XVIII в. Реконструкция автора

•с прирубленной к ней тюрьмой стояли при входной башне в острог. По правую сторону от башни находились гостиный двор из 20 лавок, таможенная изба, часовня, амбары, пороховой погреб, приказная изба.

Воеводский двор представлял комплекс построек. Перед усадьбой и позади нее были сады, а воеводский огород располагался по другую сторону дороги, там же находился и скотный двор.

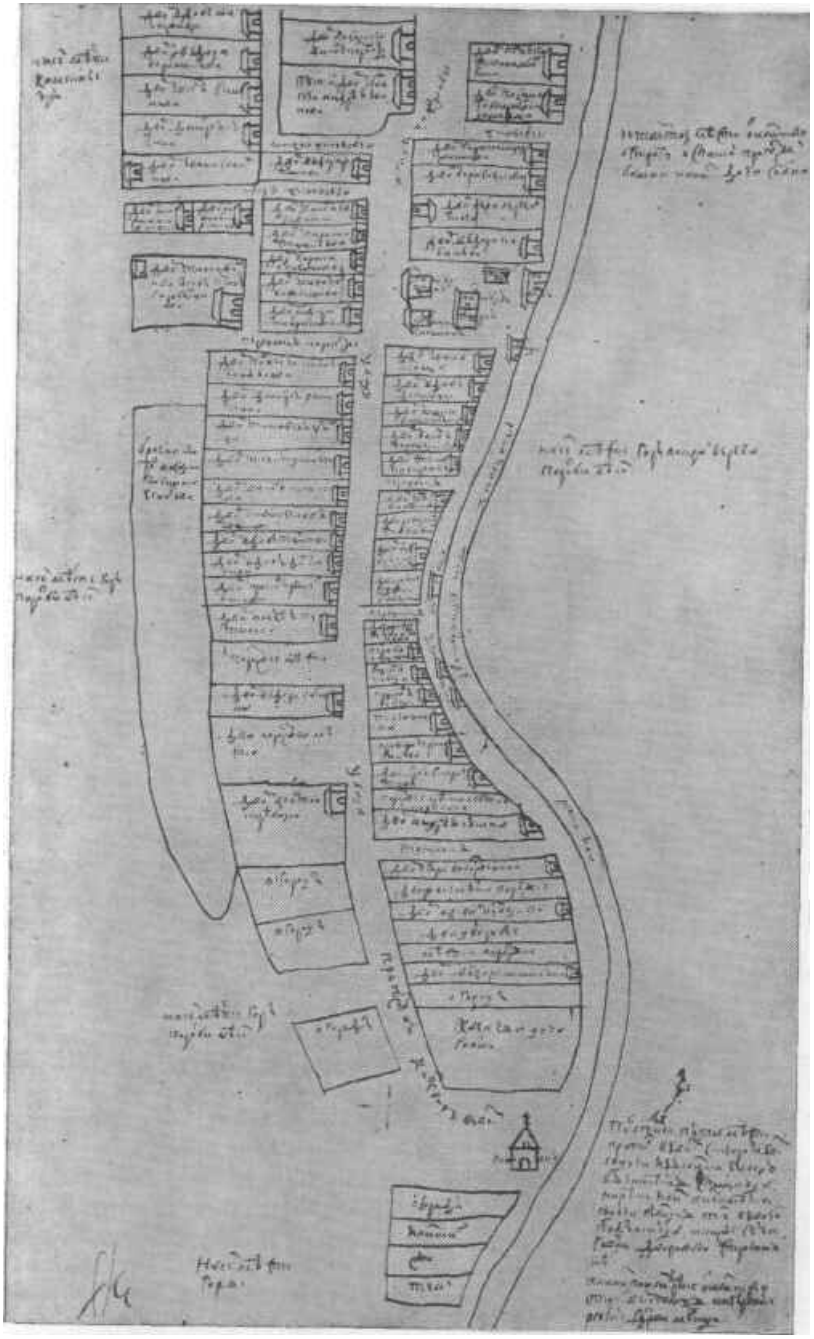
На посаде, перед башней Спасских ворот, размещалась площадь с двумя торговыми постройками и Казанской церковью. Неподалеку от Спасских ворот находились часовня и перевоз через Илим. Застройка велась по Енисейской дороге и вдоль набережной, где была площадь, стояли

пивоварня с погребом и торговыми избами и еще одна «светлица, где продают государев табак». За этой площадью участки вдоль набережной и по главной улице резко меняют свои размеры. Многие из них едва имеют 11—13 м по фронту.

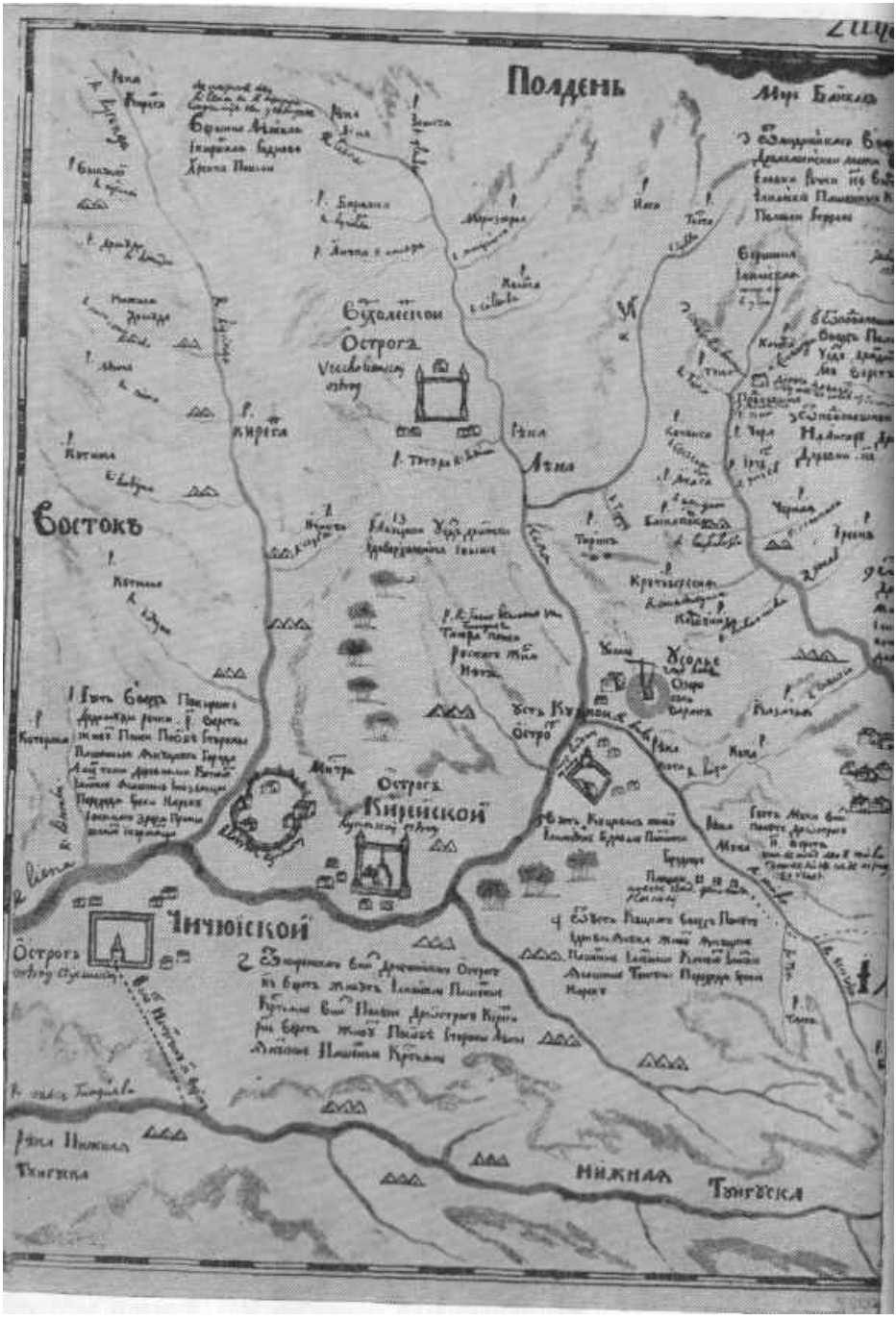
Восточнее острога также сложился небольшой посад по Веденской улице и набережной. Здесь жили наиболее знатные илимцы, а за ручьем вдоль дороги на волок находились огороды и отдельные усадьбы. На месте первого острога стояла Введенская церковь и несколько жилых дворов. Отсюда шла волоковая дорога, отмеченная двумя часовнями.

Проект реконструкции плана Илимска, составленный автором, дает представление об очень простой планиро-

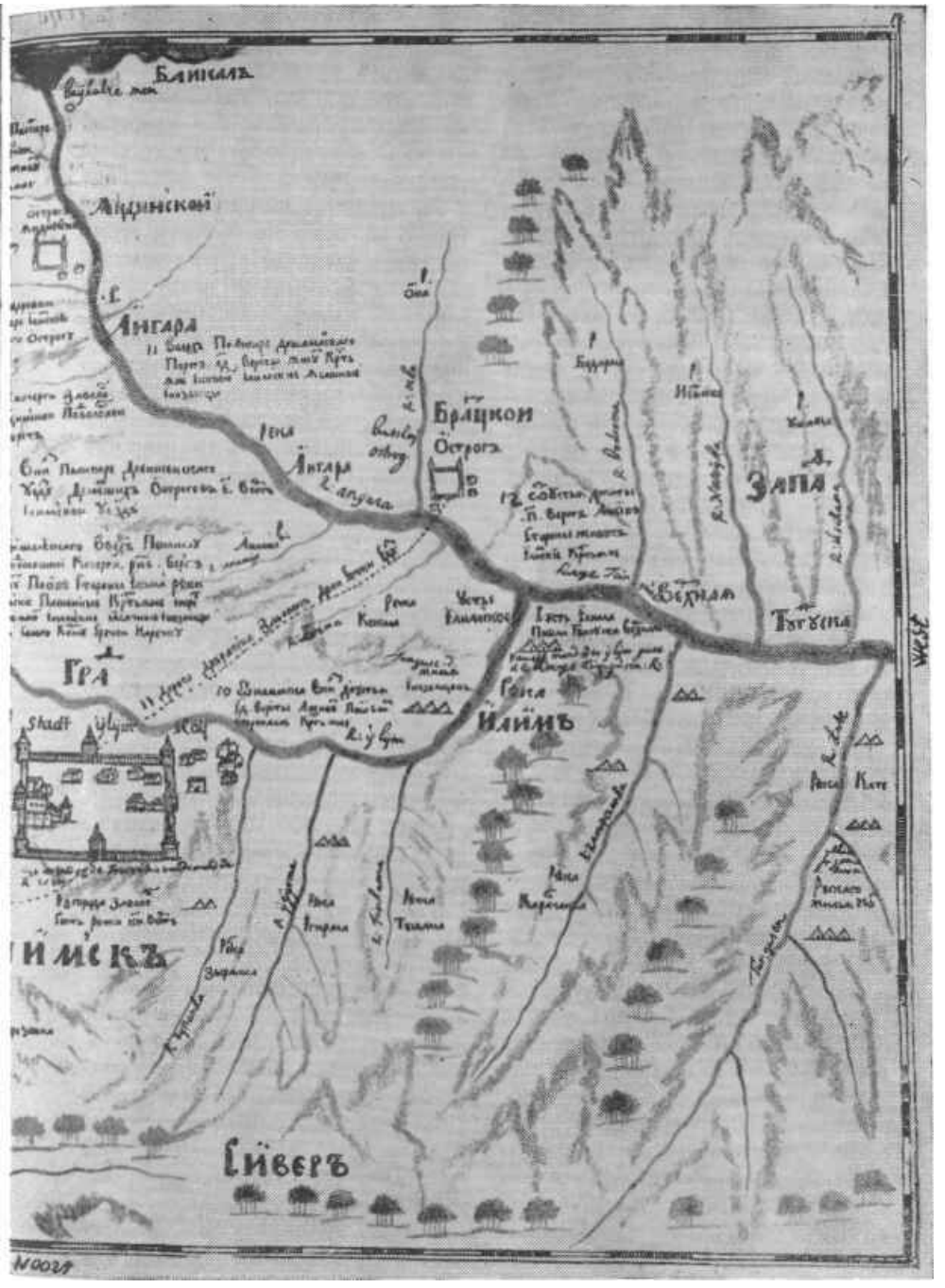
Панорама Илимска. 1736 г. Гравюра Е. Федосеева 1770 г. по рис. И. Люрсениуса



Фрагмент плана Илимска. 1703 г. ЦГАДА



Илимск и соседние остроги. Рис. С. Ремезова



из *«Чертежной книги Сибири»*

вочной структуре города. Основой ее являлись два почти параллельных друг другу направления — по берегу реки и внутри территории, вдоль которых протянулись сплошные полосы участков — дворовых владений, не расчлененных улицами.

Центральное положение в плане города занимал Малый город, к выездным башням которого подходила Енисейская дорога.

Спад в развитии города начался в связи *с* устройством новой дороги на Лену через Качуг и Иркутск. Если в начале XVIII в. в илимском посаде было 103 жилых двора с населением около 500 человек, то в 30-х годах XVIII в. там осталось 77 дворов. В 1763 г. Илимск постигло большое наводнение.

В 1792 г. ветхие дома крепости продавались на снос, а на месте старого воеводского двора построил себе дом сосланный в Илимск Александр Радищев. Илимск имел облик затерянного в лесистых горах захолустного поселка и к 80-м годам XIX в. имел 94 дома и около 500 человек жителей.

Нерчинск. Основанный в 1643 г. острог со временем приобрел важное значение центра воеводства, ведавшего русскими поселениями на Амуре.

Острог стоял на повышенной террасе поймы рек Нерчи и Шилки; известно, что в 1688 г. он был сильно поврежден наводнением, вследствие чего стольник Федор Головин, уезжая из Нерчинска в 1689 г., велел его перестроить.

Новый острог-крепость, возможно, повторял по очертаниям и размерам прежний, представляя в плане неправильный прямоугольник, длинной стороной прилегая к болотистой пойме р. Нерчи. На углах острога стояли глухие башни, а на каждой из сторон находились проездные башни. Под защитой стен располагались вое-

водский двор с пивоварней, пушечный сарай, канцелярия, каменный пороховой погреб, вдоль восточной стены стояло 7 или 8 запасных магазинов и несколько в других местах крепости, а также главный цейхгауз в ее северо-западном углу.

Строительство шло медленно, и к 1699 г. город не был достроен. Долгое время население острога бедствовало. Скудные урожаи здесь чередовались с длительными недородами» Заселение острога и окрестностей велось принудительно, ссыльными. Только с 1683 г. по пути на Амур стали прибывать вольные переселенцы, некоторые из них осели в Нерчинске. К концу XVII в. в городе жило около 1000 человек.

После заключения пограничного договора с Китаем стала налаживаться караванная торговля, и Сибирский приказ решил поставить в Нерчинске каменный гостиный двор и кремль.

Первые каменные постройки в Нерчинске появились в 1712—1720 гг., когда были воздвигнуты городской Троицкий собор и Успенская церковь мужского Успенского монастыря, основанного в 1706 г. за р. Шилкой.

В 30-х годах XVIII в. в связи с плохой обороноспособностью Нерчинска была построена новая крепость. Место для нее было выбрано военными инженерами Семеном Немцовым и Иваном Титовым.

Конфигурация новой крепости, включившей в себя Троицкий каменный собор, а также расположение башен повторяли прежнюю, но в увеличенных размерах. Территорию города с небольшим числом разновеликих и неправильного очертания кварталов пересекали дороги в Читинский острог и на Аргунские заводы.

В 1750 г. по проекту инж. Боборыкина построили новую крепость, поставив ее ближе к старой (1684—1699 гг.), длинной осью перпендику-

лярно к реке. Город огородили полисадом высотой 3,2 м. В 1785 г. в городе стояло 150 домов.

В весенние паводки Нерчинск заливался, а после того, как река переменила русло и приблизилась к городу, вода стала обрывать береговые кварталы. Встал вопрос о переносе города на другое место. Один из его начальников в 1787 г. писал про город, что он «едва ли не самый последний во всей России и состоит из одной только **тлени»** [72], и указывал, что все казенные и частные дома ветхи, расставлены в беспорядке, что при наводнениях отходящая вода и дождевые потоки с гор сделали «водомоины» и просил разрешения перенести город на другое место, что вскоре и было сделано.

Иркутск. Ставший с 1719 г. центром провинции Иркутск считался городом с 1683 г. Существовавший до тех пор Иркутский острог был основан Яковом **Похабовым** в 1661 г. на высоком берегу р. Ангары против устья р. Иркута.

На востоке место, выбранное для острога, ограничивала широкая пойма разветвленного устья р. **Инды**. На западе, где Ангара, отойдя от древнего берега, делала крутой поворот, лежала сырая, поросшая лесом низменность. Южнее острога протекала речка, разливавшаяся у стен крепости в озеро.

Острог имел стены длиной 98 м с башнями, число которых неизвестно.

В 1668 г. была построена новая иркутская крепость (острог), получившая четыре угловые и три степные проезжие **башни,** а вместо четвертой был поставлен амбар.

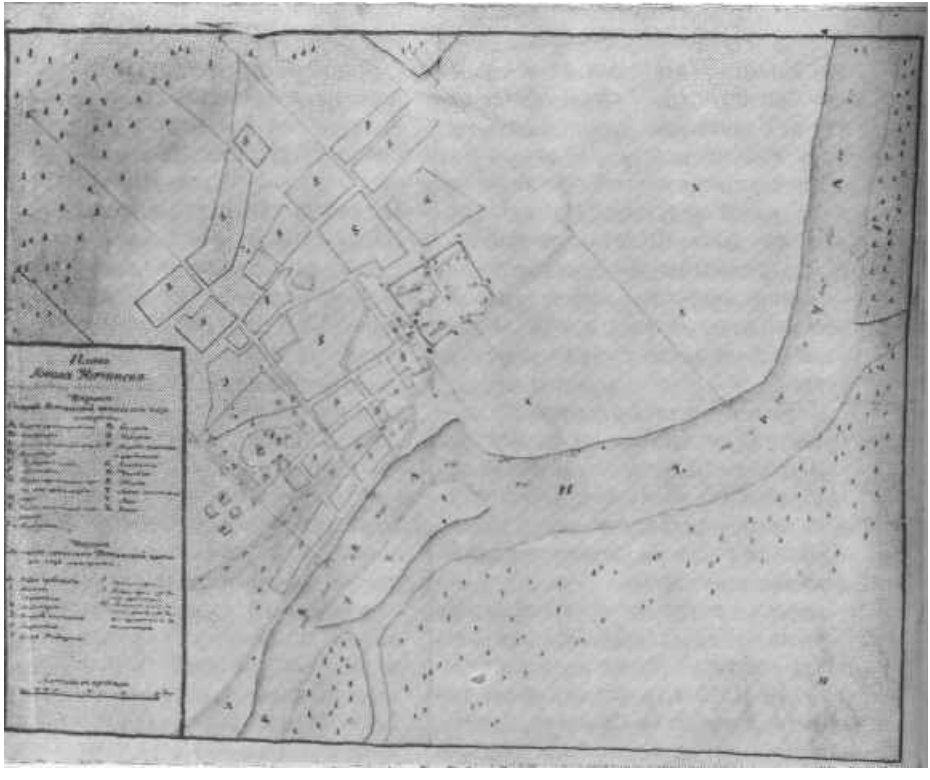
Ворота в северо-восточной стене острога вели на посад, который вместе с крепостью был окружен надолбами. В 1672 г. в остроге была построена деревянная Спасская церковь. Строителями крепости были Андрей

Барнаулев и енисейские плотники Федор Хлызов (староста артели), Трифон Никифоров, Григорий Щукин, Иван Радионов и Семен Яковлев.

Выше острога в четырех верстах, на левом берегу Ангары, в 1672 г. был основан Вознесенский мужской монастырь. Несмотря на то что Иркутская крепость с 1683 г. стала городом, его посад рос медленно. В 1681 г. там жили 44 казака, 27 посадских и присланные в 1686 г. «пашенные крестьяне» в 32 дворах. Поблизости от русских селились буряты и эвенки. В самом городе (кремле) шло небольшое строительство: в 1684 г. в острожную стену была встроена приказная изба. Под папертью Спасской церкви устроено «6 лавок о двух жильях». Поставлена шатровая колокольня, под которой также были устроены четыре лавки и церковный казенный амбар. В северную стену встроен воеводский двор.

В 1693 г. Иркутская крепость была перестроена: острожную стену заменили рубленой с шестью башнями и рядом встроенных зданий. В 1698 г. на Иркутском посаде была построена Богоявленская церковь, а за речкой Индой (позже получившей название Ушаковки) основан женский Знаменский монастырь. Таким образом, к концу XVII в. город состоял из крепости (кремля), посада, двух монастырей, и на левом берегу Ангары начала складываться Глазовская слобода.

На рубеже XVII и XVIII вв. Иркутск заметно растет, и к концу века здесь уже жило примерно 30 000 человек. Новые пришельцы селились на посаде, который, прилегая к Ангаре, развивался в трех возможных направлениях, обволакивая крепость. В конце XVII в. в Иркутск были переведены казаки из Туринска, Сургута, Верхотурья и Березова, вместе с ними здесь стало 428 служивых. По то-

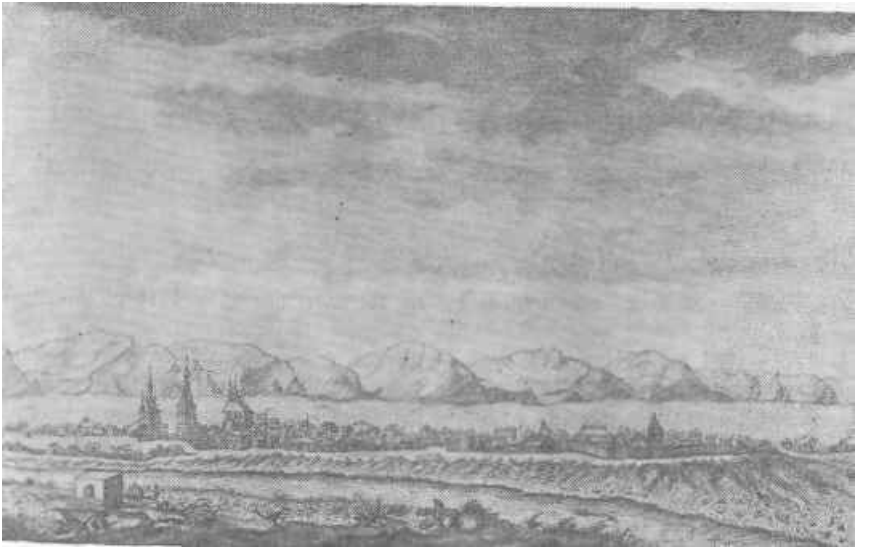


Нерчинск. Панорама конца XVII в. Из книги И. Идеса «Трехлетнее путешествие в Китай», 1710 г.

План Нерчинска. 1728 г. С. Немцов. ЦГВИА

План Нерчинска. 1735 г. ААН

Панорама Нерчинска. Гравюра Н. Челнокова 1770 г. по рис. И. Люрсениуса



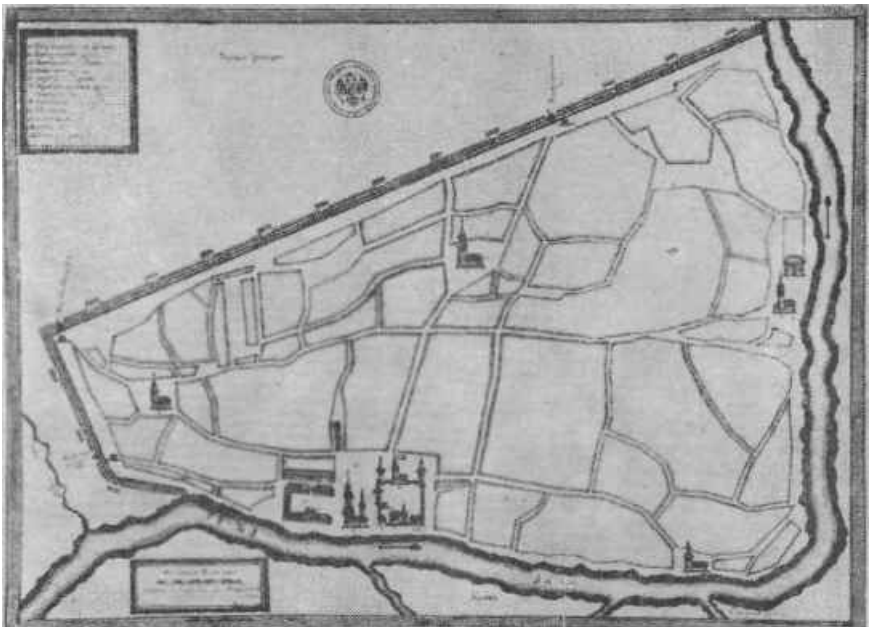
ГРАДЪ
ИРКУТСКОЙ
Ангара
Ангара
Ушаковская
Знаменская
Троицкая
Спасская
Никольская
Воскресенская
Преображенская
Иерусалимская
Вознесенская
Богоявленская
Рождественская
Успенская
Введенская
Покровская
Знаменской
Троицкой
Спасской
Никольской
Воскресенской
Преображенской
Иерусалимской
Вознесенской
Богоявленской
Рождественской
Успенской
Введенской
Покровской
Знаменский
Троицкий
Спасский
Никольский
Воскресенский
Преображенский
Иерусалимский
Вознесенский
Богоявленский
Рождественский
Успенский
Введенский
Покровский
Знаменская
Троицкая
Спасская
Никольская
Воскресенская
Преображенская
Иерусалимская
Вознесенская
Богоявленская
Рождественская
Успенская
Введенская
Покровская

му времени это был значительный гарнизон.

В 1701—1704 гг. в Иркутске было построено первое каменное здание — Приказная палата. Ее возвели на берегу Ангары около северо-восточной угловой башни, *а* в 1706—1710 гг. в юго-восточной стене была построена каменная Спасская церковь.

Следующие изменения в кремле бы-

ли вызваны пожаром 1716 г., уничтожившим городские стены между каменной церковью и Приказной палатой. Новый кремль получил размеры 137Х147 м. Его береговую стену несколько отодвинули, и весь острог сместился в северо-восточном направлении примерно на 20 м, число башен осталось прежнее. О состоянии посада в 1716 г. известно, что «оный... ни-



План Иркутска. 1729 г. М. Зиновьев. ЦГАДА

Панорама Иркутска 1735 г. Рис. И. Люрсениуса. ААН

какого стенного укрепления не имеет, но в таком находится состоянии, как простое село. В нем находится жителей более 300 семей и живут они в деревянных дворах из цельных бревен с вышками и чердаками сделанных...

Молитвенных храмов имеется здесь пять, также находятся в городе и торговые лавки с разными товарами» [73]. В 1728 г. был поставлен внешний полисад. Его стена длиной 2257 м и высотой 3,3 м шла по направлению

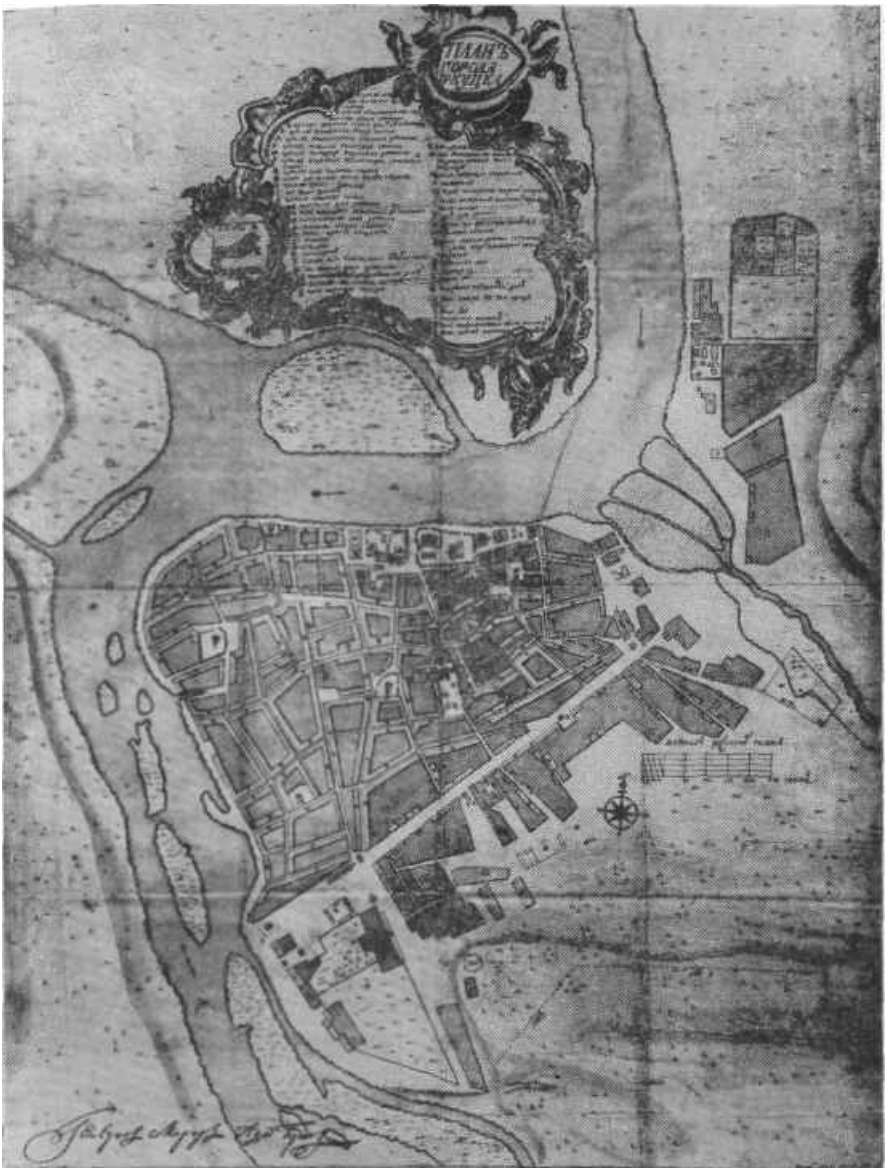
План Иркутска конца XVIII в. Реконструкция автора

План Иркутска. 1768 г. М. Турчанинов. ЦГВИА

современной улицы Карла Маркса от Ангары к Ушаковке и после излома вновь подходила к Ангаре. Полисад был укреплен 14 равномерно расположенными редутами и имел трое ворот: Монастырские — через Ушаковку к Знаменскому монастырю, Мельничные — также в сторону Ушаковки и Заморские — в сторону Кругобайкальской дороги. За полисадом на пустыре между ним и Петрушиной горой были построены казармы. Они дали название Солдатским улицам и послужили началом заселения этой части города. Посад, ограниченный полисадом, стал называться Большим городом в отличие от Малого — крепости.

В 1735 г. в Иркутск прибыла вто-

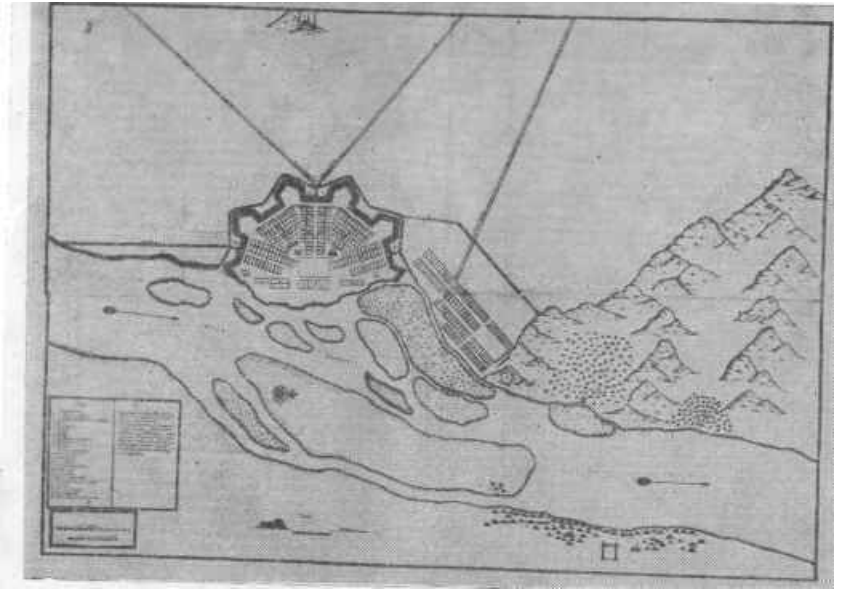
рая камчатская экспедиция, в составе которой был и историк Сибири Г. Ф Миллер. Он собрал документы по истории города и сделал его описание, художник экспедиции И. Люрсениус нарисовал панораму города, а ученики-геодезисты сделали его план. Эти документы позволяют представить достаточно полную картину состояния Иркутска 30-годов XVIII в. В разросшемся посаде или Большом городе было 939 дворов, что предполагает население около 2800 человек. Среди запутанной сети улиц на небольших площадях стояли Прокопьевская (1703 г.), Тихвинская (1708 г.), Владимирская (1707 г.), Троицкая (1718 г.) церкви и заложенный в 1718 г. каменный Богоявленский со-



бор. За ним по берегу Ангары сложилась торговая площадь с гостиным двором, неподалеку стояли мясные и молочные ряды. У юго-восточного угла крепости находилась полицейская канцелярия, а за западной стеной ого-

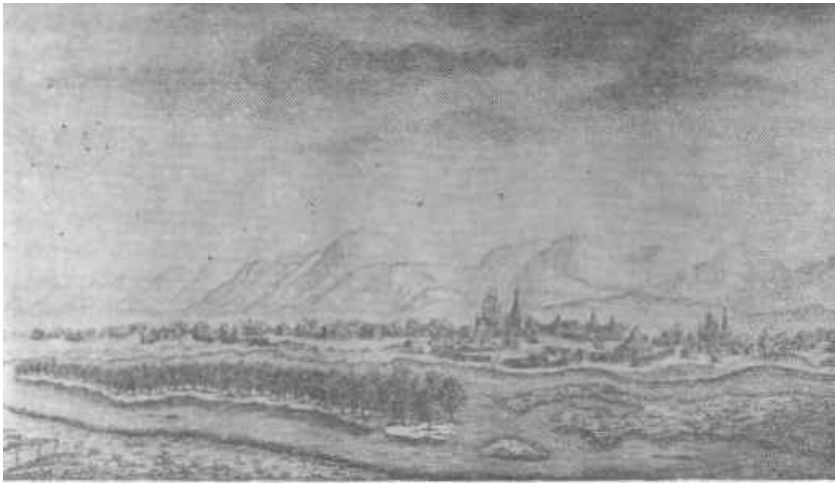
роженная тыном тюрьма и рядом Казачья полковая изба. Неподалеку от Тихвинской церкви среди жилых кварталов стояли хлебные и винные амбары.

В 1747 г. в Иркутске укрепили бе-



План Новоселенгинской крепости. 1729 г. Х. Шварц. ЦГАДА

План Селенгинска. 1770 г. БАНОР



Панорама Селенгинска. Гравюра Н. Челнокова

рег Ангары против крепости и Богоявленского собора деревянным обрубом длиной 777 м. В этом же году западнее крепости построили два больших гостиных двора. Их сюда перенесли потому, что торговая площадь за собором отошла к архиерейскому дому. Благоустройство города началось с 1764 г., когда генерал-губернатором был К. Л. Фрауэндорф. Он велел осушить болота и наметил меры по регулированию застройки иркутских улиц. Намечались и более радикальные меры по перестройке кривых иркутских улиц, для чего губернатор привлек геодезистов местной навигационной школы.

Наследником Фрауэндорфа по наведению порядка в благоустройстве города явился губернатор Немцов, приказавший сделать на улицах города тротуары. Построенный в 1728 г. полисад мешал развитию города в единственно возможном направлении. Застройка стала стихийно складываться и за стеной, вначале по дорогам, подходящим к Мельничным и За-

морским воротам, а затем и между ними. Улицы и переулки упирались в стену, а когда она исчезла, оказались в полном несоответствии с улицами старой части Иркутска. О том, как выглядела застройка Иркутска, свидетельствует план 80-х годов XVIII в., составленный накануне разработки мероприятий по ее регулированию. Для панорамы Иркутска были характерны «распластанность» рядовой застройки и довольно ритмичное размещение в ней отдельных церквей.

Это создавало во взаимодействии с крепостью и монастырями интересный силуэт города, однако значительно более спокойный в сравнении с теми городами, которые располагались на таком крутом рельефе, как Тобольск, Томск и др.

Селенгинск. Селенгинск, основанный в 1666 г., был пограничным форпостом. В остроге и за его стенами были поставлены 29 изб и Спасская церковь. Уже через три года после основания Селенгинский острог, постоянно находившийся под угрозой на-

падения, был укреплен второй острожной стеной общей длиной 175 м. Видевший Селенгинск в 1675 г. посол Николай Спафарий нашел его «лучше всех сибирских городов» [74], отметив, что между острогом, поставленным на яру, и рекой стояло около 30 казачьих дворов, где жило до 200 служивых и пришлых людей. Здесь были хорошо возделанные огороды, но хлебопашество не удавалось. Пахотные земли лежали в долине Чикоя, и там стали образовываться деревни. Селенгинцы отыскали в 12 верстах от острога соленое озеро и наладили варку соли. В Селенгинске в то время проживало 149 человек служивых, а за острогом стоял 21 двор.

Пограничный город нуждался в укреплениях, а из-за песчаной почвы острожные стены быстро подгнивали, «... пристойно бы завести в Селенгинске стены рубленые по городовому с тарасы», писал в Енисейск приказчик Иван Поршенников [75].

Рубленый город, севернее старого, строили с 22 марта по 26 мая 1685 г. Четыре его стены по размерам мало отличались от старого острога, но по конструкциям он представлял значительно более солидную постройку с четырьмя угловыми башнями.

С заключением Нерчинского договора значение Селенгинска как этапного пункта на большой торговой дороге в Китай повысилось. Когда в 1726 г. в Забайкалье приехал С. В. Рагузинский, он нашел укрепление Селенгинска плохим и счел необходимым строить новую большую крепость. Посол сам выбрал для нее место и писал, что оно «такое имеет выгодное положение, что во всей Европе подобного сыскать трудно». Это был так называемый «городовой камень» — выход горных пород на противоположном берегу Селенги. Здесь на середине горы полагали сделать каменную цитадель, а церковь, амба-

ры, цейхгауз, тюрьму, пороховой погреб и другие сооружения расположить по утесу.

Для сооружения крепости был вызван поручик бомбардирской роты Преображенского полка Абрам Петров. Под этим именем известен прадед А. С. Пушкина А. П. Ганнибал («арап Петра Великого»). Он, по-видимому, не согласился с местом, и определил другое, также находившееся на левом берегу Селенги, но поближе к протокам Чикойского устья. Там был холм, который и имелось в виду приспособить под цитадель. Сохранился чертеж Новоселенгинской крепости, подписанный геодезистом Христофором Шварцем. Здесь нет каменной цитадели, да и расположена крепость выше по Селенге за пределами «камня». Она должна была получить форму овала. Одна ее сторона выдвигалась в реку, другая, укрепленная четырьмя большими земляными бастионами и двумя полубастионами, выходила в сторону поля. Внутри крепости располагалась большая площадь, а на берегу имелись «Государев дворец» и приказы. На север, запад и юг веером расходились улицы жилых кварталов. Крепость должна была иметь четверо ворот. Северные вели в слободу, которую собирались расположить по берегу протока Селенги, между крепостью и «городским камнем», где сооружался «шанец в форме звезды». С востока слобода прикрывалась полисадом и рогатками.

Эти проекты, направленные на поиск нового места для крепости и усовершенствования ее укреплений, не были осуществлены.

О Селенгинске 30-х годов XVIII в. мы узнаем из плана, составленного сотрудниками второй Камчатской экспедиции, и описания Г. Ф. Миллера.

Город, состоящий из 150 дворов, растянулся вдоль реки на 2 км с разной «глубиной» освоения береговой

территории. В середине новой крепости стояла ветхая старая, пять хлебных амбаров и два амбара для ясака, пороховой погреб и пушечный сарай. По обе его стороны стояли современницы основания крепости — Спасская и Покровская церкви; среди домов, поставленных «без компаса», были канцелярия, военные погреба, а на берегу стоял «бригадирский двор» — самое большое здание города.

В 60-х годах XVIII в. в целях укрепления Селенгинска юго-восточнее старой крепости был сделан большой земляной бастион, пытались соорудить и внешнюю оборонительную линию, участки которой опирались на земляные бастионы. Из плана 1770 г. видно, что была построена только южная часть внешних городских ук-

репленый «из туров и фашин». В эти годы застройка Селенгинска стала много плотнее, чем в 30-х годах XVIII в. Однако планировочная основа города сохранилась, получив только некоторое развитие путем прокладки нескольких новых улиц, вдоль которых были отведены участки под застройку.

В связи с тем что административные учреждения края обосновались в Верхнеудинске, а торговые — в Кяхте, город все больше терял значение. К тому же Селенгинск несколько раз, в 1780, 1781 и 1783 г., подвергался опустошительным пожарам. Купцы покинули Селенгинск, перебравшись в Кяхту, Верхнеудинск или Нерчинск. Многие горожане ушли в деревни и занялись хлебопашеством.

Глава 4

ПАМЯТНИКИ ДЕРЕВЯННОГО И КАМЕННОГО ЗОДЧЕСТВА

Деревянное зодчество Сибири XVII—XVIII вв., представленное крепостными сооружениями, культовыми постройками и гражданскими зданиями, — выдающееся и своеобразное художественное явление.

Как былинные богатыри стояли сибирские деревянные города с их кремлями, окруженными мощными стенами и высокими многоярусными башнями, включали посады, где среди россыпи мелких домишек высились шатры церквей.

Время и опустошительные пожары уничтожили деревянные города Сибири, оставив потомкам небольшое число церквей и крепостных башен, дошедших до наших дней либо в руинах, либо в искаженном позднейшими перестройками виде. Все же тщательный анализ сохранившихся строений, изучение архивных материалов —

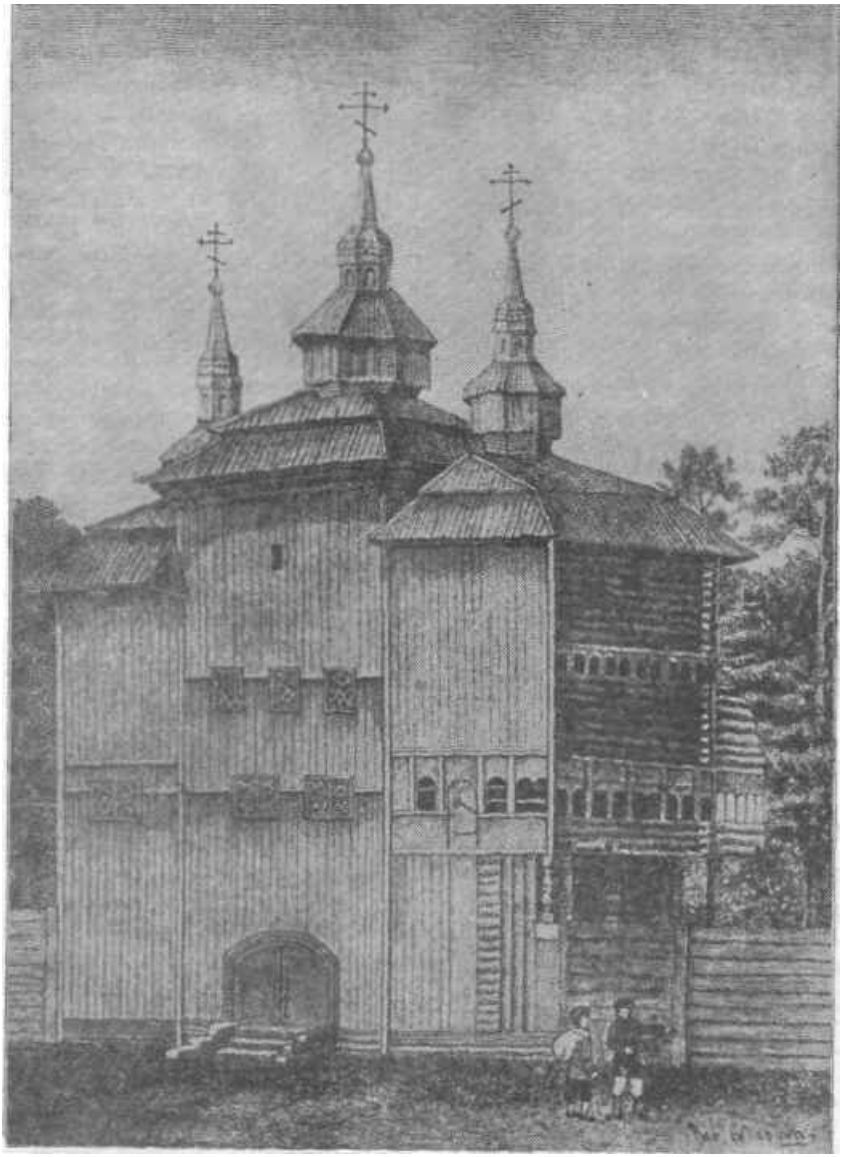
воеводских описей, правительственных указов и т. п. — позволяют в ряде случаев восстановить первоначальный облик сооружений.

Каменное зодчество Сибири того периода также внесло известный вклад в национальную сокровищницу русской архитектуры. Возведение каменных зданий началось в Сибири в конце XVII в. Строительный талант народа в ту эпоху развернулся главным образом в сооружении таких монументальных построек, как кремли, монастыри и церкви. Дошедшие до нашего времени каменные здания, несмотря на позднейшие перестройки, являются ценными произведениями архитектуры. Сохранившиеся чертежи и архивные материалы помогают нам увидеть их такими, какими они были задуманы строителями.

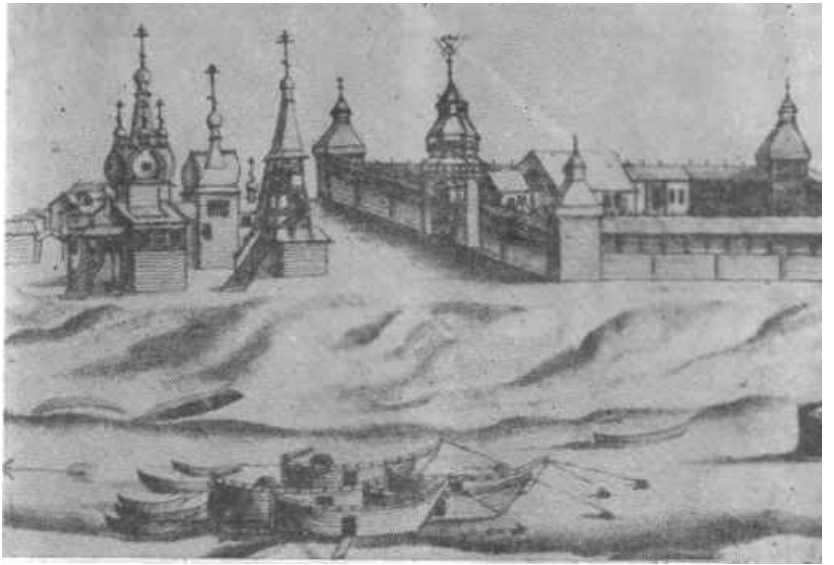
ДЕРЕВЯННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Воеводские дома. Единственным видом древнего деревянного гражданского сооружения Сибири, о котором имеются сведения, является воевод-

ский дом. Известно, например, что иркутский воеводский дом (1684 г.) имел только две горницы, одна из которых была под башней, другая — на жилом подклете. Их разделял» двое сеней. Кроме главного дома на



Сретенская церковь **Киренского** *монастыря. Рис. 1886* г



Церковь Новой Мангазеи (Туруханск). Фрагмент рис. И. Люрсениуса

воеводском дворе стояли людская изба, погреб, баня, амбар, пивоварня и другие хозяйственные постройки. Таким же примерно был илимский воеводский дом. Из его описания узнаем, что он имел... «две горницы на подклетях, на одной горнице чердак... Промеж горниц сени». В эти сени вела наружная лестница. Вдоль восточной стены дома, обращенного в сад, тянулись задние сени, по-видимому, служившие верандой. Они соединялись переходом с мыльней «... и та мыльня стоит к наугольной башне на ряжу. А подле передних сеней клеть, подле клети, идучи из передних сеней на правой стороне столовая горница с сеньми» [76]. Дом стоял в глубине вымощенной плахами усадьбы, куда вели нарядные ворота. По левую сторону ворот находилась конюшня, а за ней амбар. Вправо от ворот, в одной связи, стояли ледник, мшаник, еще амбар для хлеба и две поварни.

Об енисейском воеводском доме известно еще, что он имел чердак из двух помещений, одно из которых «верхнее житье шатром кругло, писано красками» [77].

В 1968—1969 гг. на территории Мангазеи были обнаружены нижние венцы воеводского дома, состоящего из двух равнозначных половин. Как известно, в сибирские города направлялись сразу двое воевод, имевших право взаимного контроля, я государство обеспечивало их равноценным жилищем.

Единственное изображение воеводского дома имеется у Семена Ремезова, но оно весьма условно. Из описания известно, что дом тобольских воевод конца XVII в. состоял из крестовой, столовой и спальной палат. Над ними был «чердак» причудливой формы, увенчанный куполом. В комплекс усадьбы входили мыльня, приворотная изба, скатертная, поварня, питейный погреб с сушилом, запасной по-

Колокольня в Туринске, Архив Музея этнографии народов СССР в Ленин. граде

Казанская церковь в Илимске

греб и конюшни. У дома были разбиты сад и огород.

Церкви. Первые острожные церкви по своим формам и размерам мало чем отличались от крепостных башен. Это были клети со сторонами в плане 6—8 м, увенчанные шатровой кровлей, завершенные вместо герба главкой с крестом.

Среди острожных храмов имелись надвратные церкви (часовни), церкви, конструктивно связанные с крепостной стеной, и церкви, свободно стоявшие на территории острога.

В новой крепости прежде всего сооружали главную въездную башню, часто с надвратной часовней. В малых острогах этим и ограничивались или строительство церкви откладывали до более благоприятных времен.

Интересным примером такого типа церквей являются часовни въездной Спасской башни Илимского острога (1667 г.). Расположенные в верхнем ярусе, они обе выступали за пределы башенного сруба: «Снаружи за острогом часовня у той башни на свесе. Часовня вершена бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаян белым железом, а бочка и маковица обиты лемехом. Да в остроге у той же башни другая часовня на свесе, крыта на обе стороны. Вход в часовню из острогу по лестнице» [78]. До наших дней Спасская башня с часовнями сохранилась в сильно измененном виде.

К этому же типу относится надвратная Сретенская церковь Кирилловского монастыря, хотя и построенная значительно позднее (1758 г.). Над

монастырскими воротами было воздвигнуто высокое здание с «потайными теремами», завершенными тремя главами со шпилями. В середине XIX в. главный фасад башни был обшит тесом.

Острожные церкви часто размещались во втором ярусе обычных крепостных башен. В этом случае первый ярус или подклет использовался для хранения государственного имущества, а обходные галереи церкви соответствовали уровню боевых галерей крепости.

Такой была Спасская церковь Туринского острога, построенная в 1652 г. рядом с главной башней, являвшейся и колокольней: «... а высота от земли до развалу семь сажень, а над развалом четыре бочки, над бочками укрыт шатер до маковицы. От земли вышины до яблока четырнадцать сажен, а кругом храму и трапезы паперти на выпусках» [79]. Стройный башнеобразный объем церкви завершался развалом.

Тесно связанной с городской стеной была и Селенгинская церковь (1685 г.), стоявшая на высоком подклете. Это же можно было наблюдать и в Якутском городе 1682 г., где во второй этаж стенной церкви вела лестница с тремя рундуками, крытыми бочками, а семь бочек завершали ее объем и алтари.

Большинство церквей все же строилось вне связи с крепостными стенами, на посадах или в самой крепости.

Простейшим видом такого храма является Казанская церковь в Илимске, построенная в 1679 г. священником Петром Максимовым как домовая; она привлекает внимание весьма скромными размерами и пластикой своих форм.

Основной сруб церкви на три четверти был занят алтарем. Верхняя часть сруба возвышалась только над алтарем и завершалась бочкой и

главкой, крытыми лемехом. Медный крест, видимо, заменял более древний деревянный. Церковь имела пять небольших квадратных окон со слюдяными оконницами. Пологая двускатная кровля перекрывала предалтарное пространство и создавала навес над крыльцом.

Стилистическая цельность, ясность объемного построения, эффектный контраст только деревянных, но поразному решенных частей, позволяют причислить Казанскую церковь к лучшим образцам народного зодчества и считать примером искусства знаменитых в прошлом на всю Восточную Сибирь илимских плотников.

Позднее, когда церковь стала приходской, к ней пристроили трапезную, весь сруб обшили тесом. Трапезная едва вмещала 20 человек и была поделена центральным проходом на две половины — мужскую и женскую. Их разделяли дощатые перегородки, на которых были помещены изображения святых в рост человека. Остатки церкви перевезены в Иркутский музей под открытым небом, и восстановление ее первоначального облика представляет большой интерес.

Не имела трапезной и Рождествен» ская церковь, стоявшая в пяти верстах от Илимска (1707 г.). Ее с трех сторон окружала галерея, поднятая как и пол церкви над землей. Церковь завершала бочка с одной главой.

К более развитому типу относится Введенская церковь в Илимске, повидимому, более древняя, чем Казанская, поскольку находилась на территории старого острога. Прямоугольный объем храма включал трапезную, собственно церковь и алтарь и перекрывался двухскатной крышей; над ней возвышался объем небольшого четверика, завершенного бочкой, в торцах которой были вставлены иконы. Бочка была крыта лемехом,

Введенская церковь в Илимске. АЛО ИААН

им же обшиты шеи и маковицы завершающих ее двух главок.

К западной стороне церкви примыкала галерея, поднятая, как и пол всей церкви, над землей. На нее вела лестница с наклонной кровлей. Церковь обогревалась большой печью, стоявшей в углу трапезной и топившейся по-черному. Дым выходил в волоковые окна, прорезанные в стенах наряду со слюдяными. По окончании топки печь «куталась», в церковь открывались двери и решетчатые проемы, позволявшие видеть и слышать службу.

Богородицкая церковь находилась в двух верстах от Илимского острога и была построена в 1693 г. Как и Введенская, она имела две главы на бочке, крытой лемехом.

Большинство церковных построек со второй половины XVII в. возводилось в виде распространенного трехчастного типа, состоящего из трех

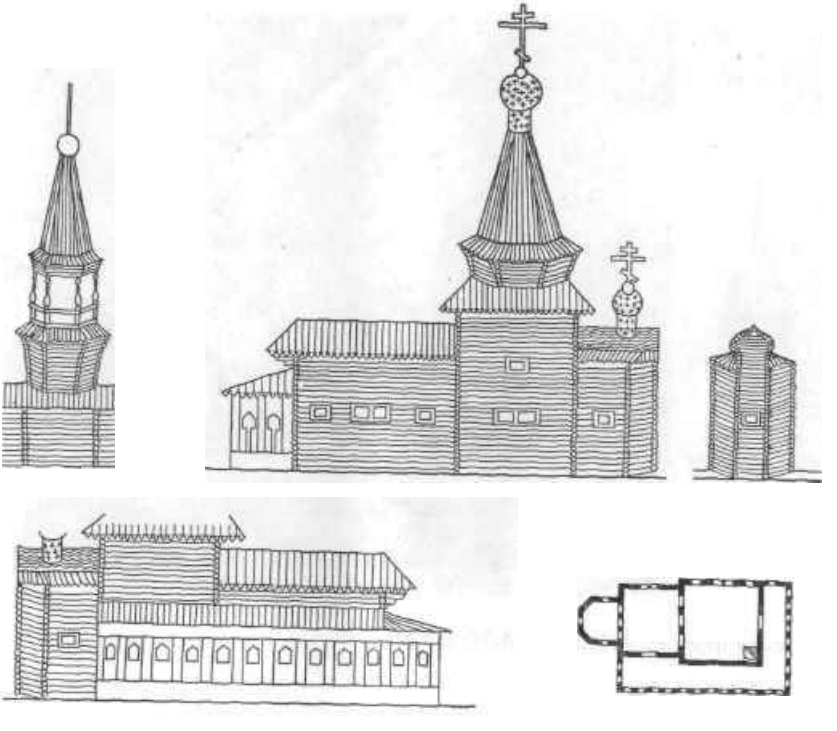
соединенных вместе срубов — трапезной, четверика храма и пятигранного алтаря. Иногда у трапезной с западной стороны устраивалась крытая галерея или паперть. Примером такого сооружения служит шатровая Спасская церковь в Зашиверске, построенная в 1700 г. местным жителем Андреем Ховаровым. По счастливой случайности она сохранилась.

Возведенный на рубеже XVII и XVIII вв., зашиверский памятник, несомненно, отражает строительные приемы предшествовавшего столетия. Повышенный объем четверика храма завершен шатром с главкой, трапезная перекрыта двухскатной кровлей, а пятигранный объем алтаря перекрыт бочкой с главой. Структура плана четко выражена в объемном построении.

Вдоль южной и западной стен церкви находилась ныне не существующая галерея. Рядом стояла колокольня,

Спасская церковь в Илимске. АЛО ИААН

Спасская церковь в Зашиверске. Фотография А. П. Окладникова



Спасская церковь в Зашиверске. Чертежавтора по обмерам 1888 г. АЛО ИААН

под которой был устроен въезд в крепость.

Гармоничный по формам, со скромными, но изящными деталями, храм одиноко стоит на берегу бурной Индигирки, как память о давно покинутом людьми городе.

К этому типу храмов примыкают и две церкви Верхоленска — Воскресенская и Богоявленская.

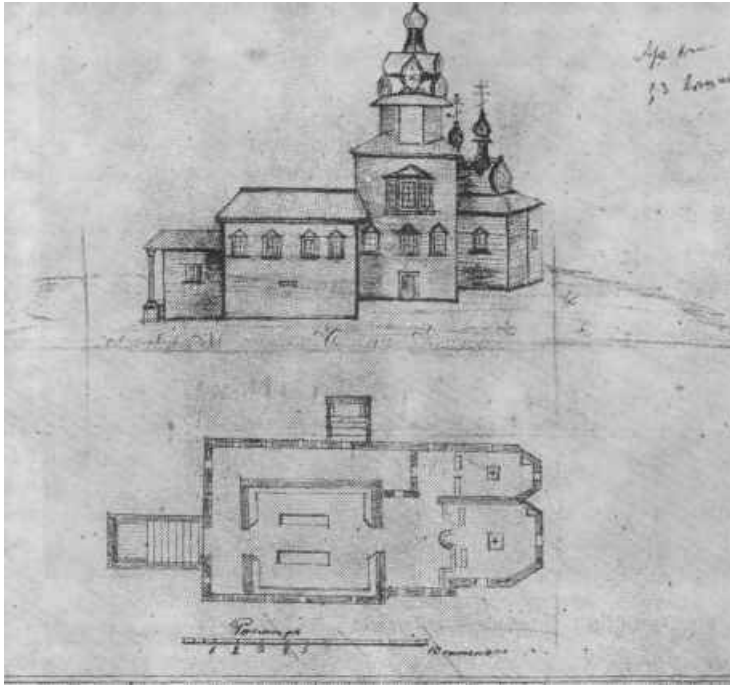
Первая построена на основе крепостной башни, стоявшей еще в первом Верхоленском остроге и в 1647 г. перенесенной на новое место. В 1660 г. к ней пристроили трапезную и алтарь. Подобно Зашиверскому храму Воскресенская церковь завершена шатром.

Во второй церкви, Богоявленской (1718 г.), необычна конструкция завершения. Здание стоит на высоком

подклете. Прямоугольный объем церкви имеет повышение, переходящее в восьмерик, перекрытый двумя перекрестными бочками, в торцах которых находились иконы с изображением в рост человека. Бочки и главы были крыты лемехом. Здание *с* западной и южной сторон окружала галерея. В 1886 г. стены церкви были обшиты тесом и выкрашены в белый цвет.

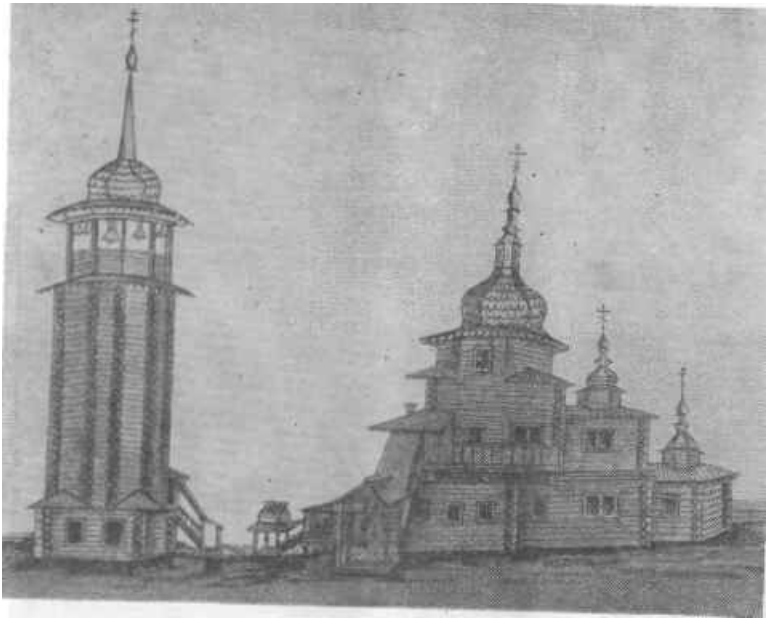
Верхоленские церкви не сохранились и известны только по рисункам конца XIX в.

В объемном решении якутской кладбищенской церкви также четко выявлена знакомая структура здания — с расположенными на одной оси помещениями трапезной, церкви и алтаря. Отличает ее от предыдущих храмов завершение восьмерика пя-

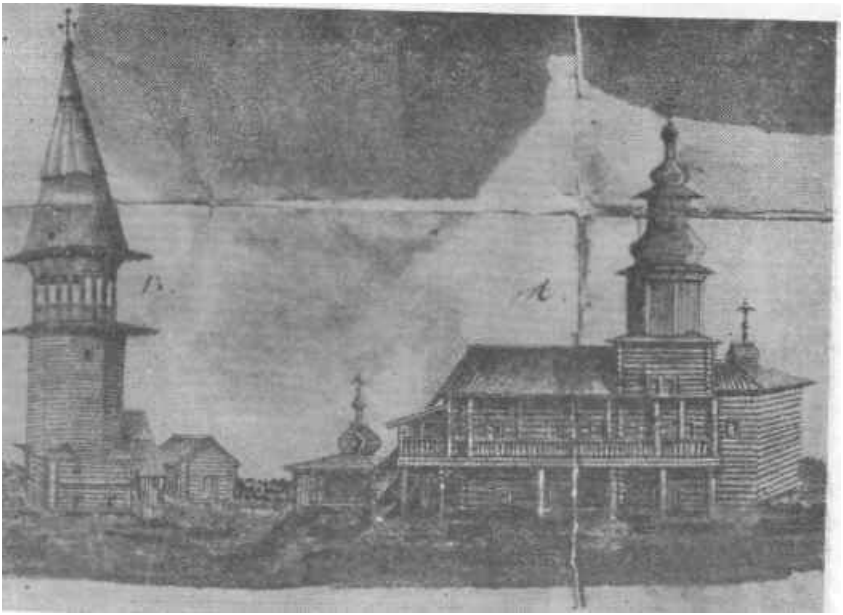


Первая Воскресенская церковь в Верхоленске

Кладбищенская церковь в Якутске. Фотоархив ЛО ИААН



Церковь в с. Зима быв. Балаганского уезда



Захарьевская церковь в Барнауле. Рис. 1752 г. ГААК

тью главами с непомерно высокими крестами.

С середины XVIII в. городские церкви строились преимущественно из кирпича, а деревянные варьировали формы каменных храмов.

В 1795 г. Аввакумом Быковым в Верхоленске был построен деревянный Воскресенский собор. Его крестообразный план, так же как и пять фигурных куполов, близки приемам и формам каменной архитектуры.

Рисунок глав церкви г. Жиганска также близок каменным формам, хотя сочетание основных объемов здания традиционно для деревянных церквей.

В 1750—1753 гг. в Барнауле были построены Петропавловская, Захарьевская и Одигитриевская деревянные церкви, первые две по чертежам геодезиста Пимена Старцева.

ПЕРВЫЕ КАМЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Малые города — кремли. В результате строительной деятельности конца XVII и начала XVIII столетий в нагорной части Тобольска сложился значительный комплекс каменных зданий Софийского двора и Малого, или Вознесенского города, получивший общее название кремля.

Ансамбль Софийского двора представляет собой замечательный памятник Сибирского каменного зодчества конца XVII в.

Каменный Софийский двор начал строиться в 1681 г. на том же месте, где находился старый, деревянный, сгоревший в 1677 г. Территория нового Софийского двора была значительно расширена. Каменные стены ограничили площадь, представляющую в плане неправильный четырехугольник — конфигурация южной стены повторяла все изгибы кромки откоса.

Доминирующим сооружением ансамбля является Софийский собор, как бы встроенный в западную стену. Основной объем собора и главный вход в него находились за пределами ограды. Рядом с собором размещался башенный объем Святых ворот, главного входа на территорию Софийского двора, с надвратной церковью Сергия Радонежского (1686—1688 гг.). Вблизи Святых ворот, но вне конструктивной связи со стеной, стояла колокольня (1685 г). В северной стене находились ворота, по обе стороны которых располагались два небольших помещения, а под ними завершенная каменным шатром Консистория.

Есть прямое указание на прототип Софийского собора в царской грамоте: «В Тобольске соборную церковь Софии Примудрости Божия строить каменную против образца какова в Москве в Кремле в Девичьем монастыре... а какова Вознесенская церковь мерою кругом и в вышину... образцы и сметные росписи и чертежи посланы» [80].

Лаконичный, почти кубический, объем тобольского храма с тремя невысокими алтарными абсидами завершен пятью главами. Центральная имеет слегка овальную в плане форму (вытянута по оси восток-запад), наибольшая высота внутреннего пространства собора равна 28 м. Барабан опирается на четыре мощных квадратных в плане внутренних столба с подпружными арками, между которыми возведены тонкие сомкнутые своды перекрытия. Вся группа глав несколько сдвинута в сторону восточной стены, поэтому с западного фасада их световые барабаны немного скрыты скатом кровли. Декор фасадов собора сдержан — стены, прорезанные двумя ярусами больших окон, расчленены слабо выступающими пилястрами и завершаются тремя срезанными

кровлей закомарами. Плоскость стен оживлена узким орнаментальным пояском у основания закомар и фигурными обрамлениями окон, барабаны глав украшены декоративной аркатурой. Богаче украшены входы. Их перспективные порталы с рельефной кладкой дают сочную светотень. Кованые железные двери с насечкой тонкого орнамента особенно удачно контрастируют со спокойным величием мощных стен собора. Они, по-видимому, были присланы из Москвы вместе с железом, колоколами и церковной утварью. Двери богато украшены насечными изображениями фантастических райских птиц и львиных масок, затканных тончайшим рисунком, и все это искусно вплетено в ткань орнамента, в основе которого лежит растительный побег с пышными листьями. Строители собора лишь в принципиальной схеме считались с московским образцом, а детали делали по своему вкусу. Главы московской церкви имели шлемовидную форму, а в Тобольске они сделаны более сложной луковичной формы. Пластика стен Вознесенской церкви рельефнее и богаче разработки стен Софийского собора.

Подготовительные работы начались 3 июля 1681 г., но заложили собор лишь 22 апреля 1683 г. За сезон 1683 г. и первые весенние месяцы следующего года были возведены стены, столбы и своды. Когда стали вести «шею» под центральную главу, несущая конструкция рухнула. Это произошло 22 июля 1684 г., но к октябрю 1686 г. здание было закончено. Строили собор присланные в Тобольск приказом каменных дел подмастерья Герасим Шарыпин и Гаврила Тютин, их помощники Василий Харитонов и Савелий Ларионов, а также каменщики Федот Меркурьев, Федор Бухарский, Семен Филиппов, Иван Тимофеев, Ануфрий Ларионов, Дмитрий Ива-

нов и др. Пять каменщиков и 20 кирпичников приехали из Устюга.

Софийский собор по размерам намного превосходил деревянные церкви предшествующего периода. Городу был задан новый масштаб, успешно поддержанный в других сооружениях. Здание сохранилось до наших дней, но его внешний облик был несколько изменен в начале XVIII в. В 1704 г. к северной стороне собора пристроили придел Антонии и Федосия Печерских. После пожара 1723 г., уничтожившего луковичные главы, собор получил купола с перехватом у основания и подкрестными фонариками.

Стены Софийского двора, из которых сохранился только небольшой кусок восточной стены, строили те же мастера, что и собор, *в* традициях подобных сооружений. Арки опирались на пилоны, составлявшие одно целое с внешней стеной. В арочных нишах на высоте человеческого роста были устроены бойницы. Стена завершалась зубцами. Стена, обращенная в сторону Нижнего города, была богаче декорирована. Помимо валика в уровне боевого хода, ее украшали рельефные филенки. Стены получили облегченные конструкции может быть потому, что в то время Тобольску уже не угрожала военная опасность.

Углы стен были закреплены башнями: на северо-западном углу стояла квадратная в плане башня (размером около 10×10 м); юго-западный угол укрепляла Грановитая башня; на северо-восточном и юго-восточном углах стояли круглые башни.

Кроме угловых, стены Софийского двора были укреплены пятью промежуточными башнями. Одна из них, Павлинская, стояла в западной стене (на объемном плане Тобольска 1714 г. на ней изображена птица, видимо павлин, давший имя башне). По две круглых башни укрепляли восточную и южную стены. Одна из них

сохранилась до нашего времени. При внешнем диаметре 9 м ее стены имеют толщину около метра. Нижний этаж перекрыт сводами, а в стене устроены круглые стрельницы для нижнего и верхнего боя. Существовал еще третий ярус машикулей.

Все башни Софийского двора были одной высоты — до верха зубцов около 17 м. Ствол башен вверху расширялся, образуя машикули. В их гладких стенах имелись круглые отверстия для двухъярусного боя. Башни завершались высокими кирпичными шатрами, покрытыми черепицей и украшенными кованными железными флюгерами и флагами.

В башне восточной стены, обращенной на Никольский взвоз, были устроены водовзводные ворота. Эта башня тремя стенами выдавалась за линию ограды; вскоре она была перестроена. В Черепановской летописи отмечено, что уже в 1700 г. «... подле ворот построили каменные палаты о три аппартамена, а на верху башню с немалыми слухами и все было не малой величины и сказывали многие, что в тех верхних покоях намерен владыко освятить церковь, а в башне определили быть колокольне» [81].

Стены, башни и монументальные сооружения Софийского двора эффектно завершали Троицкий мыс с его пятидесятиметровым откосом и представляли величественное зрелище. Особенное значение приобрел этот ансамбль, когда по замыслу Ремезова он соединился с новым каменным малым городом в единый организм.

Проект Тобольского каменного кремля разрабатывался Ремезовым с весны 1697 г.

Сохранилось пять проектных вариантов оптимальных размеров кремля, числа его башен и состава сооружений. В первом была уже выявлена основная мысль — увеличить территорию за счет отнесения северной стены

города на 35 саженей и сокращения его длины на 20 саженей с тем, чтобы передвинуть башни западной стороны от кромки высокого берега, где начинались оползни. Город должен был иметь общую длину стен 552 м, четыре проездные и четыре глухие башни. Со стороны Нижнего посада предполагалось поместить Приказную палату, архив, Вознесенскую церковь. Второй вариант также включал в южную стену церковь и Приказную палату, но общая длина стен увеличилась до 648 м. Третий был разработан подробней двух первых. По нему длина стен с двумя проездными башнями должна была достичь 688 м. Церковь и палата располагались на тех же местах, а три башни — на западной стороне.

Во время работы над проектом Каменного города был получен новый указ, предлагавший включить в систему городских стен гостиный двор и сделать под горой башню и колодцы.

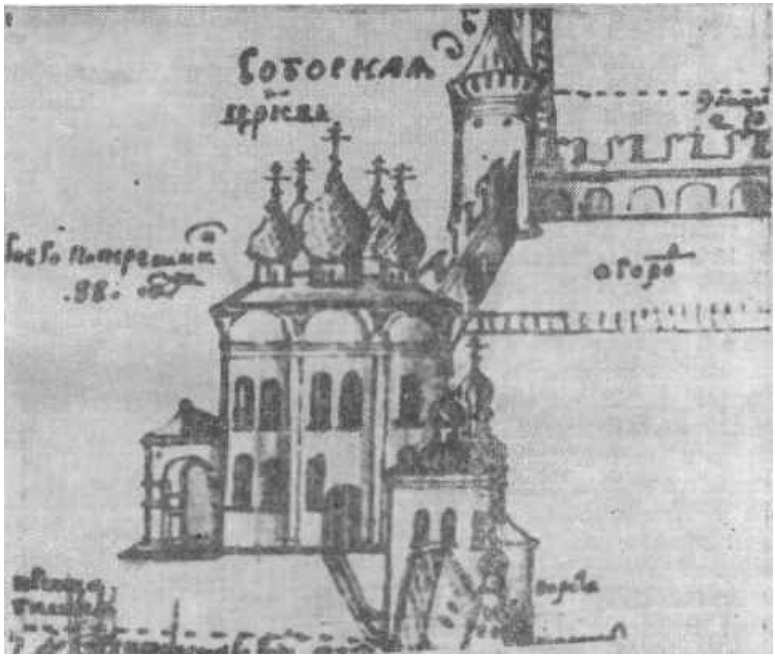
В четвертом варианте проекта города Ремезов учел предложения указа, ввел в систему каменных стен гостиный двор и запроектировал у подножья горы, против Базарного взвоза, колодцы и охранявшую их башню. По этому проекту длина стен составила 750 м, на месте Вознесенской церкви была поставлена Приказная палата фасадом на взвоз, а на прежнем месте палаты запроектирован Воеводский дворец. В стенах остались три проездные и три глухие башни, а в северной стене место одной из башен заняла Оружейная палата. Почти эта же структура была повторена и в пятом варианте, но при длине стен 835 м. Воеводский дворец и Приказная палата были отодвинуты в глубину крепости, а ее стены укреплены десятью башнями.

Последний вариант Ремезов выполнил в виде аксонометрического рисунка, на нем проездная башня, стояв-

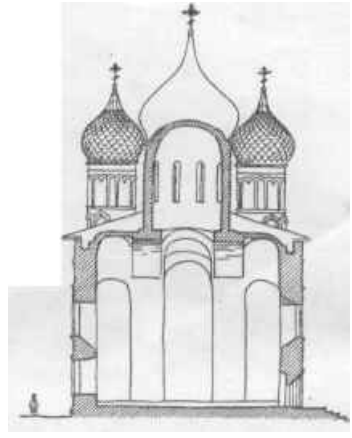
шая где-то на середине подъема взвоза и называвшаяся прежде Дмитриевской, спустилась вниз и стала вровень с южной стеной города. Она имела двое ворот и над ними палату и церковь. На мысе должна была стоять трехъярусная башня с Приказной палатой и дальше по яру кладовая башня. В северной стене были Троицкая, Оружейная и самая крупная Софийская проездные башни. Дальше стена ограничивала территорию гостиного двора, подходя к северным воротам Софийского двора. Зимой 1699 г. после возвращения из Москвы Ремезов, назначенный главным строителем каменного города, готовясь к весенним строительным работам, одновременно дорабатывал проект.

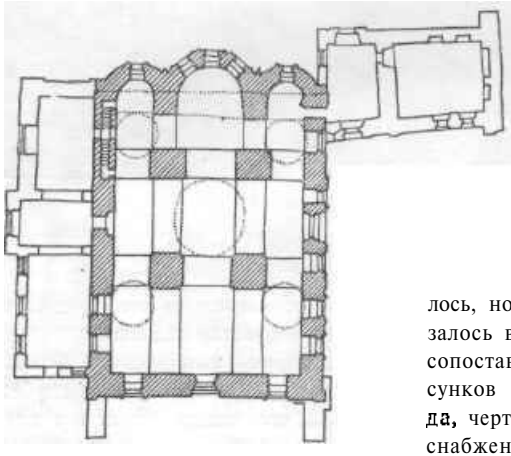
В результате многолетних поисков Ремезов создал целостный архитектурный ансамбль. Продолжив южную стену в сторону Софийского двора и перекинув через овраг монументальное здание казнохранилища или Рентерии, покоящееся на двух арках, он композиционно объединяет кремль и Софийский двор. Софийский собор, оказавшийся в центре всего комплекса, становится доминантой всего ансамбля.

На территории кремля, огражденной каменными стенами, разместились Вознесенская церковь (в юго-восточном углу), Приказная палата (вдоль яра), Троицкая церковь, воеводский дом и хлебные житницы. Гостиный двор был вынесен за пределы кремля;



Софийский собор в Тобольске. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»





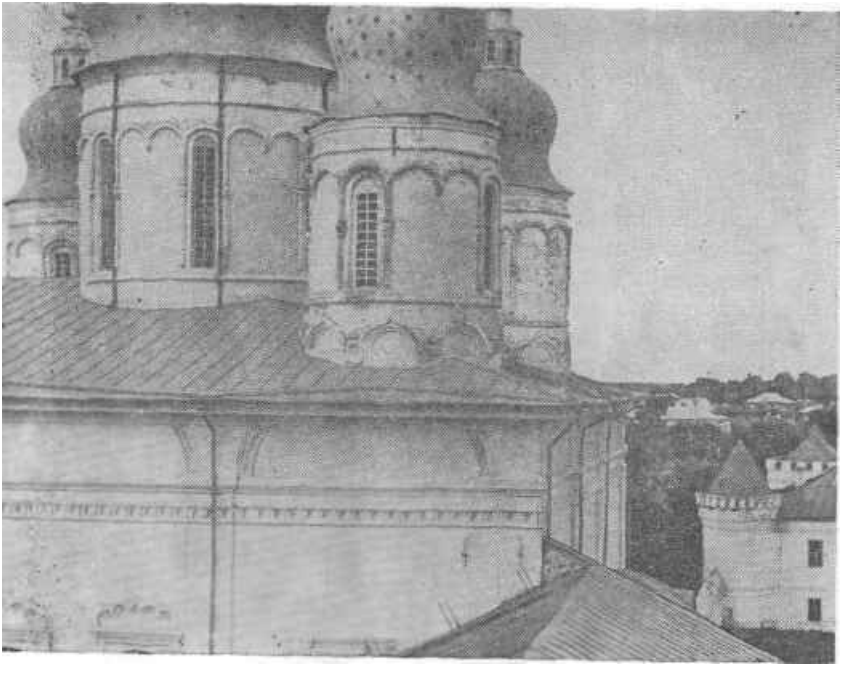
Софийский собор в Тобольске. Фасад, разрез и план. Рис. автора

одной стороной он был встроен в стену, отделяющую кремль от Софийского двора.

Город должен был иметь три проездные башни — Троицкую, Софийскую и Дмитриевскую (на взвозе) и три «глухие» в западной стене. Спасская башня предполагалась восьмигранной, а ее ворота должны были иметь «запускную решетку».

Строительство каменного города, как сообщает сам Ремезов, началось с Приказной палаты. Ее торжественно заложили 9 мая 1700 г. при пении соборного хора. Здание не сохранилось, но восстановить его облик оказалось возможным после изучения и сопоставления ряда источников: рисунков Ремезова — фрагмента фасада, чертежа лестницы и плана палаты, снабженного поясняющими надписями; схематического изображения палаты на объемных планах Тобольска и на более поздних планах кремля; сохранившихся остатков Приказной палаты (впоследствии здесь находился дворец наместника), а также анализа обмерных чертежей XIX в. иркутской Приказной палаты, строившейся одновременно с тобольской, несомненно, по единой инструкции Сибирского приказа.

В первой каменной гражданской постройке Сибири еще отчетливо видна система деревянного сруба. Это был прямоугольник 47X15 м. Собственно Приказная палата занимала



Барабаны Софийского собора в Тобольске

второй этаж и состояла из пяти помещений. Вход в среднюю палату и сени был с открытой галерии или гульбища, огражденного рядом колонн. В первом этаже размещались кладовые денежной и ясачной казны. Здесь галерея образовала коридор перед кладовыми.

Первый этаж здания перекрыт массивными кирпичными сводами, они сохранились, но как был перекрыт второй этаж, неизвестно. Остается предположить, что по аналогии с иркутской палатой он имел сплошной бревенчатый накат и поддерживался большими «матицами».

Примечательной особенностью архитектуры Приказной палаты является сочетание мотивов русского и итальянского зодчества. Известно, что Ремезову в Москве была дана «Строения печатная книга фряж-

ская». Несомненно, он пользовался ею при строительстве палаты.

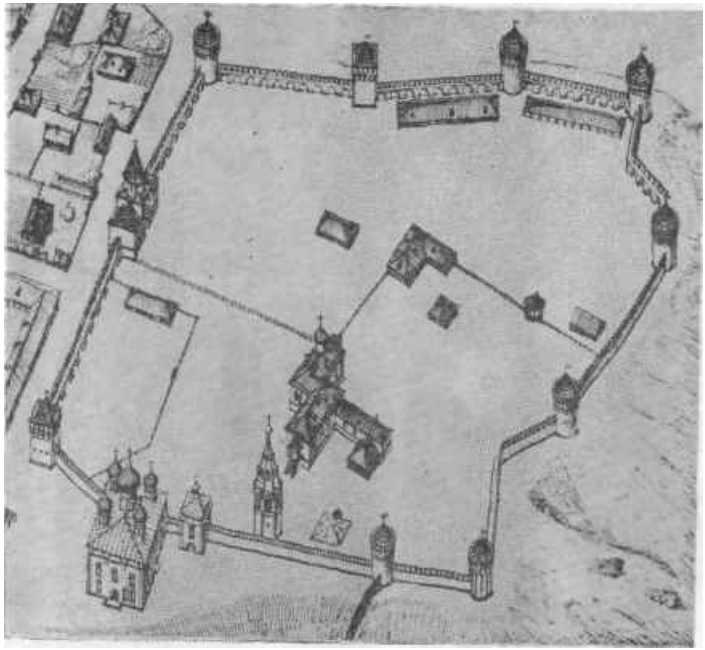
Анализируя выполненный Ремезовым чертеж фрагмента фасада, убеждаешься, что между осями его крайних колонн, землей и верхом карниза точно вписывается квадрат, что полностью соответствует правилам Виньолы для допустимого предела раздвижки колонн. Выдержав это правило, Ремезов не смог следовать советам Виньолы при определении соотношений отдельных частей большого ордера. Особенно трудно было это сделать в антаблементе. В то время русские строители не знали архитравных перекрытий межколонных пространств и устраивали пологие кирпичные сводики. Так, видимо, поступил и Ремезов.

Существенное значение в архитектуре палаты имела высокая кровля.

Восточный фасад собора в Тобольске

В проекте она черепичная, но в натуре, по-видимому, была сделана тесовой. Двухскатная крыша фланкировалась щипцами, выведенными на торцовых стенах. Жаркое, но короткое сибирское лето и стремление как

можно полнее им воспользоваться приводили к сооружению над зимними помещениями затейливых чердаков с окнами. Ремезов при проектировании Приказной палаты предусмотрел устройство над карнизом ря-



Тобольский кремль. Рис. автора

да бочкообразных чердаков. Характерным мотивом являются и расположенные между колоннами висячие арочки с гирьками. Узкие оконницы заполнены слюдой в свинцовой обкладке. Окна разделены и обрамлены керамическими колонками. Такими же были и богатые по пластике картуши над главным входом с изображением Тобольского герба и декоративные настенные вставки — обрамления входов в палаты.

Вторым зданием, построенным С. У. Ремезовым в 1703—1706 гг., был гостиный двор. Строительство двора было определено специальным указом: «в пристройном месте сделать двор Гостиный, для поклажи Великого Государя казны, и торговых людей товаров анбары, а около того двора стены высокие каменные...» [82].

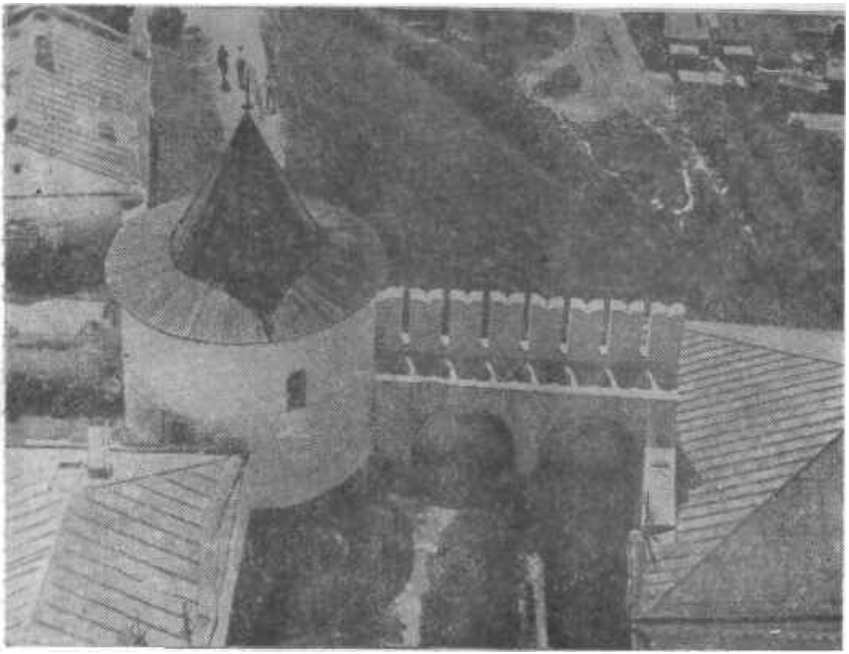
Гостиный двор, окруженный мощными стенами *с* башнями на углах,

был надежно защищен от врагов и огня. Внутрь двора вели двое ворот с часовней над западными и таможней над восточными. С южной и северной сторон двор имел двухъярусную аркаду, за которой располагались лавки — 30 в верхнем и 35 в нижнем этажах, а под ними склады. На галерею вели наружные открытые лестницы.

Крепостной облик гостиному двору придавали башни с машикулями и маленькие окна, прорезавшие гладь стены.

Гостиный двор в несколько искаженном виде дошел до нашего времени.

Третьим монументальным зданием, построенным по чертежам С. Ремезова в кремле, была Вознесенская церковь. Судя по сохранившимся чертежам трех вариантов фасадов, она представляла собой трехъярусное сооружение. Из письменного свидетель-



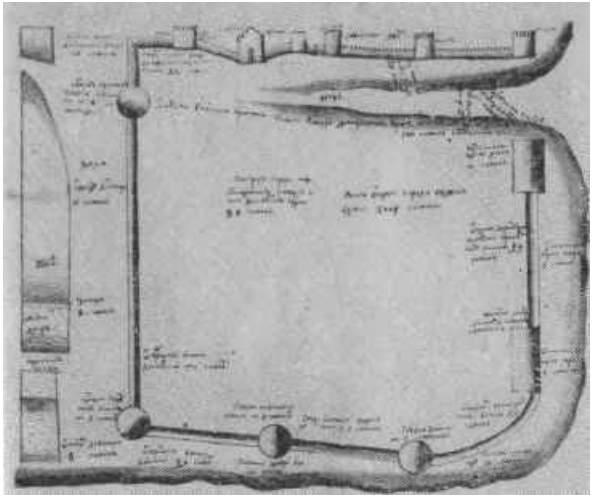
Башня Софийского двора в Тобольске

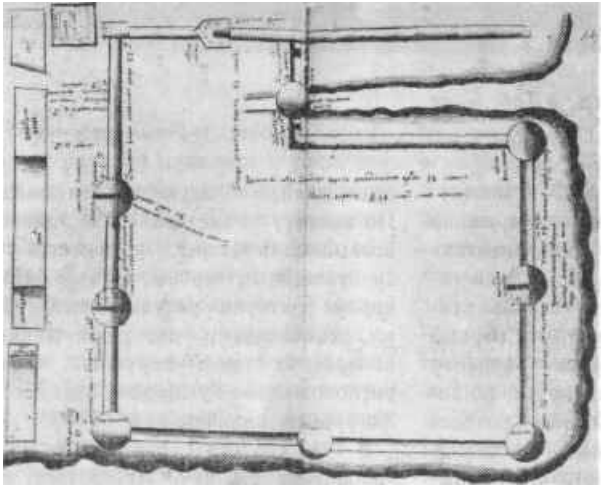
ства, относящегося к 1717 г., известно, что «... она уже была совершенно докладена и о двух апартаментах» [83] (нижнем и верхнем). Стилистические различия между первым этажом и верхними говорят, что первый этаж строился по первому варианту проекта. Два другие варианта, по-видимому, были разработаны позднее (об этом говорит и различная техника выполнения чертежа). Здесь преобладают ренессансные мотивы как в трактовке ордера, так и в обрамлении проемов, но в третьем, по-видимому, принятом для строительства, чертеже архитектура этажей вновь более едина.

Здание рентории (казнохранилища — склада пушнины), соединившее каменный город с Софийским двором, состоит из шести близких по размеру

помещений, образующих анфиладу. По проекту Ремезова над зданием возвышалась башня, увенчанная государственным гербом. Протяженный корпус рентории расчленен пилястрами, отмечающими места примыкания поперечных стен к наружной. Окна, расположенные попарно, обрамлены фигурными наличниками.

В 1714 г. Петр I, стремясь активизировать застройку Петербурга, издал указ о повсеместном запрещении каменного строительства, что остановило завершение и Тобольского кремля. Ремезову не удалось построить башни в северной стене, воеводский дом и житницы. Юго-западная и северная крепостные стены с одной глухой и одной проезжей Князевской башней, видимо, по особому разрешению были построены в 1715 г.



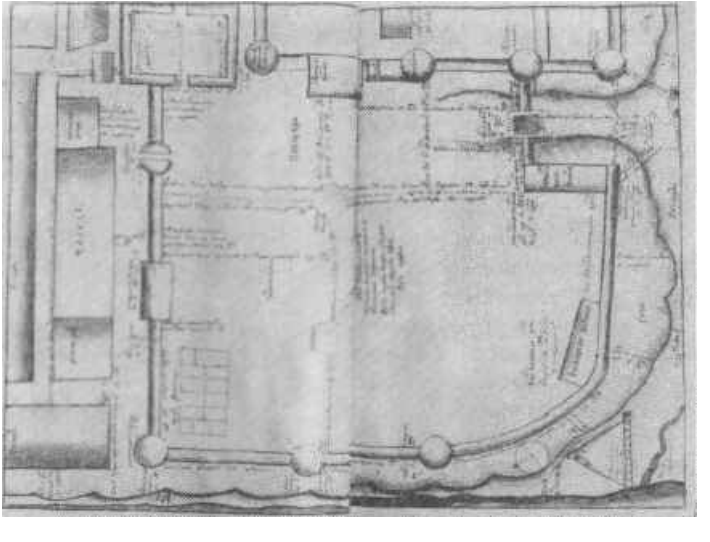


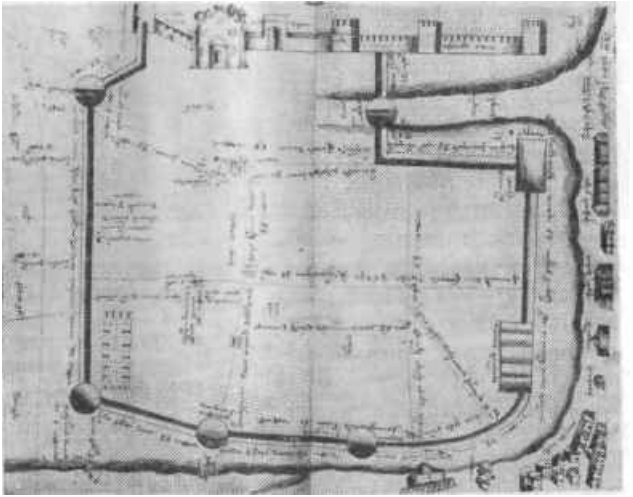
Четыре варианта проекта планировки Тобольского кремля. Рисунки С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

Сформировавшийся в основном в конце XVII и начале XVIII в. Тобольский кремль представляет собой величественный архитектурный ансамбль, перед подъезжающими к Тобольску по реке открывается широкая панорама города, отражающегося в водах Иртыша.

Менее крупным, но тоже весьма

значительным в архитектурном отношении был каменный кремль Верхотурья. Он был поставлен на отвесном скалистом берегу Туры, на Троицком камне, вдоль оврага р. Свияги. Каменные стены с башнями защищали территорию Малого города. Западная стена шла по краю камня и ввиду неприступности каменного обрыва





была невысокой. По обоим ее концам стояли восьмигранные башни — северная и южная. Противоположная, восточная стена примыкала к торговой площади и имела двое ворот. Она, как и южная стена, завершалась зубцами.

Самой высокой была северная стена, ограждавшая территорию кремля со стороны Свияги. Вдоль южной

стороны располагались вплотную друг к другу здания Приказной палаты и старых винных складов и житниц.

В состав кремлевского комплекса входили воеводский дом, стоявший на территории кремля вне связи с крепостными стенами, Троицкая церковь, пересекавшая своим объемом восточную стену, примыкавшее к за-

падной стене каменное здание кладовой и поварня воеводского дома, расположенная в северо-восточном углу. Когда в Верхотурье решили строить каменный город, в Сибирский приказ были посланы образцы местного камня. Московские каменщики признали его хорошо поддающимся теске, и было дано указание готовиться к каменному строительству, «а каким образом строение башен и воеводские хоромы сделать, о том послан чертеж и описание особое» [84]. В рекомендации Сибирского приказа писалось, что кирпичные своды следует делать только над первым этажом церкви, а все остальные помещения крепостных построек перекрывать «накатными потолками». Указывалось, как тесать камень, просеивать песок, употребляя крупные остатки в забутовку стен, и т. д. Наружные плоскости стен рекомендовалось замазывать известью, «чтобы дождем и мокротою не размывались». Указывалось, как делать свайные основания, сообщалось, что в каменные стены где на них не опираются своды, нет необходимости вкладывать железные связи, так как «Верхотурье стоит на камени и для той причины тем зданиям осадки впредь быть невозможно» и. т. д.

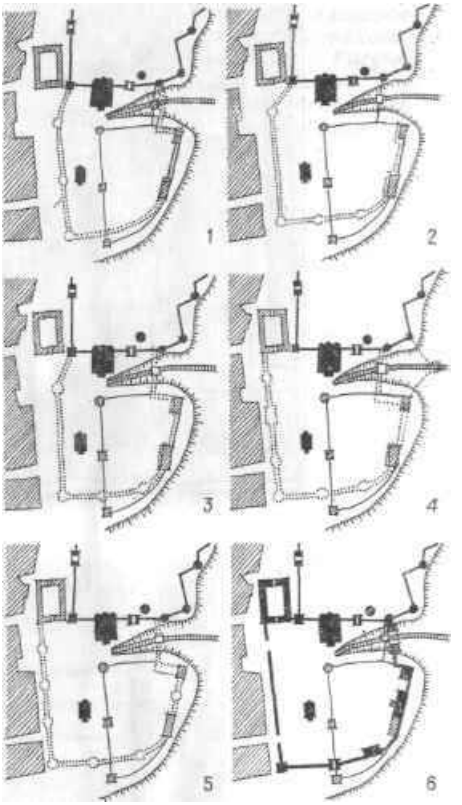
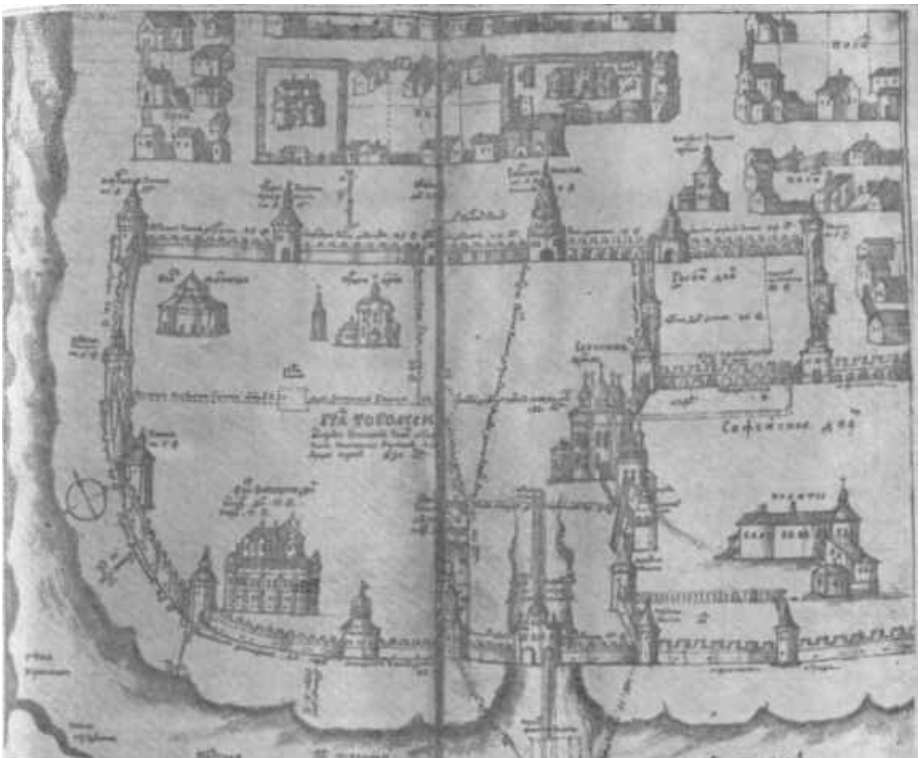


Схема расположения стен и башен Тобольского кремля. Рис. автора 1—5 — варианты планировки Тобольского кремля по проектам С. Ремезова; 6 — схема стен и башен Тобольского кремля, рис. автора

В 1700 г. началось возведение городских стен. Верхотурский кремль строился московскими каменщиками под руководством Тимофея Гусева. Вероятно, это были мастера, освободившиеся от постройки стен тобольского Софийского двора. Они должны были учить верхотурцев жечь известь, готовить глину, копать рвы для фундаментов и бутить их камнем, а сами делать красную и муравленую черепицу, вести каменную кладку стен и башен. Помимо москвичей там работали усольцы. Они возводили Троицкую церковь, и, по-видимому, примыкавшие к ней ворота. Их архитектура близка церкви, а зубцы стены красиво переходят в сложное завершение ворот, плоскости которых заполнены сочной орнаментальной кладкой.

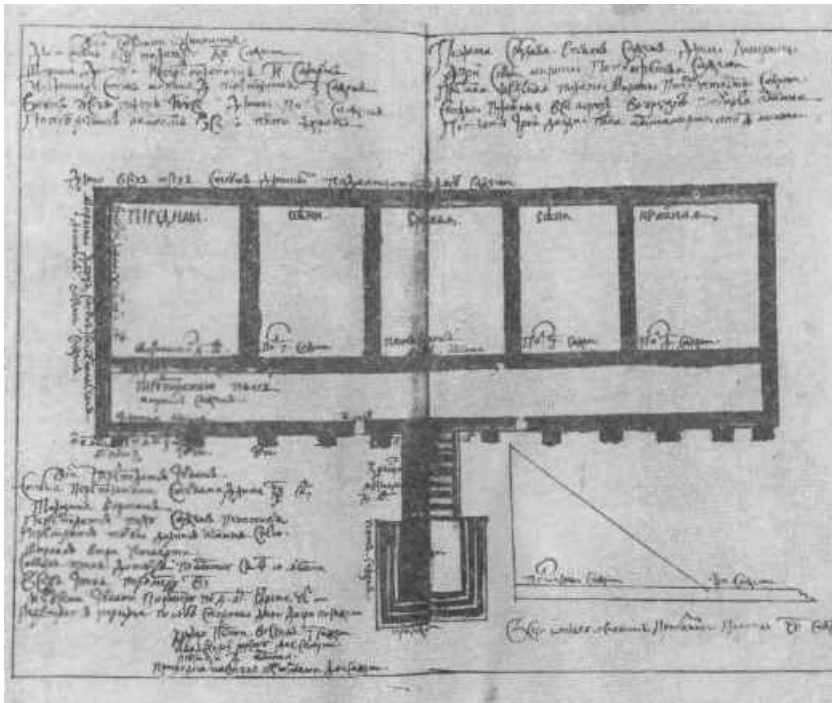
Троицкая церковь Верхотурского кремля (1703—1710 гг.) — характерный памятник местной архитектуры.



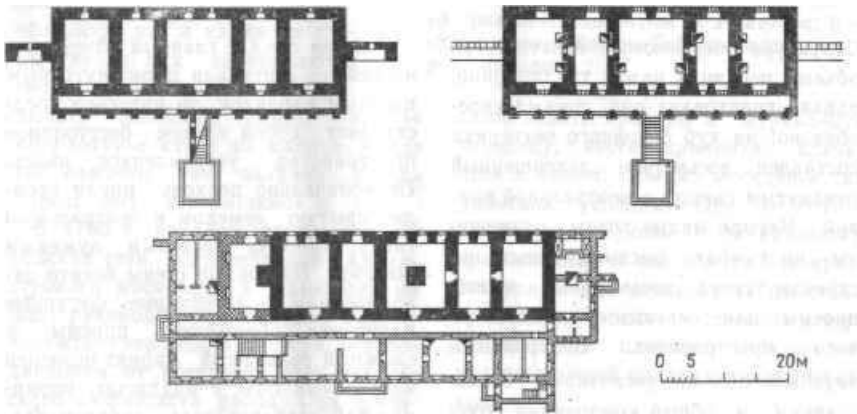
Объемный план к пятому варианту проекта Тобольского кремля. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

Структура основного трехчастного объема церкви в целом традиционна, однако трактована она весьма своеобразно; на куб основного четверика поставлен восьмерик, завершенный сомкнутым сводом с центральной главой. Четыре малые главы размещены на тумбах, расположенных по странам света восьмерика, имеют проемы для освещения подкупольного пространства. Центральный ярусный объем, увенчанный пятью главами, в общей композиции уравновешивается легким взлетом стройной многоярусной шатровой колокольни.

Если на фасаде главный объем расчленен по вертикали промежуточным пышным карнизом, то интерьер представляет собой единое бесстолпное пространство, устремленное ввысь. Первоначально церковь имела кровлю, крытую лемехом и центральную главу, обитую листовым луженым железом. Наружные стены богато декорированы — затейливые фигурные наличники обрамляют проемы, в сложный рельефный карниз помещен изразцовый пояс с надписью, упоминающей верхотурского воеводу времени строительства — Алексея Калитина. Каждую букву этой надписи составляет отдельный изразец.

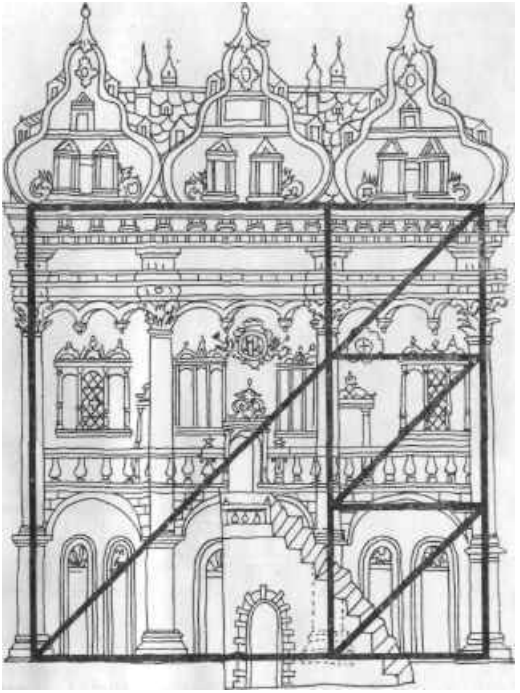


План Приказной палаты Тобольского кремля. Рис. нач. XVIII в.

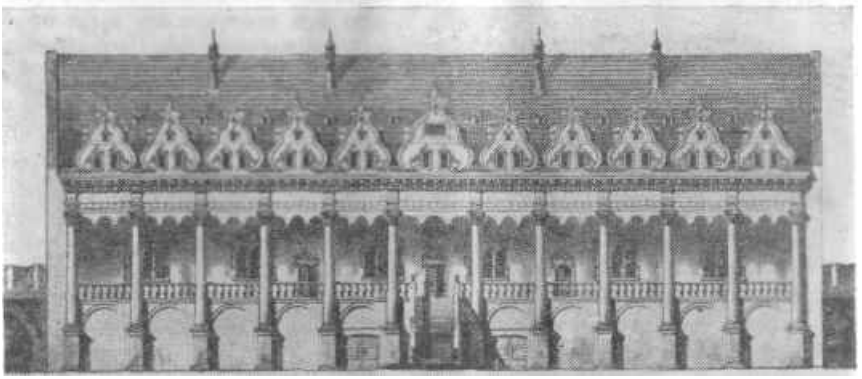


Схемы планов первого и второго этажей тобольской Приказной палаты. Рис. автора по описанию С. Ремезова

Фрагмент палаты по чертежу С. Ремезова



Фасад Тобольской Приказной палаты. Реконструкция автора



Монастыри. Первые сибирские монастыри играли важную оборонную роль, охраняя обычно подступы к городу. Поэтому они, как правило, имели крепостные стены с башнями. Как и малые города — кремли, каменные монастыри XVIII в. являются значи-

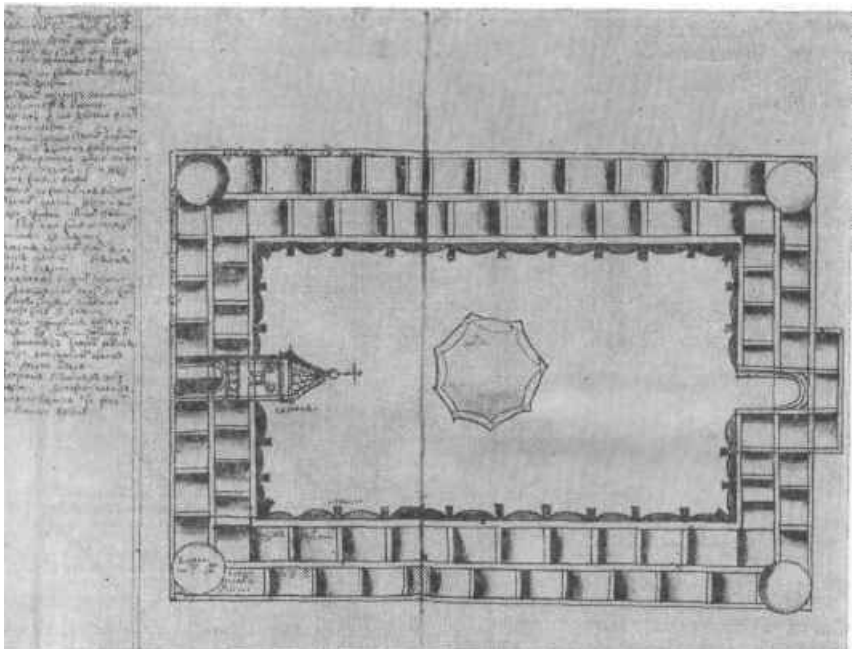
тельными архитектурными памятниками Сибири.

Троицкий мужской монастырь в Тюмени представлял комплекс, в каменной ограде которого находились три церкви, двухэтажный митрополичий дом, другие каменные сооружения и

Тобольский гостиный двор

несколько деревянных построек служб и келий. В южной стене находились ворота, увенчанные небольшой конусообразной главкой. Главную церковь монастыря — Троицкий собор — заложили в мае 1708 г. и за-

кончили к 1715 г. Ее мощный объем завершен тремя большими и двумя малыми ярусными главами со сложным силуэтом куполов. Предполагается, что строителем был мастер Матвей Максимов. Уже в процессе строи-



План гостиного двора в Тобольске. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

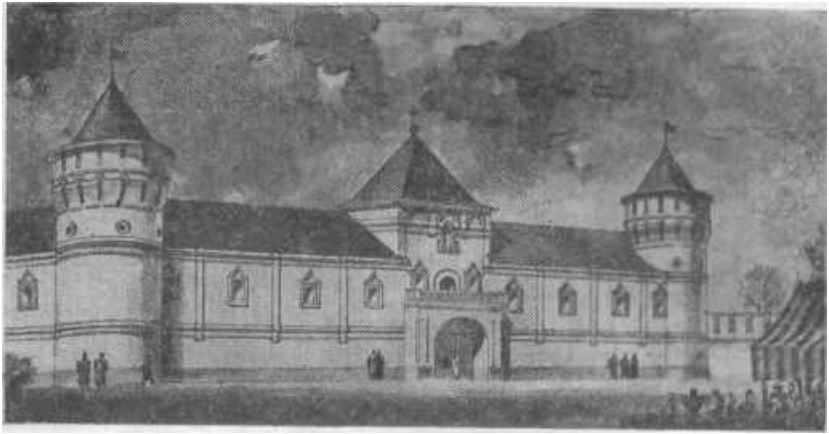
тельства к основному объему храма с северной стороны было пристроено двухэтажное здание приделов, получившее совершенно иную архитектурную характеристику. Если в главном здании проемы с традиционными по рисунку наличниками в стиле барокко, то здесь они получили еще более усложненные декоративные завершения. Такие же обрамления окон имела и Спасская церковь Тобольска 1709—1713 г.; возможно, что строитель этой церкви принимал участие и в сооружении Троицкого собора в Тюмени.

Особый интерес представляет вторая монастырская церковь — Петропавловская. По чертежам, сделанным для послепожарной перестройки, легко восстановить ее первоначальный вид.

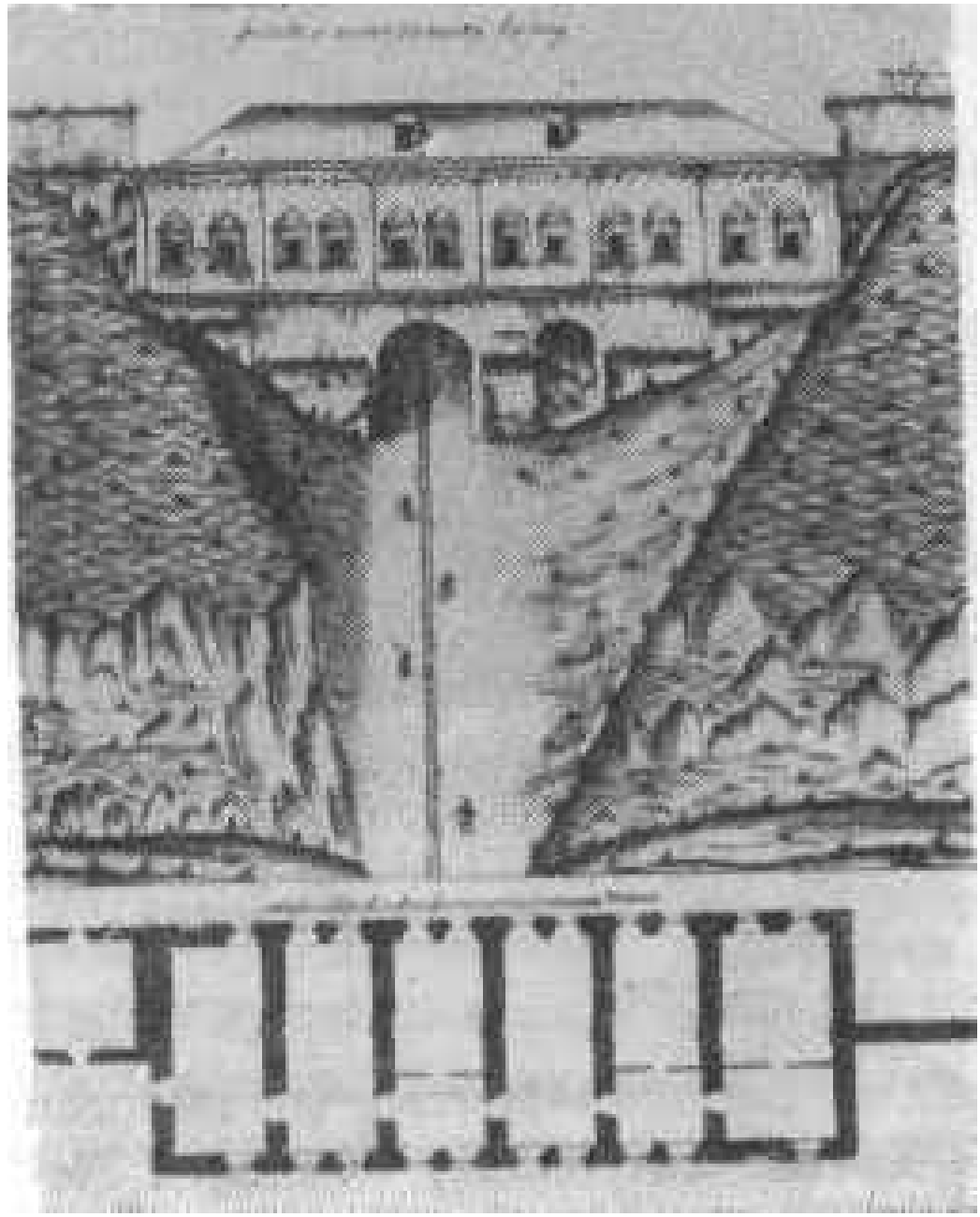
Церковь имела в плане равносторонний кресг, отдельно стояла восьмигранная колокольня. Формы Петропавловской церкви напоминали церковь Киевского Выдубецкого монастыря, построенную в 1696—1700 гг., а также имели сходство с одним из рисунков, помещенных в «Служебной чертежной книге Сибири» Ре-

Проект Вознесенской церкви в Тобольском кремле. Рис. С. Ремезова из «Служебной чертежной книги»

мезова. Вполне вероятно, что выходец из Киева митрополит **Филофей** Лещинский, в первой четверти XVIII в. живший в Тюменском монастыре, спо-



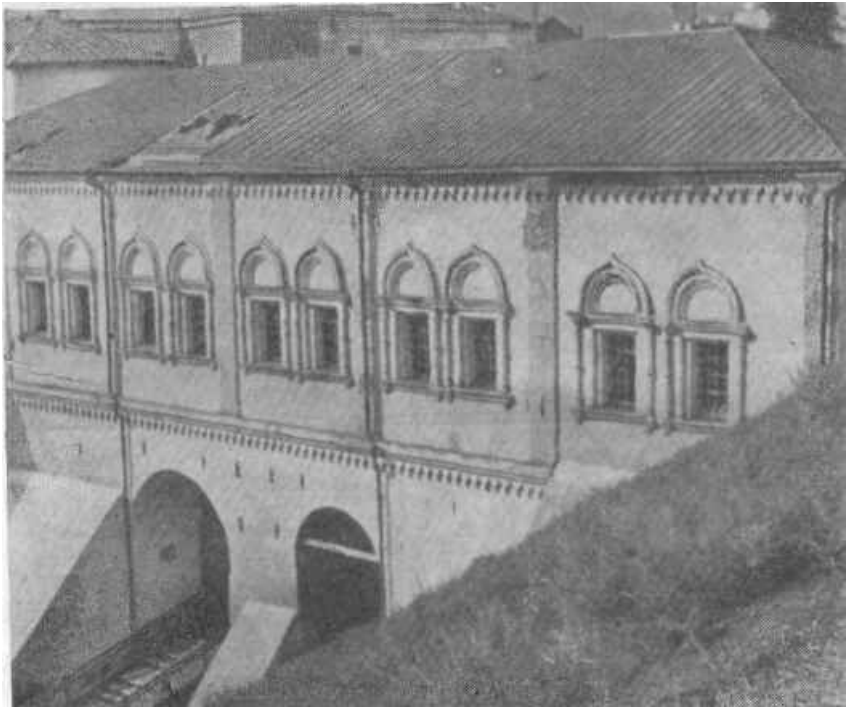
Тобольский гостиный двор. Реконструкция автора



Рентория Тобольского кремля. Обмерный чертеж начала XIX в. ЦГИА

собствовал привлечению украинских мастеров для отделки собора. Известно, что ими был выполнен великолепный резной иконостас. Еще в 1702 г. Лещинский обращался к Петру I с просьбой «монахам киевлянам чтобы был приезд в Сибирь и из Сибири отъезд вольный» [85]. Рисунок Ремезова — далеко не копия церкви Выдубецкого монастыря, а скорее своеобразная трактовка ее форм и деталей. Это дает известное основание связать сооружение Петропавловской церкви в Тюменском Троицком монастыре с именем Ремезова.

Позднее церковь подверглась перестройке, исказившей первоначальный облик. Ее соединили с колокольней, застроив промежуток и сделав двухэтажную пристройку с южной стороны, где разместились ризница и ду-



Рентория Тобольского кремля

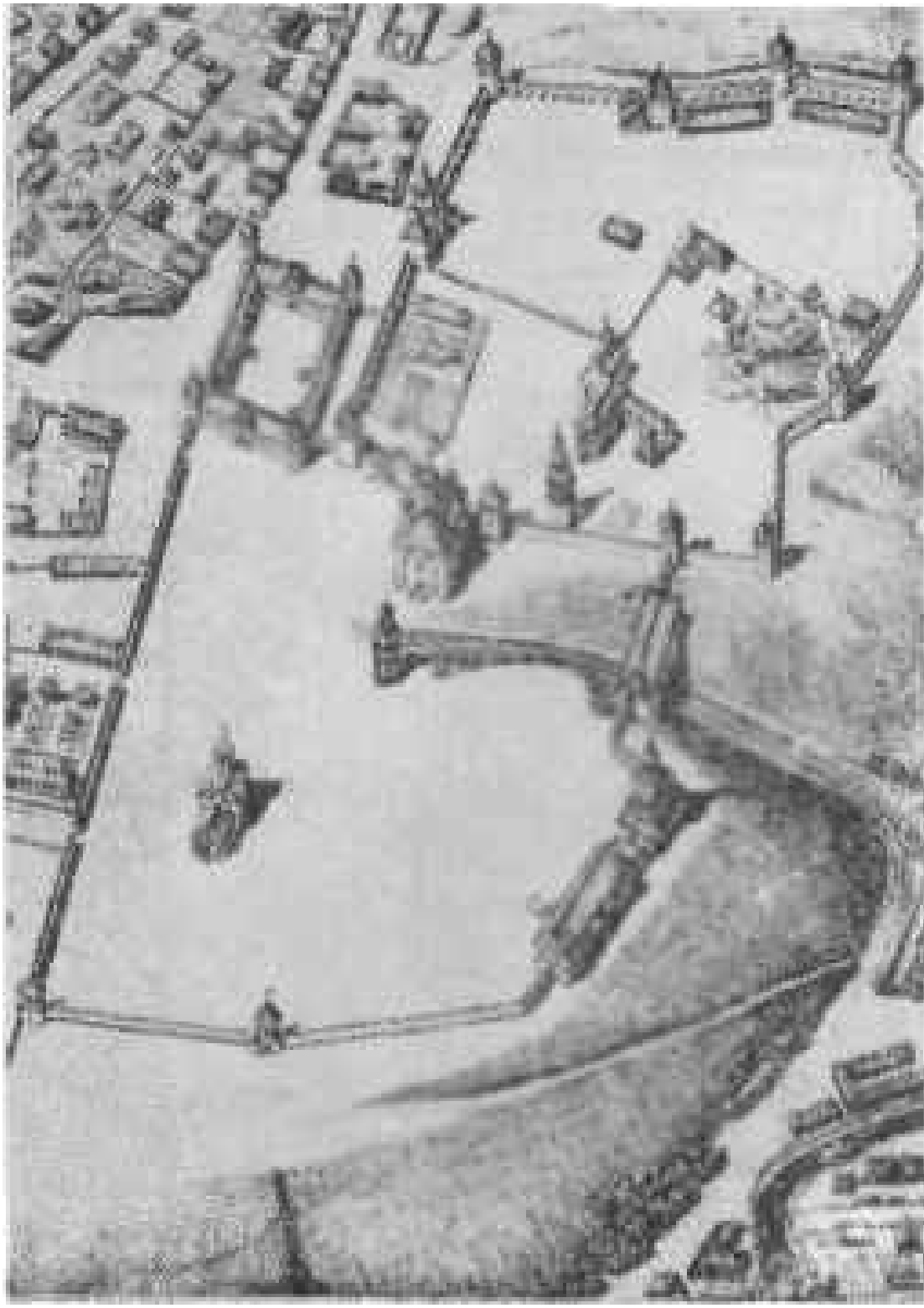
ховное правление. Деревянные купола, сгоревшие в 1842 г. и восстановленные в форме луковиц, прежде были ярусными, как и в Троицком соборе.

Третьей постройкой монастыря была церковь Сорока мученников, имевшая трапезную. В западной части ограды стоял дом митрополита.

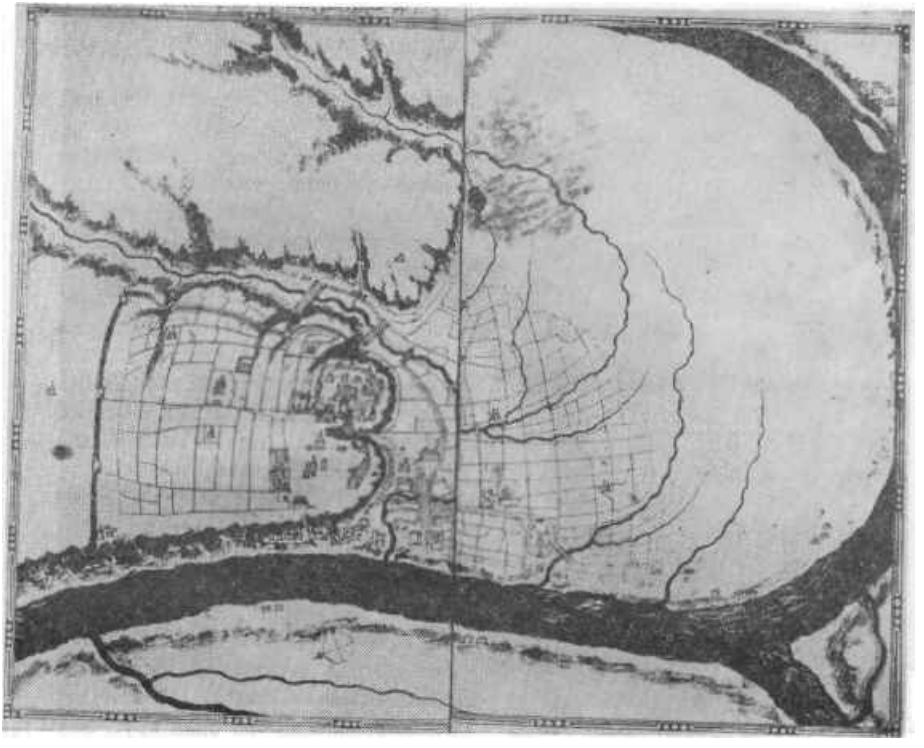
Берег, на котором стоял монастырь, сползал, хотя в начале XVIII в. был укреплен деревянным обрубом, поэтому каменную стену пришлось заменить легким деревянным забором.

Долматов монастырь, основанный в 1644 г., был важной порубежной крепостью на высоком берегу р. Исети. Его деревянные крепостные стены окончательно погибли в пожарах 1707—1708 гг.

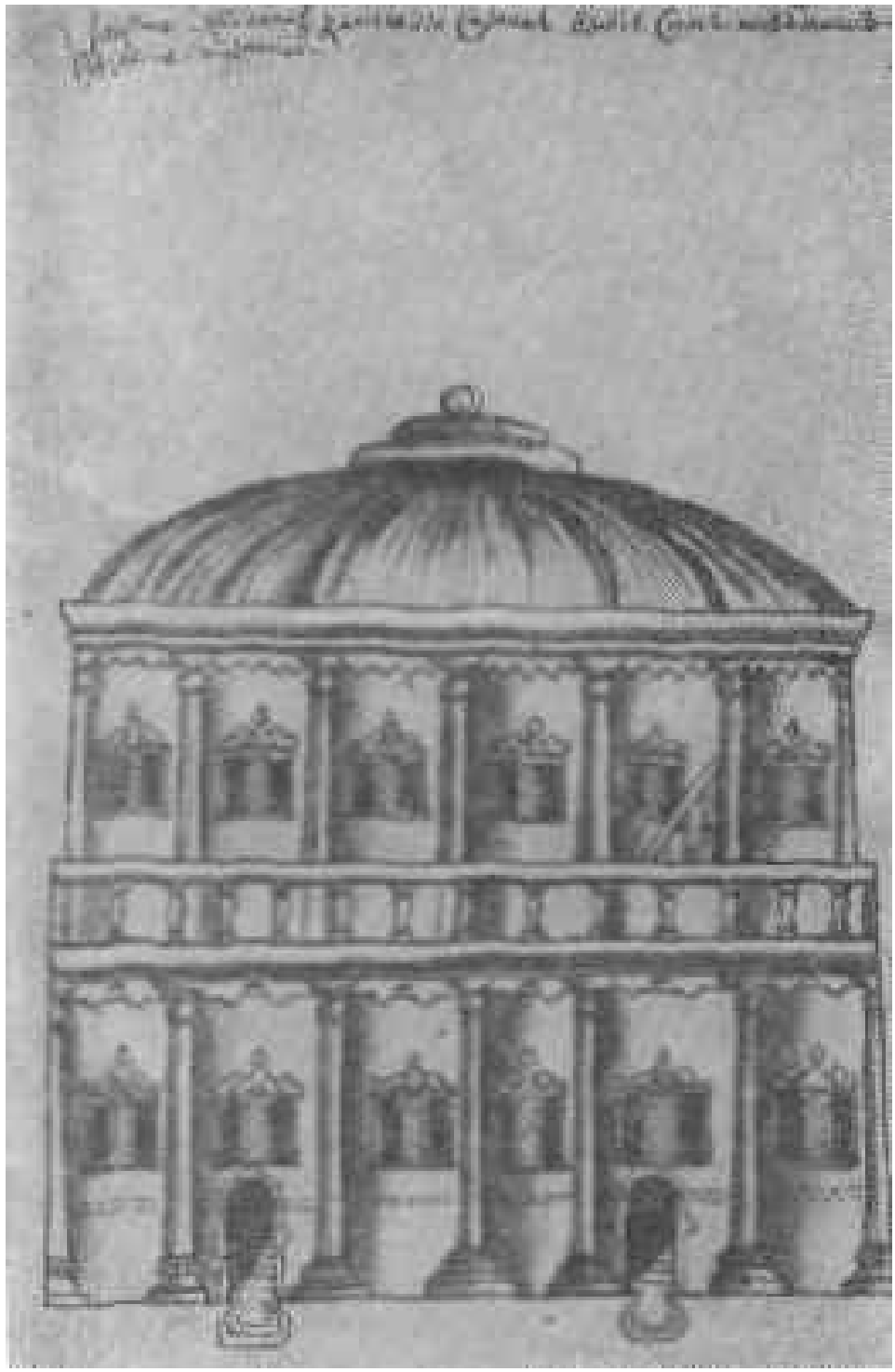
Еще при жизни основателя монастыря — бывшего тобольского казака



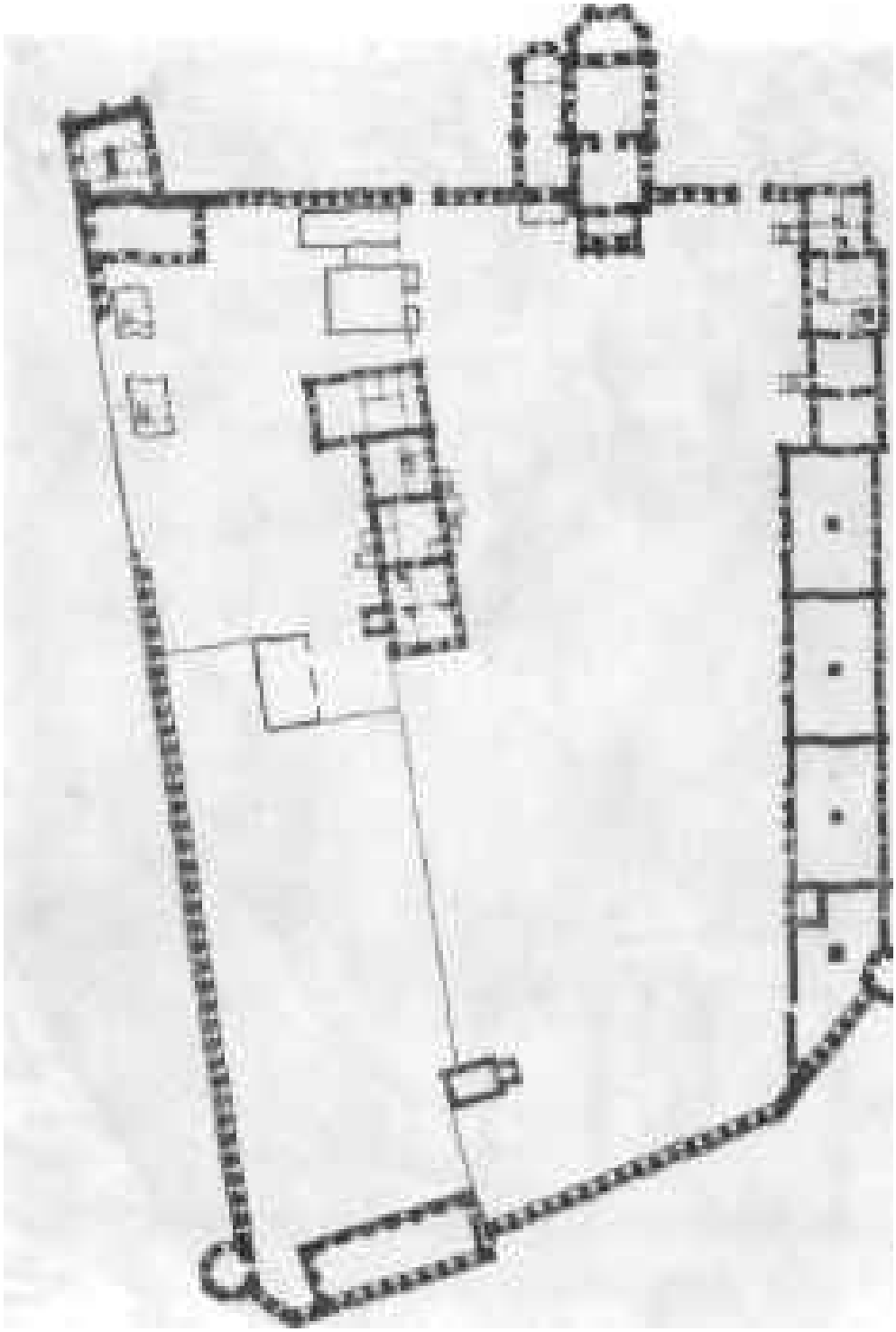
Тобольский кремль. Рис. автора



План Тобольска. 1715 г. (?) Рис. С. Ремезова. ЦГВИА



Проект воеводского дома. Рис. С. Ремезова



План Верхотурского кремля. ЦГИА

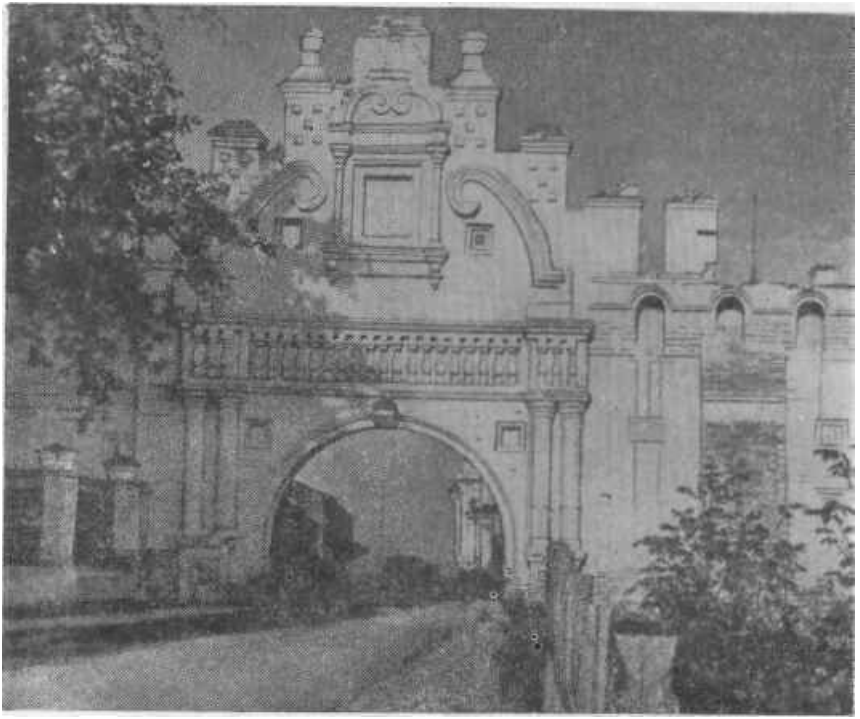
Дмитрия Мокринского (монах Долмат) — возникла мысль о перестройке монастырских сооружений по примеру тобольского Софийского двора. Но только в 1704 г. последовало разрешение «в отражение огненного запаления» строить каменную Успенскую церковь. Ее заложили в 1707 г. вне стен сгоревшего монастыря. Нижний ярус церкви с трапезой был окончен в 1710 г. Работы по остальным частям и отделке велись до 1719 г. Строили церковь каменщики Емельян Гульков, Антон Зубо, Сысой Агафонов, Миней Полескин, Михаил Цаплин, Данила и Роман Громыхаловы и другие под руководством «опытного в каменном деле тюменца» Ивана Борисова-Сороки.

В 1742 г. сгорели деревянные главы. Их восстановили в том же материале, а трапезную надстроили вторым этажом в дереве. В 1852 г. сгорела верхняя церковь, и тогда надстройку заменили каменной, а колокольню увеличили на один ярус. Все это изменило первоначальный облик здания, но и теперь оно восхищает богатством кирпичной орнаментики стен.

Каменный монастырский комплекс представлял собой в плане неправильный шестиугольник, огражденный мощными крепостными стенами. Их начали строить в 1713 г., и они охватили пространство, значительно большее, чем занимал деревянный монастырь, так что Успенская церковь оказалась в центре территории нового монастыря.

Интерес вызывают крепостные стены Долматова монастыря. Выразителен по своей архитектуре участок стены со Святыми воротами; они состояли из арки, вписанной в прямоугольный перспективный портал с богатой пластикой ступенчатых декоративных поясков. По обе стороны арки находились «каменные палатки»,

Верхотурский кремль. Рис. первой половины XIX в.

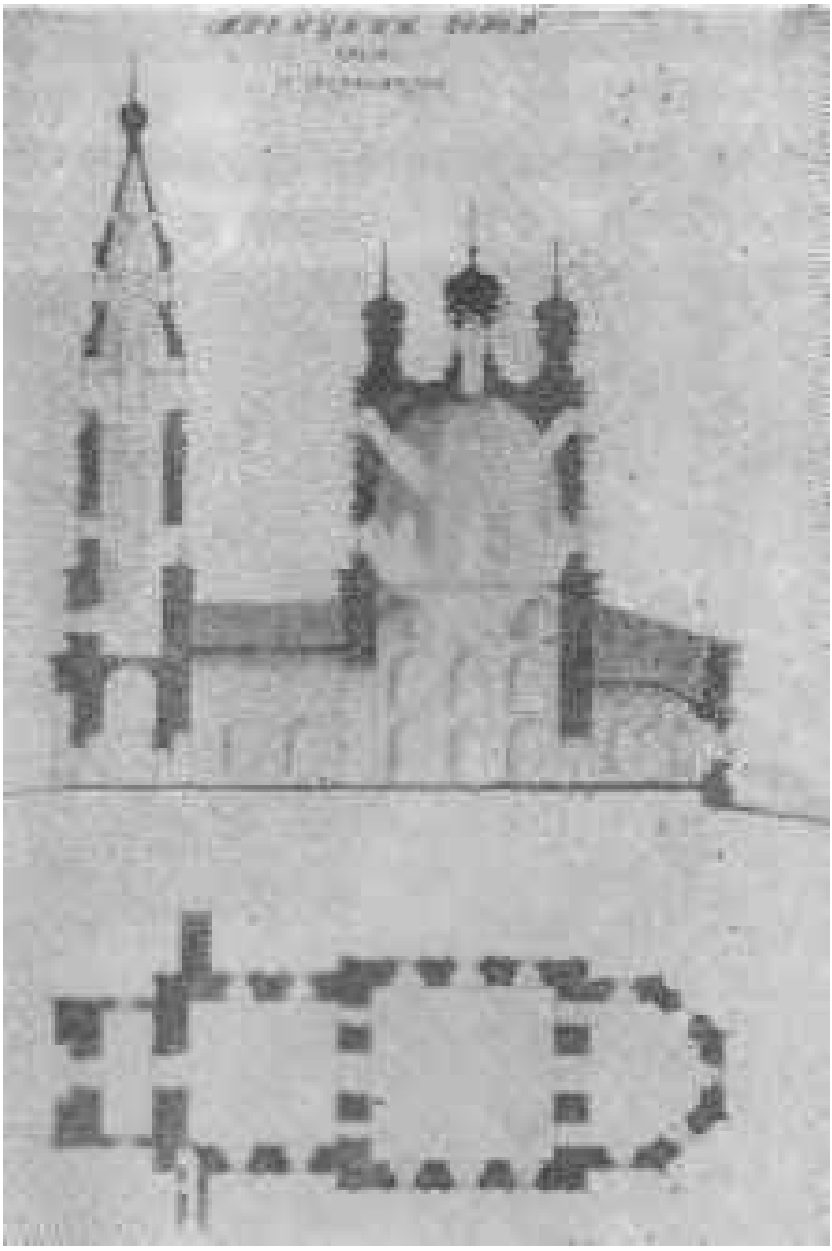


Ворота Верхотурского кремля

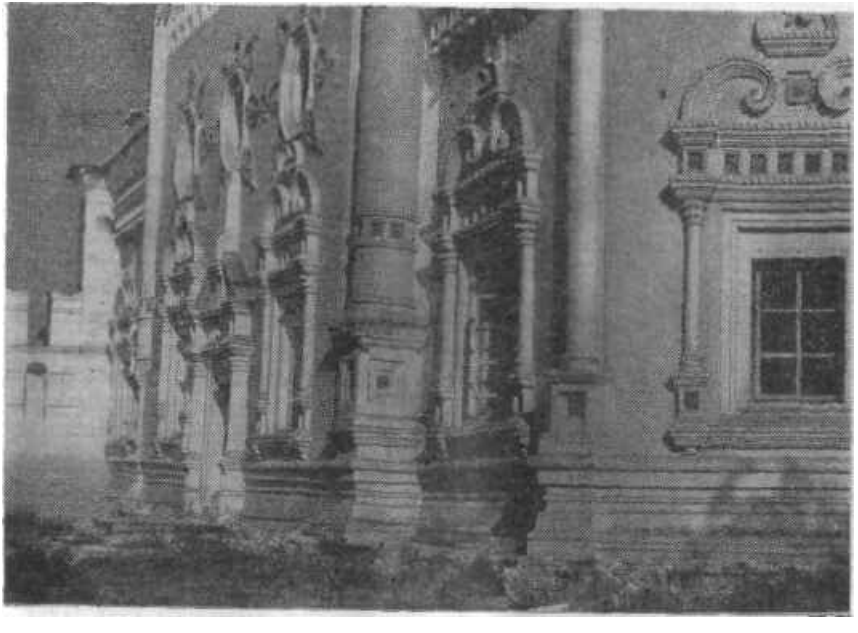
Троицкий собор в Верхотурском кремле. Рис. конца XIX

Троицкий собор в Верхотурском кремле. Южный фасад. Разрез. План. Обмеры П. А. Тельтевского

а над всем — надвратная Богословская церковь, где к открытой террасе вели две широкие наружные лестницы (начатая в 1724 г., она была достроена только до окон). Северо-



западная стена (1724 г.) имела Красный бастион и ворота в южной части. Юго-восточная стена (1727—1728 гг.) фланкировалась двумя башнями и имела ворота.



Троицкий собор в Верхотурье

Когда в 1731 г. была проведена опись монастырских построек выяснилось, что стена «в недостроe». Вправо от Святых ворот до Красного бастиона стену завершали щиты или зубцы, а симметричная левая часть стены от ворот до угловой башни вначале не имела «щитов» — их построили только в 1841 г. Каменной стены вдоль берега и отходившего от него оврага не было вовсе. Ее заменял деревянный забор в кирпичных столбах, там были встроены одноэтажные здания поварни и духовной школы, а к угловой южной башне примыкало здание келий и монастырских мастерских. Крепостная стена получила контрфорсы, которые соединили арки, поддерживавшие верхний боевой ход. Образованная контрфорсами и сводами боевая ячейка имела два яруса отверстий в глубоких нишах наружной стены. Первым ярусом пользовались с земли, а для вто-

рого были устроены деревянные помосты, сгоревшие в 1748 или 1798 г. Массивные зубцы, или «щиты» покоились частью на внешней кромке стены, частью на консольном выпуске нескольких рядов кладки, что расширяло верхний боевой ход и придавало выразительность завершению стены.

Все три угловые башни были недостроены. В 1732 г. монастырь спешно укрепили наружными рвами, надолбами и рогатками, и многие годы велась их доделка. Береговой забор заменили каменной стеной, но без бойниц и боевого хода, а зубцы поставили только на участке, примыкавшем к оврагу.

Наиболее активное строительство велось в 1766—1777 гг., когда достраивались надвратная Богословская церковь и, по-видимому, обе угловые башни юго-восточной стены. Восточная восьмигранная башня имеет три

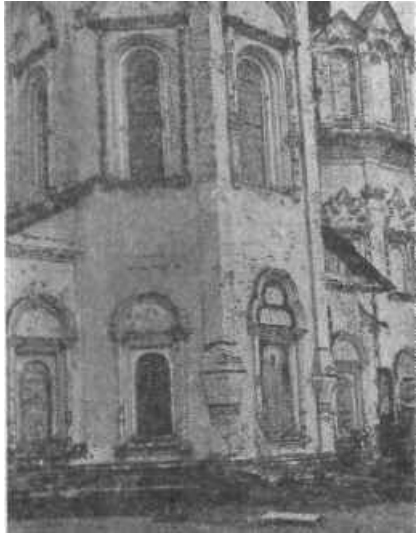
Троицкий монастырь в Тюмени

яруса, первый из которых отмечен узорчатым карнизом. Ее стены имеют два ряда боевых отверстий. Каждая грань завершается плоской арочкои и переходит в шатер с поясом из восьми слуховых окон. Западная башня той же высоты представляет восьмерик, поставленный на четверик с помещениями в два яруса. Восьмерик

расчленен пояском, выше которого расположены на каждой грани строенные глухие ниши; завершение -такое же, как и на восточной башне. Одновременно с береговой стеной пытались возвести башню на ее северо-западном конце. Был построен четверик и часть восьмерика. В таком виде она осталась до нашего времени.

Пожар 1852 г. нанес существенный урон монастырским сооружениям.

Церкви. Спасопреображенская церковь Знаменского монастыря в Тобольске (1685—1691 гг.) напоминает Софийский собор, но значительно меньше его. Квадратная в плане, четырехстолпная, она имела три алтарные абсиды. Строители, встревоженные катастрофой с главой собора в Тобольске, сделали здесь внутренние столбы особенно массивными. Два из них были близко поставлены к восточной стене и связаны с ней арками. Над центральным подкупольным



Фрагменты фасадов Троицкого собора в Тюмени

Чертеж для восстановления Петропавловской церкви после пожара 1842 г. **ЦГИА**

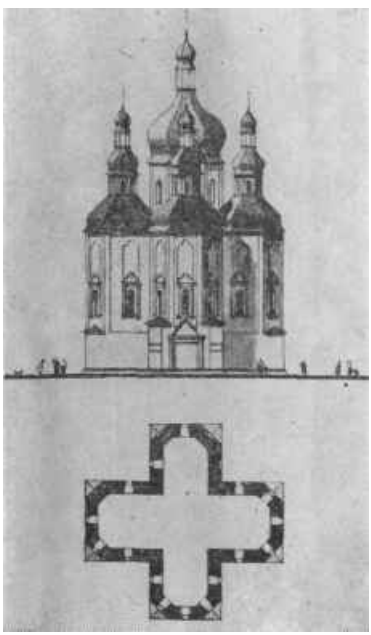
пространством был возведен световой барабан, завершенный луковичной главой. Остальные четыре главы были деревянными (впоследствии они были перестроены). Наружные стены церкви почти не имели украшений.

При сходстве плана объемное построение обоих храмов различно: основной объем Софийского собора имеет почти кубическую форму, а Спасопреображенская церковь благодаря меньшей высоте представляет собой вытянутый по горизонтали параллелепипед.

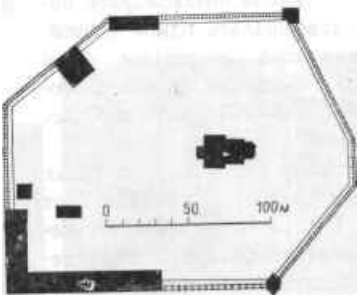
Того же типа была и Троицкая церковь на базарной площади Верхнего посада в Тобольске, построенная в 1691—1694 гг. вместо сгоревшей деревянной. Ее единственное изображение сохранилось на рисунке Ремезова, сделанном спустя 5 лет после постройки. Она имела позакомарное покрытие и завершалась одной главой.

Несколько иной структуры были две другие тобольские церкви: Богоявленская (1690—1691 гг.) и Спасская (1710—1713 гг.).

Богоявленская церковь возведена на Нижнем посаде, неподалеку от лестницы Базарного взвоза. Ее местоположение на базаре предопределило своеобразие композиционного решения храма. Когда в 1685 г. жители прихода собрались строить каменную церковь, они потребовали от строителей приделать к ней особое помещение, «чтобы нам всем городским людям горным и подгорным, приезжим всех чинов людям в зимнее время всем было прибежище, для того, чтобы та



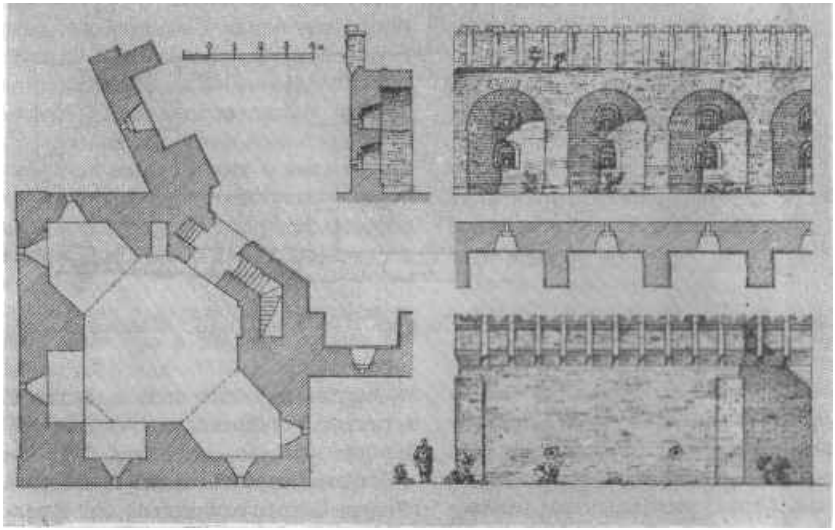
Первоначальный вид Петропавловской церкви. Реконструкция автора



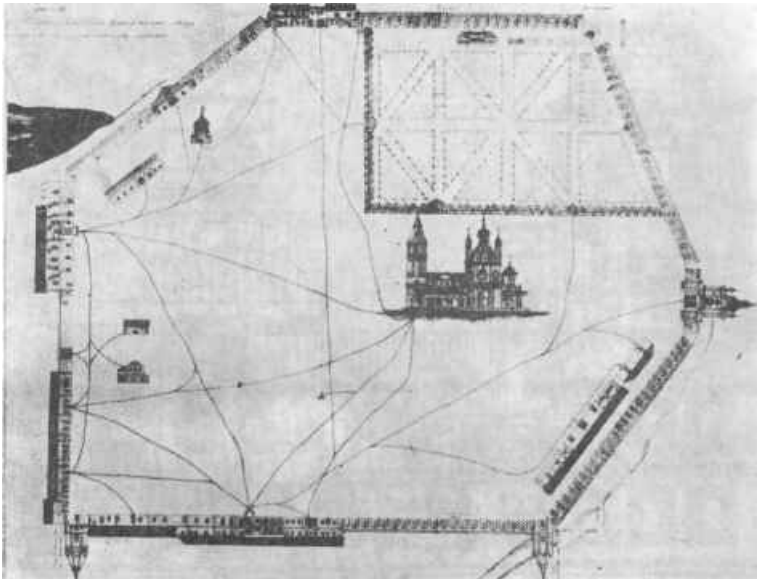
План Долматова монастыря. Рис. автора по чертежу ГААК

Южная башня Долматова монастыря. Обмер В. А. Матвеева

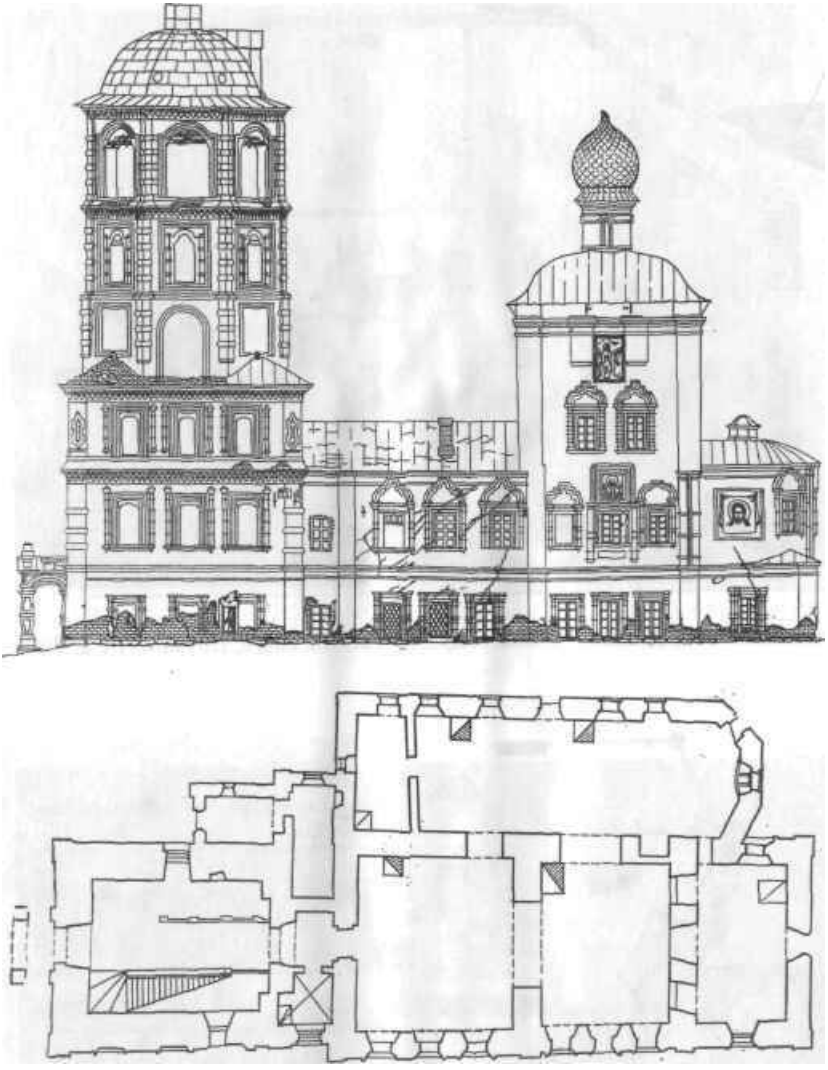
Успенская церковь Долматова монастыря



Стена Долматова монастыря и план Красного бастиона. Рис. автора по об-мерам ***В. А. Матвеева***



Объемный план Долматова монастыря. Архит. Васильев. Начало XIX

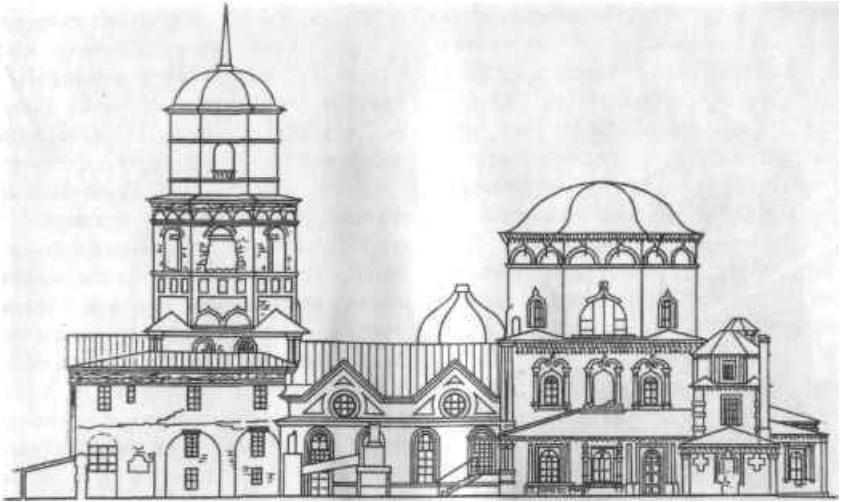


Благовещенская церковь в Тюмени. По рис. 1706 г. ЦГАДА. Южный фасад. План

церковь стала близ площади на базаре безпристанно и безвыходно в трапезе греются» i[86]. И действительно, при церкви была построена большая трапезная. Между ней и храмом навесили массивную дверь, которая когда не было службы, закрывалась, а трапезная оставалась открытой и служи-

ла местом торговых сделок, а зимой и местом обогревания посетителей базара.

Спасская церковь также имела трапезную. Сохранился только вид фрагмента ее фасада. Но и его достаточно, чтобы судить о выразительной пластике стены. Разнообразные рель-



Спасская церковь в Иркутске. Обмеры архит. Г. Г. Оранской, 1967 г.

ефные обрамления окон создавали эффектную игру светотени.

Церкви Спасопреображенская, Богоявленская и Спасская, первая больше, а две других лишь частично, отражали старую строительную традицию храмов с единым объемом четверика, завершенного одной или пятью главами и имевшего три полукруглые алтарные абсиды. В Богоявленской и Спасской уже есть трапезные, но еще нет связанных с ними колоколен. Они являются переходными к типу традиционной посадкой трехчастной церкви, где на одной оси располагались алтарь, собственно храм, трапезная и колокольня.

Этот тип представлен Благовещенской церковью в Тюмени. Здание заложили 31 мая 1700 г. и закончили 31 октября 1704 г. (без колокольни). Строил церковь мастер Яков Афанасьев, а кирпич изготовляли под руководством мастера Савватия Андреева. В иконописных работах принял участие Максим Стрекаловский и другие тюменские и верхотурские мастера.

Представление о первоначальном виде Благовещенской церкви дают два рисунка 1706 г. Прямоугольная в плане, она имела трапезную, собственно храм и алтарь. Повышенный объем четверика переходил в восьмерик, завершенный меньшим восьмериком центрального светового барабана, а на углах покоились четыре «малых» главки. Церковь стояла на высоком цокольном этаже, где размещались кладовые. Строительство колокольни несколько задержалось. В 1705 г. она была возведена только «до средних сводов». Одновременно к северо-западной стене были пристроены новые кладовые, плоская кровля которых стала открытой огражденной белокаменными балясинами папертью для церкви, куда вела наружная лестница.

Благовещенская церковь выделялась красочностью своего убранства: кровли ее трапезной, алтаря и большого восьмерика были выполнены из квадратных и белых плит, создавали шахматный рисунок, центральная глава крыта желтой черепицей, ма-

Благовещенская церковь в Тюмени

Богоявленская церковь в Иркутске

лые раскрашены зеленой и красной краской.

В декоративном убранстве церкви

широко использовалась поливная керамика. Эффектным украшением цветных стен были майоликовые наличники окон и дверей. В них преобладали зеленый и фиолетовый цвета. Углы основного объема были украшены тонкими колонками с рельефным изображением виноградных лоз из поливной керамики. Майоликовые вставки украшали верхнюю часть стен повышенного объема и глухую северную стену трапезной, где находилось большое панно, изображающее «травы». Подкарнизный пояс состоял из майоликовых плиток с славянской вязью, повествующей о времени строительства и причастных к этому лицах, главным образом, о светском и духовном начальстве.

Тюменская Благовещенская церковь была замечательным памятником стиля русского барокко с яркой окраской стен, глав и кровель. К со-

жалению, в начале XIX в. ее облик был искажен перестройками.

Подобную трехчастную структуру плана имеют Успенская монастырская церковь в Нерчинске (1726) и две иркутские церкви — Спасская и Богоявленская.

Успенская церковь производит сильное впечатление строгостью и лаконичностью своих объемов. Доминирует в общей композиции объем четверика, увенчанный пятью главами, пониженные объемы трапезной и алтаря по контрасту с ним выглядят приземистыми. Невысокая двухъярусная колокольня с шатровым завершением и главкой уравновешивает целостную пространственную композицию храма.

Спасская церковь — наиболее ранняя каменная культовая постройка Иркутска — заложена в 1706 г. и закончена по одним сведениям в 1710 г., по другим — тремя годами позже. Первый этаж здания предназначался для кладовой «мягкой рухляди» и денежной казны. В 1717 г. этот этаж был переделан под Никольскую церковь. Из рисунка первой половины XVIII в. видно, что церковь с южного и западного фасадов имела двухъярусную деревянную галерею. В 1758 г. перед трапезной церкви бы-

ла возведена колокольня в духе архитектуры того времени. В 1778—1789 гг. к северной стороне был пристроен двухэтажный придел. Пристройки усложнили ее объемы, но и теперь Спасская церковь производит впечатление чистотой своих форм и изяществом скромных деталей.

В 1718—1724 гг. среди построек главного иркутского рынка была возведена Богоявленская соборная церковь. В отличие от куба Спасской, здесь главный объем состоял из четверика и восьмерика, завершенного пологим сомкнутым сводом с пятью главами. Стены восьмерика украшены только подкарнизным поясом декоративных арочек и имеют большие полукруглые окна без всякого обрамления, а первый этаж получил окна с наличниками из колонок и сандриков со спиральными завитками. Колокольни прежде завершались деревянным шатром.

Имеются еще сведения о постройке в Енисейске в 1712 г. каменной Богоявленской церкви, в Нерчинске в 1712—1720 гг. Троицкого собора, но о них почти ничего неизвестно.

Петровский указ, запрещавший каменное строительство везде, кроме Петербурга, временно прервал его и в Сибири.

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, с. 118.

2. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840, с. 73.

3. Новые ежемесячные сочинения, 1788, ч. XXV, июль, с. 88.

4. Гондатти Н. Сведения о поселениях по Анадырю. — «Записки Приамурского отдела Русского географического общества». Хабаровск, 1897, т. III, вып. 1, с. 89.

5. Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. СПб., 1893, с. 11.

6. Бель. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли..., а именно: в Исфаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776, с. 163.

7. Кириллов В. В. Проекты «образцовых домов», разработанные С. У. Ремезовым для Тобольска. — В сб.: Архитектурное наследство, 1960, № 12, с. 163—165.

8. Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса. М., 1946, т. VIII, с. 146—166.

9. Рейтенфельс Я. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. (Падуя, 1680 г.). М., 1906, с. 202.

10. Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 261.

11. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.—Л., 1937, т. 1, с. 341.

12. Сибирские летописи, изданные Археологической комиссией. СПб., 1907, с. 318.

13. Преображенский А. А. Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири. — Сб.: Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 388.

14. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, с. 117.

15. ЦГАДА, ф. 214, кн. 6, л. 333об. и 444; ААН, ф. 21, оп. 4, д. 17, л. 116 и 116об.

16. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 256.

17. Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1900, ч. III (1592—1768), с. 9.

18. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 281об.

19. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 73.

20. Петряев Е. Нерчинск. Чита, 1959, с. 7.
21. Король А. Бийск. Барнаул, 1955.
22. Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1865, ч. III, с. 155, 156; ЦГВИА, ф. 349, оп. 45, д. 2305.
23. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1859, т. VII, с. 368.
24. Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — «Летопись Севера», 1949, № 1, с. 101.
25. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVI в.— Сб. архивных материалов, Л., 1939, с. 47.
26. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 336, 337.
27. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск, 1949, т. 1, с. 74.
28. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 336, 1654.
29. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. — «Записки русского географического общества по отделу этнографии». СПб., 1882, т. X, вып. 1, с. 100.
30. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 23, л. 249—250.
31. Дмитриев А. Верхотурский кремль и подчиненные ему крепости по описям конца XVII и начала XVIII столетий. — «Пермские губернские ведомости», 1885, № 10, с. 60.
32. ЦГАДА, ф. 214, с. 635, л. 129.
33. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 336; там же, д. 29, л. 7.
34. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 25, л. 412, 415, 1684.
35. ЦГАДА, ф. 214, с. 1377. л. 67.
36. ААН, ф. 3, оп. 10а, д. 199, 1764.
37. Сгибнев А. Древняя и новая Россия, СПб., 1878, т. II, с. 301.
38. Маак Р. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Имп. географического общества в 1855 г. СПб., 1859, с. 66.
39. Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882, кн. № 1 (1700—1713).
40. Записки к сибирской истории служащие. — «Древняя российская вифлиотифика». М., 1788, ч. III, с. ПО.

41. ЦГАДА, ф. 214, с. 16, л. 212.
42. ЦГАДА, ф. 214, с. 1377, л. 305.
43. Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII—XVII вв. Иркутск, 1941, с. 322—324.
44. ЦГАДА, ф. 214, с. 950, л. 229.
45. ГАТО, ф. 341, оп. 1, д. 37, л. 158, 1701.
46. Словцов И. Я. Историческое обозрение Сибири. М., 1844, с. 488.
47. ЦГАДА, ф. 199, портф. 481, ч. 4, л. 68.
48. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 79, л. 1.
49. Тюмень в XVII столетии. Собрание материалов для истории города. М., 1903, с. 59.
50. ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 563, 326.
51. ГАТО, ф. 47, оп. 1, д. 564, л. 16.
52. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли. СПб., 1776, с. 163.
53. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 11.
54. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 2, л. 99об.
55. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 5, л. 6 об.
56. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 7, л. 38.
57. ААН, ф. 21, оп. 5, д. 40, л. 1.
58. Спафарий Н. Указ. соч., с. 67.
59. Русская историческая библиотека. СПб., 1875, т. II, с. 159.
60. Паллас П. С. Путешествие по разным местам российского государства. СПб., 1786, т. III, с. 427.
61. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 20, л. 57; ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 1132, л. 2, 1708.
62. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 138 об.
63. Русская историческая библиотека. Сб., 1875, т. II, с. 170.
64. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 16, л. 166, 167.
65. ААН, ф. 21, оп. 10а, д. 193 (летописец Туруханского подъячего Александра Горохова).
66. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 21, л. 227, г. 1645.

67. Гос. архив Костромской области, ф. 655, оп. 2, д. 243, л. 15, 1802.
68. Миллер Г. Ф. История Сибири, М.—Л., 1937, т. 1, с. 564.
69. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 22, л. 183.
70. Якутск в XVII веке. Якутск, 1913, с. 309.
71. ЦГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 405, 1769.
72. Петряев Е. Указ. соч., с. 23.
73. Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у калмыцкого хана Аюки на Волге. «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах». СПб., 1764, июнь, с. 26.
74. Спафарий Н. Указ. соч., л. 127.
75. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 29, л. 7 и д. 24, л. 366.
76. ЦГАДА, ф. 214, кн. 1372, л. 888—900.
77. Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968, с. 31.
78. ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, кн. 1372, л. 888—900, 1703; там же, д. 1927, 1710.
79. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 5, л. 191об.
80. «Тобольские губернские ведомости», 1858, прил. 24, с. 311.
81. ГПБ. Отдел рукописей, т. IV, № 324, л. 171.
82. ПСЗРИ, т. IV, № 1800 от 18 июня 1700 г.
83. Черепанов И. Сибирская летопись. ГПБ, ОР, т. I.324, л. 192.
84. ААН, ф. 21, оп. 4, д. 4, л. 211об.
85. «Иркутские епархиальные ведомости», 1866, № 46, с. 509.
86. Грамматин А. Богоявленская церковь в Тобольске. — «Тобольские губернские ведомости», 1891, № 13—14, с. 287.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ[1]

Абрамов Н. А. Город Тюмень. - «Тобольские губернские ведомости», 1858, № 50, 51, 52.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах. М., 1969.

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. XIII—XVIII вв. Изд. 2-е. Иркутск, 1941.

Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке XVII—XVIII веков. Сост.: А. В. Ефимов, М. И. Белов, О. М. Медушевская. М., 1964.

Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М., 1950.

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950.

Ащепков Е. А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953.

Багров Л. Атлас Сибири С. Ремезова. М., 1958.

Бахрушин С. В. Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в конце XVII века. — «Исторические записки», т. X., М., 1941.

Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. М., 1925.

Белов М. И. История открытия и освоения северного морского пути. М., 1956.

Бояршинова З. Я. Основание г. Томска. — «Вопросы географии Сибири». Сб. 3. Томск, 1953.

Бударин М. Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952.

Булыгин Ю. Первые поселения на Алтае. — Альманах «Алтай», 1964, № 1.

Булычев И. Путешествие по Восточной Сибири. СПб., 1856.

Бунин А. В. История градостроительного искусства, т. I. М., 1953.

Буцинский Л. Н. К истории Сибири. Нарым и Нарымский уезд. — «Записки Харьковского университета», т. 2. Харьков, 1893.

Ватин В. А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913.

Воробьев В. В. Города южной части Восточной Сибири (историко-географический очерк). Иркутск, 1959.

[1] В список не вошли издания, названные в Примечаниях, с. 184 и 185.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948.

Глаголев А. Краткие обозрения древних русских зданий и других отечественных памятников. СПб., 1838.

Голодников К. М. Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1886.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. М., 1965.

Горбань Н. В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. — «Вопросы географии Сибири». Сб. 31. Томск, 1953.

Грабарь И. История русского искусства, т. I, П. М., [1909—1910].

Гумбург Ю. Н. Церковь Казанской Божьей матери села Илимского. - «Архитектурное наследство», № 16, М., 1967.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Дьячков. Анадырский край. — «Записки общества изучения Амурского края», т. III, Владивосток, 1893.

Жаворонков А. 3. Летописная книга о Тобольске. — ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961.

Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.

Иванов В. Н. Образование Якутского уезда. — «Якутский архив». Якутск, 1964.

«Известия Вост. Сибирского отдела Русского географического общества», т. XXV, № 4 и 5. Иркутск, 1895.

Изгачев В. Г. Читинское плотбище в XVII веке. — «Общественные и исторические науки», вып. X. Читинский гос. педагогический институт. Чита, 1966.

История русской архитектуры. Изд. 2-е. М., 1956.

Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891.

Кабо Р. М. Города Западной Сибири. М., 1949.

Катанаев Г. Е. О том, как и когда основан г. Омск. — «Вестник Омского городского общественного управления». СПб., 1916, № 7.

Кириллов В. В. Проекты «образцовых» домов, разработанные С. Ремезовым для Тобольска. — «Архитектурное наследство», № 12,

Кириллов В. В. Постройки С. Ремезова в Тобольске. — «Архитектурное наследство», № 14, 1962.

Кондрашенков А. А. Зауральские слободчики XVII в. — В сб. «Сибирь феодального периода», вып. 2. Новосибирск, 1965.

Копылов А. Н. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968.

Копылов А. Н. О дате основания Иркутска. — «История СССР», 1960, № 5.

Кочедамов В. И. Тобольск. Как рос и строился город. Тюмень, 1963.

Кочедамов В. И. К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», № 113, 1968.

Кузнецов. Интересная находка в Томске. — «Сибирский вестник», 1888, № 78.

Кузнецов-Красноярский. Из истории основания г. Красноярска. — «Сибирский архив» [Минусинск], 1915.

Лерберг А. Х. Исследование, служащее к объяснению древней русской истории. СПб., 1819.

Макарий. Описание города Верхотурья, СПб., [б. г.].

Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества русского Севера. М., 1955.

Мартынов Л. Н. Повесть о Тобольском воеводстве. Омск, 1954.

Минерт Л. К. Проблемы планировки и застройки г. Улан-Удэ. — В кн.: Известия высших учебных заведений. Строительство и архитектура, № 8, Новосибирск, 1958, с. 161 — 173.

Молодых В. Г. Новые данные о постройке первого каменного здания в Тюмени. — «Записки Тюменского общества научного изучения местного края», вып. 1, Тюмень, 1924.

Мордовский Л. Историческое описание Киренского Свято-Троицкого монастыря, подчеркнутое из архивных монастыря ... бумаг. СПб., 1894.

Москвинин И. С. Воеводы и начальники Якутска и их действия. — Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб., 1864.

Невельский Г. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России (1849—1855). М., 1950.

Найденов Н. А. Тобольск. Материалы для истории города. XVII—XVIII вв., 1885.

Новиков-Даурский Г. С. Открытие Амура русскими и начало основания края. — «Записки Амурского областного музея», т. 2. Благовещенск, 1958.

Одинцова М. К. К вопросу о заселении русскими Сибири в XVII в. — «Труды Иркутского государственного университета», т. 10. Иркутск, 1954.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов XVI—XVIII вв. Л., 1937.

Окладников А. П. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — «Летопись Севера», 1949, № 1.

Ополовников А. В. Еще один неизвестный памятник русского деревянного зодчества. — «Архитектурное наследство», № 20, М., 1972.

Описание нерчинских заводов, рудников и их округи 1780 г. «Новые ежемесячные сочинения». СПб., ч. XVII, сент. 1788 г.

Опись Верхотурского Кремля первой половины XVIII. — «Пермские губернские ведомости», 1885, № 12.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам российского государства. СПб., 1786, т. III.

Памятная книжка Западной Сибири, Омск, 1881.

Памятная книжка Якутской области на 1863 г. СПб., 1864.

Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 2. СПб., 1885.

Первое столетие Иркутска. Сб., 1902.

Платонов С. Ф. Строгановы, Ермак и Мангазея. «Русское прошлое», 1923, № 3.

Плотников Г. С. Описание мужского Долматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1886.

Полевой Б. П. О местонахождении первого русского поселения на Колыме. — «Доклады Института географии Сибири и Дальнего Востока». Иркутск, 1962, № 2.

Полный свод законов Российской империи. СПб., т. IV, № 2218 от 18 декабря 1708 г.; т. V, № 3378 от 29 мая, 1719 г. т. VII, № 4606 от 26 ноября 1724 г. т. VIII, № 4916 от И июня 1726 г. т. IX, № 6976 от 30 января 1736.

Полное собрание русских летописей. Л., 1926.

Попов А. И. Томск. М., 1959.

Прибыткова А. М. Заметки о памятниках архитектуры Тюмени. — «Архитектурное наследство», № 14, М., 1962.

Пулевский Л. А. Очерки по истории Нерчинска. Нерчинск, 1929.

Регунский В. Ф. Памятники Тобольска и его окрестностей. Тюмень, 1960.

Ремезов С. Чертежная книга Сибири. СПб., 1882.

Ровинский Н. А. Между Ангарой и Леной. «Известия Сибирского отдела Русского географического общества», 1872, т. II, № 4.

Р-ов П. А. Деревянная крепость в Верхотурье. — « Пермские губернские ведомости», 1860, № 46.

Русская историческая библиотека, т. II, СПб., 1875; т. III, СПб., 1889; т. VII, СПб., 1859; т. VIII, СПб., 1887.

Сахаров А. М. Города северо-восточной Руси XIV—XV веков. М., 1959.

Сафронов Ф. Г. Город Якутск в XVII — начале XIX века. Якутск, 1957.

«Северный архив», 1826, ч. II, III.

Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение. — «Вестник истории мировой культуры», 1960, № 3.

«Сибирский вестник». СПб., 1820, ч. II, кн. 8.

Сибирские летописи, изданные Археологической комиссией. СПб., 1907.

Сизов М. Заштатный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечения. — «Иркутские епархиальные ведомости», 1883, прибавление к № 4.

Слуцкий А. Описание краткое всех церквей в Тобольске. М., 1852.

«Служебная чертежная книга Сибири» С. Ремезова ГПБ, ОР. Эрмитажный фонд, 237.

Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области конца XVIII в. Кн. 1. СПб., 1885.

Султанов Н. В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества Сибири. — «Известия имп. Археологической комиссии». СПб., 1907, вып. 24.

Суслов В. В. Памятники древнего русского зодчества. Вып. 1—7. СПб., 1895—1901.

Суханов А. Якутский Спасский монастырь. — «Иркутские епархиальные ведомости». 1873, прибавление к № 36.

Тверской Л. Русское градостроительство до конца XVII века. Л.—М., 1953.

Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII в. М., 1966.

«Тобольские епархиальные ведомости», 1820, № 7, 8.

«Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетия. М., 1885.

Устюженский летописный свод. М.—Л., 1950.

Фишер П. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1779.

Чернецов В. Н. О работах Мангазейской экспедиции. — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», т. XXI, М.—Л., 1947.

Шкваріков В. А. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М., 1954.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956.

Шульц Л. Р. Очерк Кондинского края. — «Урал», 1926, № 8.

Шухов И. Н. Общий обзор бассейна р. Таза. Ачинск, 1915.

Шукин Н. С. Удское селение. — «Журнал Министерства внутренних дел», 1848, ч. 22, № 5.

Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882.

Якутия в XVII в. Якутск, 1913.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград).

АЛО ИАДН — Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

БАНОР — Библиотека АИ СССР, отдел рукописей.

ГААК — Государственный архив Алтайского края (Барнаул).

ГАОО — Государственный архив Омской области (Омск).

ГАТО — Государственный архив Тюменской области (Тобольск).

ГПБ, РО — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел (Ленинград).

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи.

ЦГАВФМ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).

ЦГИА — Центральный государственный архив военно-морского флота (Ленинград).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. Академик А. П. Окладников 5

Глава 1. Градостроительное освоение территории 10

Середина XVI — начало XVII века 21

XVII — начало XVIII века 23

XVIII — начало XIX века **31**

Глава 2. Оборонное укрепление — предок Сибирского города **35**

Глава 3. Как росли и строились города 73

Города в бассейне Иртыша 74

Города в бассейне Оби 97
Города на северо-западе Сибири 105
Города на Енисее 117
Якутск — город на Лене 123
Города на юго-востоке Сибири 127

Глава 4. Памятники деревянного и каменного зодчества 143

Деревянные постройки 144
Первые каменные постройки 153
Примечания 184
Список литературы 186
Принятые сокращения 189